

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 19 (2) 2022

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2022

**«ДИСКУРС-ПИ»
19 (2) 2022
Август 2022**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 06.08.2022 г.
Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 14,63
Тираж 500 экз.
Заказ № 26744

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартыянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

«DISCOURSE-P»
19 (2) 2022
August 2022

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on August 6, 2022
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 14,63
Issues – 500
Order # 26744

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

At a reprint the references to the journal
are obligatory

Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

№ 19(2)

Тропы метода

- Яркеев А.В.**
Политический миф в учении Карла Шмитта10
- Фишман Л.Г.**
Речи ни к кому: об эффективности критики
российского ресентимента24
- Оболкина С.В.**
Становление научного дискурса35
- Мальченков С.А.**
Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина53

Парадигмы и процессы

- Шуб М.Л.**
Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности
жителей индустриальных городов Южного Урала72
- Латышев Д.М.**
Священнослужители в партизанском движении
в годы Великой Отечественной войны.....88
- Веселова Д.Н.**
Экологическая политика Китая в Арктическом регионе 104
- Аксёнов И.В.**
Референдум как институт политической партиципации:
опыт Швейцарии 118
- Суслов И.В., Книжова З.З.**
Разговоры о советском прошлом на цифровых кухнях 138

Рецензии и рефераты

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю.

Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов154

19(2)

Tropes of Method

- Yarkeev, A.V.**
Political Myth in the Theory of Carl Schmitt10
- Fishman, L.G.**
Speeches to No One: On the Effectiveness
of Russian Ressentiment Criticism.....24
- Obolkina, S.V.**
The Formation of Scientific Discourse35
- Malchenkov, S.A.**
Civilization discourse in the statements of Vladimir Putin53

Paradigms and Processes

- Shub, M.L.**
Memorial Identity in the Local Identity Structure
of Industrial Cities Residents in the Southern Urals72
- Latyshev, D.M.**
Orthodox Priests in the Partisan Movement
during the Great Patriotic War88
- Veselova, D.N.**
China's Environmental Policy in the Arctic Region 104
- Aksenov, I.V.**
Referendum as an Institution of Political Participation:
The Swiss Experience..... 118
- Suslov, I.V., Knyzhova, Z.Z.**
Conversations about the Soviet Past in Digital Kitchens..... 138

Reviews and Abstracts

Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., Moiseenko, Ya.Yu.

Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects 154

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА

Алексей Владимирович Яркеев,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Ижевск, Россия,
alex_yarkeev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Яркеев А. В. Политический миф в учении Карла Шмитта // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 10–23. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_10

Аннотация

Целью статьи является историко-герменевтический анализ, направленный на экспликацию основных идей и внутренних мотивов, лежащих в основе взглядов К. Шмитта на политический миф. Утверждается, что обращение немецкого мыслителя к мифологическому регистру было обусловлено его верой в принципиально полемический характер политического, связанного с борьбой за идеи, требующей мобилизации мифологических символов и образов. Противопоставляя «иррациональность мифа» пассивно-эстетической установке политического романтизма, К. Шмитт воспринимал миф как этическую или продуцирующую мораль «практическую фикцию», соответствующую легитимности, которая, в свою очередь, понималась им как антитеза рационально-абстрактному нормативизму и пустой законности (легальности). Опираясь преимущественно на рассуждения Ж. Сореля, К. Шмитт трактовал политический миф как психологическую и историческую силу, способную мотивировать действия участников крупных общественных движений посредством системы значимых образов, которые не могут быть поставлены под сомнение, пока в них продолжают верить. В своей атаке на либерализм и парламентаризм К. Шмитт, осознавая опасность иррационализма, тем не менее отводил мифу, выходящему за рамки категорий рационального мышления, роль легитимирующей основы для нового политического порядка. На основе проведенного исследования

© Яркеев А. В., 2022

автор статьи приходит к выводу, что в результате синтеза научного подхода и политической ангажированности К. Шмитт создал политический экзистенциализм, который по своему существу оказался политическим мифом, претендующим на то, чтобы быть средством политической мобилизации и легитимации правопорядка.

Ключевые слова:

политический миф, идеология, политика, государство, романтизм, либерализм, консерватизм, Карл Шмитт.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_10

POLITICAL MYTH IN THE THEORY OF CARL SCHMITT

Aleksey V. Yarkeev,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia,
alex_yarkeev@mail.ru

Article received on February 22, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Yarkeev, A.V. (2022). Political Myth in the Theory of Carl Schmitt. *Discourse-P*, 19(2), 10–23. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_10

Abstract

The purpose of the article is a historical and hermeneutic analysis aimed at explication of the main ideas and internal motives underlying the views of C. Schmitt on the political myth. It is claimed that the appeal of the German thinker to the mythological register was due to his belief in the fundamentally polemical nature of the political, associated with the struggle for ideas, requiring mobilization of mythological symbols and images. Contrasting “irrationality of myth” with the passive-aesthetic attitude of political romanticism, Schmitt perceived myth as an ethical or moral-producing “practical fiction” corresponding to legitimacy, which, in turn, was understood by him as the antithesis of rational-abstract normativism and legality. Relying mainly on the reasoning of G. Sorel, Schmitt interpreted the political myth as a psychological and historical force capable of motivating those taking part in major social movements through a system of significant images that cannot be questioned as long as they continue to be believed. In his attack on liberalism and parliamentarism, Schmitt, realizing the danger of irrationalism, nevertheless assigned the myth, which goes beyond the categories of rational thinking, the role of a legitimizing basis for a new political order. Based on the conducted research, the author of the article

concludes that due to the synthesis of a scientific approach and political engagement, C. Schmitt created political existentialism which in its essence turned out to be the political myth claiming to be a means of political mobilization and law order legitimization.

Keywords:

political myth, ideology, politics, state, romanticism, liberalism, conservatism, Carl Schmitt.

Никакая мысль, сколь угодно ясно проведенная, не в состоянии соперничать с мощью подлинно мифических образов.

Карл Шмитт

Введение

В марте 2022 г. исполнилось ровно 100 лет с момента выхода в свет «Политической теологии» (*Politische Theologie*, 1922) – пожалуй, самой знаковой, цитируемой и наиболее известной в широких интеллектуальных кругах работы немецкого правоведа и политического мыслителя Карла Шмитта. Несмотря на то, что авторство термина «политическая теология» принадлежит не ему, именно он сделал его актуальным и одним из самых востребованных и полемичных в философско-политических дискуссиях XX – начала XXI вв. (Майер, 2022). В настоящее время по проблематике политической теологии издаются специализированные научные журналы и книжные серии, проводятся научные конференции и круглые столы, из года в год неуклонно растет количество публикаций в рамках «шмиттоведения». Все это в совокупности красноречиво свидетельствует о том, что сегодня «обращение к политической теологии становится все более распространенной исследовательской стратегией» (Башков, 2021, с. 29). В определенном смысле мы живем *sub signo Schmitt*, учитывая его фундаментальный вклад в политическую философию и теорию права и резко возросший интерес к его текстам, особенно в современной России, где интеллектуальная рецепция шмиттовских идей возобновилась относительно недавно¹. Теолого-политические аргументы К. Шмитта, не утрачивая высокой степени своей релевантности, с одинаковым успехом используются в качестве концептуальной платформы представителями совершенно различных направлений политической и идеологической мысли (Михайловский, 2008).

Гораздо меньше внимания уделяется еще одному важному понятию в учении К. Шмитта – понятию политического мифа, которое занимает особое место

¹ С ранним творчеством К. Шмитта были знакомы уже в Российской империи, а в СССР в 1920–1940-е гг. обсуждение его ключевых работ являлось составной частью интеллектуальной жизни советских теоретиков права марксистской ориентации. Если не считать отдельных критических высказываний, с конца 1940-х гг. освоение текстов К. Шмитта в СССР практически полностью прекращается. Только со второй половины 1980-х гг. в России вновь пробуждается интерес к его работам (подробнее см. Киселев, 2020).

в его творчестве. Вероятно, это объясняется прежде всего тем, что К. Шмитт не написал ни одного основательного текста по политической теории мифа, за исключением небольшой статьи (Schmitt, 1940), впервые опубликованной в 1923 г. Тем не менее понятие мифа так или иначе фигурирует во многих его известных сочинениях. «Мифополитический» метод К. Шмитта на удивление сохранял свое постоянство, начиная с ранних работ о поэзии и заканчивая предсмертными размышлениями о мировом государстве. Даже его биография со временем обросла множеством мифов, к чему, надо сказать, активно приложил руку и сам К. Шмитт, который открыто претендовал на роль политического мифотворца. Однако ему, констатирует А. Ф. Филиппов (2006), так и «не удалось реализовать свои дарования в области политической мобилизации. <...> Несмотря на многочисленные обращения к мифу, Шмитту не удалось также превратиться в подлинного мифотворца» (с. 86–87). Как и многие консерваторы XX в., К. Шмитт столкнулся с существенной дилеммой: создавая политические мифы, он как постромантический мыслитель в современном мире прекрасно осознавал ложность и потенциальную опасность такого мифотворчества, в том числе и для самого мифотворца: «[Т]от, кто использует такие образы [мифические образы. – А.Я.], с легкостью оказывается в роли мага, вызвавшего явление таких сил, с которыми не в состоянии совладать ни его руки, ни его глаза, ни какая-либо другая мера его человеческих сил. Тогда он подвергается опасности встретиться не с союзником, а с беспощадным демоном, который предаст его в руки его врагов» (Шмитт, 2006, с. 236). Он верил в необходимость «авторитарных» мифов, но сам уже был слишком поражен разочарованием, чтобы полностью поверить в свои собственные творения. И в этом смысле его худшие опасения сбылись, поскольку «эти творения, подобно демонам, стали преследовать своего создателя» (Müller, 1999, p. 80).

Мы не будем анализировать причины, в силу которых К. Шмитт не состоялся как вдохновитель политической активности и создатель политико-мифологической реальности. Это «сюжет» для отдельного разбирательства, и он не входит в задачи данной статьи. Не претендуя на исчерпывающий охват и бесспорный ответ (в том числе по причине неоднозначности и комплексности самой темы), ограничимся попыткой вкратце уяснить, чем мотивировалось это стремление и как оно отразилось на его взглядах.

Политический миф как средство идеологической борьбы

К. Шмитт является одним из наиболее ярких представителей платоновской традиции, связывающей в единое целое политику, теологию и миф (Tralau, 2011). Многими исследователями совершенно справедливо отмечался тот факт, что дискурс К. Шмитта осциллирует между объективным, холодным изложением, претендующим на раскрытие «суровых» истин о политике, и лихорадочным экспрессионизмом, направленным на выявление врага и даже разжигание ненависти. Это противопоставление нередко сводится к противоречию между якобы кристально ясными определениями и различиями, с одной стороны, и частым использованием образов, символов, метафор и даже мифов, с другой (Кильдюшов, 2010, с. 18; Müller, 1999, pp. 61–62). Апелляция к мифам обусловлена тем, что труды К. Шмитта носят идеологический характер почти во всех значениях, кото-

рые обычно приписываются «идеологии», за исключением традиционного марксистского значения «ложного сознания». Использование образов и подвижные определения ключевых понятий были не просто вопросом экспрессионистского стиля, который К. Шмитт сохранил и перенес в научную деятельность из своего юношеского увлечения филологией, – они были частью более широкой веры в природу политики как полемической битвы за идеи и, следовательно, как идеологической в описательном, но также и нормативном смысле: политика как область конфронтации должна быть связана с борьбой за идеи². И эта борьба не может обойтись без мобилизации мифологических ресурсов: «Творение политического или исторического мифа возникает из политической активности, и ткань доводов, которыми и он не может пренебречь, является эманацией политической энергии. Только в настоящей войне возникает миф» (Шмитт, 2015, с. 279). Зачастую острота идеологической борьбы и «политика понятий» (Begriffspolitik), или, как пишут некоторые комментаторы, «магия понятий» (Begriffsmagie), как правило, перекрывали собственно «научность» (Wissenschaftlichkeit) шмиттовского стиля³. Хотя К. Шмитт на протяжении почти 70-летнего творчества часто вносил некоторые изменения в свои ключевые политические и юридические определения, его убежденность в преимущественно идеологической природе политической борьбы, требующей использования мифов и образов, оставалась в основном неизменной (Müller, 1999, pp. 62–63).

Вместе с тем у К. Шмитта не было какой-то единой нормативной теории мифа (Lara, 2017, p. 388). Несмотря на это, вполне возможно в самых общих чертах реконструировать идейно-исторический контекст, «элементы» которого присутствуют в основе шмиттовской трактовки политического мифа. Важно иметь в виду, что в течение нескольких лет, непосредственно последовавших за Первой мировой войной, К. Шмитт фактически искал ответ М. Веберу, который преодолел бы радикальную дихотомию между разумом и романтическим/эстетическим отступлением в иррациональное. Требовалась политическая теория, которая бросила бы вызов формальной рациональности, которую К. Шмитт ассоциировал с либерализмом и позитивизмом (Tregenza, 2002, p. 360).

В первые десятилетия XX в. в Германии человеком, восстановившим серьезный академический интерес к мифу и символу, был Э. Кассирер. Он сделал мифопоэзис фундаментом своей неокантианской антропологии, доказывая, что мир мифа не является набором заблуждений или необузданных фантазий – он представляет собой тотальный способ мышления и символизации, который существует с самого начала человеческой культуры и сохраняет свое присутствие как начальная фаза в развитии любой последующей символической формы. А Шмитт

² По мнению К. Лёвита, понятия и аргументы К. Шмитта являются *полемическими* по самой своей сути, так как их «правильность» определяется целиком и полностью тем, *против* чего они направлены (Лёвит, 2012, с. 116). Согласно К. Шмитту, ни одна политическая система не может реализовывать саму себя только лишь при помощи голой техники утверждения власти – ей требуется идея, «ибо нет политики без авторитета и нет авторитета без этоса убеждения» (Шмитт, 2016, с. 73).

³ «Столь популярное сегодня, – пишет Г. Кельзен в адрес К. Шмитта, – принципиальное смещение науки и политики является типичным *методом создания современной идеологии*» (Кельзен, 2013, с. 410).

в годы своего студенчества был близок к неокантианским кругам, оппозиционно настроенным по отношению к материализму и позитивизму (Bendersky, 1993, pp. 9–11). Два самых значительных труда Э. Кассирера по философии мифа и символа – «Понятийная форма в мифическом мышлении» (*Begriffsform im Mythischen Denken*) и «Философия символических форм» (*Philosophie der symbolischen Formen*) – были изданы в 1922–1923 гг.⁴ В это же время К. Шмитт начал активно интересоваться мифом как носителем политической силы (в 1923 г. была опубликована его статья «Политическая теория мифа»). Разумеется, он не мог не знать о работах Э. Кассирера (об этом свидетельствует хотя бы упоминание философа в «Политическом романтизме»). Однако в интересующем его аспекте (а именно *политическая роль* мифа) К. Шмитт в значительной степени опирается на рассуждения Ж. Сореля из книги «Размышления о насилии» (*Réflexions sur la violence*, 1906). Согласно последнему, миф является психологической и исторической силой, способной мотивировать действия участников крупных общественных движений посредством системы значимых образов, которые не могут быть поставлены под сомнение, пока в них продолжают верить (Сорель, 2013, с. 126–129). Строго говоря, миф и невозможно демифологизировать, его можно только деактивировать «изнутри» мифологическими же средствами. Поэтому миф не может быть опровергнут, но он может быть оспорен альтернативным мифом. Так, в случае итальянского фашизма национальный миф оказался сильнее мифа интернационального анархизма (Schmitt, 1940, p. 17). В конечном счете и сам К. Шмитт противопоставил свой децизионистский миф⁵ парламентаристскому мифу, ведь парламент, по его мнению, «стал для большей части либеральной буржуазии неким мифическим образом, в котором не имеют значение историческая корректность и правильность» (Шмитт, 2010, с. 219).

Пolemический характер идей и понятий для К. Шмитта был связан также с эстетическим аспектом⁶. Поэтому он оперирует термином «миф» и в смысле, близком традиционному, как если бы речь шла, скажем, о каком-нибудь античном мифе – красивой истории (легенде), которую можно только пересказывать или цитировать (Schmitt, 2017, p. 9, 14). «Такие исторические параллели и сравнения, – поясняет К. Шмитт (2015), – представляют собой вспомогательные средства литературного оформления; они охотно пользуются известными историческими личностями и комплексами, ставшими уже мифологическими или легендарными формулами, влекущими за собой множество эмоциональных ассоциаций» (с. 259).

Уже в работе «Политический романтизм» (*Politische Romantik*, 1919) – первой книге, открывающей автора в том качестве, в котором тот предстает в своих последующих эпохальных сочинениях, – К. Шмитт противопоставил «иррациональность мифа», витальная сила которого побуждает к решительному действию, пассивности романтической субъективности, воспринимающей

⁴ Вскоре после смерти Э. Кассирера была издана его последняя книга, целиком посвященная политическому мифу (Cassirer, 1946).

⁵ Обстоятельная критика шмиттовского децизионизма представлена в статье К. Лёвита (2012).

⁶ Несмотря на свою критику политического романтизма, исходящего из эстетической установки, К. Шмитт и сам, как видно, был не так уж далек от романтизма (Филиппов, 2015).

мир всего лишь как повод (occasio) для собственной продуктивности, внешней по отношению к активным тенденциям своего времени и окружения. «Ни космос, ни государство, ни народ, ни историческое развитие не интересуют романтика сами по себе. Все можно сделать удобными символами занимающегося самим собой субъекта» (Шмитт, 2015, с. 141). Для романтика реальностью обладает лишь то, что способно пробудить в нем какой-то интерес, а ввиду того, что никакое подлинное воздействие на реальность ему не требуется, он может согласиться с любой реальностью, лишь бы она его не беспокоила и не представляла для него угрозы. Соответственно, вся романтическая активность сводится к переживанию, к настроению, но оформить свою активность в области переживания, игнорируя каузальные закономерности реального мира, можно только эстетическим образом: «Провозглашается абсолютизация искусства, универсального искусства требуют, и все духовное – религия, церковь, нация и государство – течет в потоке, который исходит из нового центра, из эстетического» (с. 27). Однако «[н]и религиозные, ни моральные, ни политические решения, ни научные понятия невозможны в области только эстетического. <...> Всякая политическая активность – будь ее содержанием только техника завоевания, удержания или расширения политической власти или же она зиждется на правовом или моральном решении – противоречит сугубо эстетической природе романтического» (с. 28, 276).

По мнению К. Шмитта, романтизм был завершен предтечей экзистенциальной философии С. Кьеркегором, который вывел субъективность на уровень этического самоопределения (Башков, 2021, с. 40; Шмитт, 2015, с. 125). Этика устраняет эстетическую установку, требуя энергичного решения (decision), взятия на себя ответственности, перехода от созерцания к действию. Кьеркегоровский пафос этического сознания К. Шмитт доводит «до той степени интенсивности, когда выражением настоящего и ключом к пониманию возможности действия оказывается уже не сама действительность, но политический миф» (Башков, 2021, с. 42). Миф, понимаемый как «практическая фикция», рассматривается К. Шмиттом в свете прагматических и инструментальных соображений. В качестве этической или продуцирующей мораль фикции миф соответствует тому, что К. Шмитт позже назовет легитимностью, тогда как нормативизм как абстрактная, рациональная фикция соответствует пустой законности (легальности).

Для К. Шмитта романтический субъект, ставящий себя на место Бога, является преимущественно выражением либерально-буржуазного общества, распавшегося на изолированных и эмансипированных индивидов. Здесь, с одной стороны, обнаруживается либеральное происхождение романтизма, и в то же время происходит романтизация либеральной дискуссии, т. к. «противоположность речи и возражения служит поводом для романтического переживания» (Шмитт, 2015, с. 238). Романтический «вечный разговор», приобретающий вид парламентской дискуссии, дает К. Шмитту основание заявить об исчерпанности идеи парламентаризма, поскольку получается, что «парламентаризм – неполитичен, болтлив, удовлетворяет прихотям самовлюбленных фантазеров и т. п.» (Филиппов, 2015, с. 368). Как нельзя подменить политическое эстетическим, так и невозможно социальный порядок утвердить на основе чистой общительности и наслаждения беседой.

Идее «вечного разговора» в рамках либерального понимания парламентаризма К. Шмитт противопоставляет децизионизм: временность и конечность

человеческой ситуации несовместима с бесконечной дискуссией, когда-то она должна привести к решению (Таубес, 2021, с. 151–152). Поэтому он атакует либерализм как дискурс деполитизации и нейтрализации, любой ценой уклоняющийся от решения. В этом смысле теория мифа, являясь «сильнейшей противоположностью абсолютному рационализму и его диктатуре», «в то же время, будучи учением о непосредственном активном решении», «является еще большей противоположностью относительному рационализму всего комплекса [идей], которые группируются вокруг таких представлений, как уравновешение, публичная дискуссия и парламентаризм» (Шмитт, 2016, с. 161). Кризис либерального парламентаризма, пишет мыслитель, стал очевидным тогда, когда «развитие современной массовой демократии сделало публичную дискуссию с использованием аргументов пустой формальностью. <...> Массы завоевываются аппаратом пропаганды, наиболее эффективным при апелляции к самым насущным интересам и страстям. Исчезает аргумент в прямом смысле слова, характерный для подлинной дискуссии. Место его в переговорах партий занимает целенаправленная калькуляция интересов и силовых шансов (Machtchancen), а в обращении с массами – действенное внушение или символ...» (с. 98). Истоки этого кризиса, по мнению К. Шмитта, содержатся в противоположности между либеральным индивидуализмом и демократическим восприятием государства, основанным на политических идеалах. На фоне витальной сущности прямой демократии либеральный парламент выглядит искусственным механизмом, тогда как диктатура может быть «непосредственным выражением демократической субстанции и силы» (с. 110). Хотя, например, марксистская диктатура пролетариата все еще предполагала возможность рационалистической диктатуры, другие учения о прямом действии тем или иным образом основывались на иррационалистической философии и иррационалистических мотивах применения силы. Растущий акцент на иррациональном элементе в политическом поведении еще больше подорвал либеральное представление о рациональных индивидах, участвующих в самоуправлении. Работы В. Парето, Ж. Сореля и М. Вебера подчеркивали иррациональное в человеческой природе, демонстрируя силу мифа и харизматического лидерства как мотивирующих политических сил. Иррациональный элемент мифа позволяет индивидам воспринимать себя частью коллектива с исторической или провиденциальной миссией (Meierhenrich & Simons, 2016, p. 270).

Не стоит, однако, полагать, что политическая теория К. Шмитта была иррациональной, и он сам никогда не продвигал иррационализм как политическую доктрину. В эпоху политики массового общества он особенно хорошо осознавал политическое значение иррационального поведения и силу мифа, но считал такой иррационализм в политической сфере опасным (Bendersky, 1993, p. 59). Как бы то ни было, нападая на либерализм, К. Шмитт ищет легитимирующую основу для нового политического порядка и в конечном счете обнаруживает ее в изменении мифического, выходящего за рамки категорий рационального мышления. Именно на фоне мифического К. Шмитт обращается к Т. Гоббсу, у которого находит представление о политическом, не запятнанное деполитизирующей тенденцией либеральной современности. Чтобы реабилитировать мифологический аспект политической философии Т. Гоббса, К. Шмитт стремится опровергнуть широко укоренившееся мнение о том, что английский мыслитель является одним из основателей научной (позитивистской) теории политики. Доказательством

этого К. Шмитт считает использование Т. Гоббсом мифологического образа ветхозаветного чудовища Левиафана применительно к государству. «Левиафан может существовать только в своей стихии. Это стихия мифа. Только миф соединяет духовную жизнь народа таким образом, что право как конкретный порядок возвышается над простой фактичностью, но не отрывается от нее, <...> а само государство во главе с сувереном не есть ни абстракция, ни бездушный механизм, но органическое целое, эффективное как машина и доступное живому восприятию как мифический образ» (Филиппов, 2006, с. 98–99). К. Шмитт связывал государство с необходимостью мифов посредством того соображения, что граждане должны иметь осязаемое представление о суверене как о реальности, которая находится вне их и превосходит их. Прочная и долговременная политическая ассоциация невозможна без какого-либо содержательно-символического представления, способного наделить эту ассоциацию видимой властью⁷ (Tralau, 2011, p. 64).

Политический смысл идеи суверенитета, по К. Шмитту, заключается в его экзистенциальном, а не формальном характере. Предельная экзистенциальная ситуация, конституирующая политическое в его существе, связана с решением о жизни и смерти, эвфемизмом-эмблемой чему служит оппозиция друг/враг. «Понятия «друг», «враг» и «борьба» получают реальный смысл благодаря тому, что они особо сопряжены и постоянно сохраняют связь с реальной возможностью физического убийства» (Шмитт, 2016, с. 308). Соответственно, суверенное лицо К. Шмитт задавал через правоспособность 1) принимать решение о чрезвычайном положении и 2) определять врагов государства⁸ (Rap, 2018, p. 101). Вопреки точке зрения Г. Кельзена, своего главного оппонента в плоскости юридической проблематики, К. Шмитт отрицает возможность правового государства, основанного на чистом нормативизме, поскольку в нем не учитывается конституирующий элемент суверенного решения. Но для Г. Кельзена конструкция К. Шмитта не более чем манихейский миф: «Из двух вводимых конституцией носителей государственной власти возникают враг и друг государства; один хочет разрушить его «единство», а второй защищает его от этого разрушения; нарушитель и гарант конституции. Все это уже не имеет никакого отношения к позитивно-правовой интерпретации конституции; это мифология Ахурамазды и Ахримана» (Кельзен, 2013, с. 409). Действительно, политическая теория К. Шмитта де-факто окзывается политическим «экзистенциализмом», в конечном счете основанным на мифах об естественном состоянии войны всех против всех и сущностно *злой* природе человека. Поскольку либерализм (наряду с анархизмом) отрицает не-

⁷ У этого соображения есть еще и другой аспект, относящийся к внутренней жизни граждан: суверен не может в индивидуальном порядке определять или выяснять убеждения своих граждан, поэтому, если требуется сохранить надлежащий характер политической ассоциации, внутренняя жизнь большинства граждан должна быть такой, чтобы она сопротивлялась системам убеждений, которые могли бы поставить под сомнение характер ассоциации и в конечном счете привести к ее разрушению. И это оформление внутренней жизни, по мнению К. Шмитта, лучше всего достигается с помощью правильного мифа.

⁸ В работе «Понятие политического» (Der begriff des politischen, 1932) К. Шмитт полагал политическим решением в высшем смысле решение о друзьях и врагах.

избежность человеческих конфликтов, он не способен создать правильную политическую философию: либеральной политики нет, есть только либеральная критика политики, а именно попытка укротить и в конечном счете устранить конфликты из человеческой жизни. Причина неспособности либерализма признать оппозицию друг/враг фундаментальным политическим различием кроется в его оптимистической концепции человеческой природы.

Как показал Л. Штраус, пацифизм политического отвергается К. Шмиттом по той причине, что тот в угрозе жизни видит в ней единственное основание серьезности жизни, противопоставляемой развлечению и беззаботному времяпрепровождению. Согласно К. Шмитту, мир без различения друга и врага, мир без вражды и тем самым мир без возможности войны и без возможности нахождения под угрозой смерти являлся бы миром без политики. Идеал человеческого общества, которое было бы основано на исключении вражды и войны, «просто отвратителен автору. И то обстоятельство, что Шмитт не демонстрирует свое моральное отвращение, а как раз стремится его скрыть, лишь делает его полемику еще более эффективной» (Майер, 2012, с. 133).

Отвечая на рецензию Л. Штрауса в примечании к переизданию «Понятия политического» (1963), К. Шмитт отмечает неудовлетворительный характер понятия «развлечение» и дополняет его понятием игры (Spiel) как антитезы серьезности политического (Шмитт, 2016, с. 401–402). Но тут возникает резонный вопрос: разве невозможно играть со *всей серьезностью*, полностью отдавая себя игре – даже с *риском для жизни*? «Серьезность» как точка различения политического и игрового пространств оказывается при более пристальном взгляде сомнительным критерием. Более того, как демонстрирует Дж. Агамбен, в исторической ретроспективе абсолютное различие между игрой и войной (враждой) не выдерживает критики. Речь идет о конфликтах, «когда война принимает форму ритуализированного поединка благодаря четкому ряду предписаний и запретов, которые без тени сомнения наводят на мысль о правилах некоей игры» (Агамбен, 2021, с. 111). В этом смысле парадигматическим значением обладают войны в архаической Греции, которые часто носили агональный характер, т. е. принимали облик серьезной кровопролитной игры, в которой соперники, однако, «не убивают друг друга из-за того, что они враги, и не являются врагами, потому что могут убить друг друга: они сражаются до смерти на чисто агональных основаниях – в этом смысле «играючи» (с. 119). Агональность войны, не предполагающая подлинной вражды, решительным образом разрушает шмиттовское противопоставление «серьезности» политического неполитическому «развлечению», игре.

Заключение

Согласно К. Лёвиту (2012), в политической теории К. Шмитта отсутствуют какие-либо указания «на некий новый миф как духовное основание политической активности в эпоху модерна» (с. 117). Это так, но лишь постольку, поскольку – как мы в этом уже удостоверились – сама эта теория и есть миф, в качестве противоядия от либерально-технической нейтрализации ценностей и деполитизации мира претендующий на то, чтобы служить фундаментом политической мобилизации и легитимации правопорядка, хотя сам К. Шмитт и надеялся построить их на немифологических основаниях, т. к. для политической теологии миф (борьба

мифов) относится к области политеизма (Schmitt, 1940, p. 18). То, что с научной точки зрения позволяет квалифицировать его политическую теорию как миф, выражается главным образом в следующем. Во-первых, налицо *circulus vitiosus*, в котором политическое и возможность вражды/войны взаимно имплицитуют и предполагают друг друга. Во-вторых, определяя сущность политического через экзистенциальное напряжение между друзьями и врагами, К. Шмитт полностью игнорирует классическую традицию, основывающую политическое не на вражде, а на дружбе (Платон, Аристотель). Для К. Шмитта политическая дружба носит опосредованный и вторичный характер, не обладая самостоятельной ценностью и субстанциальностью. В-третьих, нападая на «либеральный разговор», К. Шмитт без тени сомнения отбрасывает тот непреложный факт, что разговор не является противоположностью политического – он есть его неотъемлемая, необходимая и самостоятельная часть (сфера). Таким образом, радикализовав некоторые идеи (агрессивно-эгоистическая природа человека, вражда как естественное состояние человечества, персоналистский/волонтаристский характер суверенитета, жизнь под угрозой смерти как квинтэссенция политического и ряд других), соединив научный анализ с политической ангажированностью, что соответствует идеологическому подходу, К. Шмитт создал политический «экзистенциализм», который обернулся иррациональностью гностического мифа: *Nemo contra hominem nisi homo ipse*⁹.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2021). *Stasis. Гражданская война как политическая парадигма*. СПб.: Владимир Даль.
2. Башков, В. (2021). От Кьеркегора к Шмитту: к политико-теологической актуальности повторения. *Социологическое обозрение*, 20(1), 25–49. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-1-25-49>
3. Кельзен, Г. (2013). Кто должен быть гарантом конституции? В К. Шмитт, *Государство: Право и политика* (с. 359–410). М.: Территория будущего.
4. Кильдюшов, О. (2010). Читая Шмитта. В К. Шмитт, *Государство и политическая форма* (с. 7–32). М.: Издательский дом ВШЭ.
5. Киселев, М. (2020). Карл Шмитт в СССР. *Социологическое обозрение*, 19(2), 276–309. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-276-309>
6. Лёвит, К. (2012). Политический децизионизм. *Логос*, (5), 115–142.
7. Майер, Г. (2020). Что такое политическая теология? В Я. Ассман, *Политическая теология между Египтом и Израилем* (с. 29–49). СПб.: Владимир Даль.
8. Майер, Х. (2012). *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического»*. О диалоге отсутствующих. М.: Скимень.
9. Михайловский, А.В. (2008). Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического. *Вопросы философии*, (9), 158–171.

⁹ «Никто против человека, кроме самого человека» (лат.) – перефразировка К. Шмиттом изречения И. Гёте *Nemo contra Deum nisi Deus ipse* («Никто против Бога, кроме самого Бога») (подробнее о теолого-политическом гностицизме см. Schmitt, 2017).

10. Сорель, Ж. (2013). *Размышления о насилии*. М.: Фаланстер.
11. Таубес, Я. (2021). *Ad Carl Schmitt. Сопряжение противострельного*. СПб.: Владимир Даль.
12. Филиппов, А. Ф. (2006). Критика Левиафана. В К. Шмитт, *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса* (с. 5–100). СПб.: Владимир Даль.
13. Филиппов, А. Ф. (2015). Политический романтизм Карла Шмитта. В К. Шмитт, *Политический романтизм* (с. 317–380). М.: Праксис.
14. Шмитт, К. (2006). *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа*. СПб.: Владимир Даль.
15. Шмитт, К. (2010). *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом ВШЭ.
16. Шмитт, К. (2015). *Политический романтизм*. М.: Праксис.
17. Шмитт, К. (2016). *Понятие политического*. СПб.: Наука.
18. Bendersky, J. (1993). *Carl Schmitt. Theorist for the Reich*. Princeton: Princeton University Press.
19. Cassirer, E. (1946). *The myth of the State*. New Haven: Yale University Press.
20. Lara, M. (2017). Carl Schmitt's contribution to a theory of political myth. *History and Theory*, 56(3), 379–388. <https://doi.org/10.1111/hith.12026>
21. Meierhenrich, J., & Simons, O. (Eds.). (2016). *The Oxford handbook of Carl Schmitt*. New York: Oxford University Press.
22. Müller, J. (1999). Carl Schmitt's method: Between ideology, demonology and myth. *Journal of Political Ideologies*, 4(1), 61–85. <https://doi.org/10.1080/13569319908420789>
23. Pan, D. (2018). Myth and rationality in politics: Carl Schmitt, Thomas Hobbes, and Liberalism's materialist quandary. *Telos*, (183), 95–112. <https://doi.org/10.3817/0618183095>
24. Schmitt, C. (1940). Die politische Theorie des Mythos. In C. Schmitt, *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles, 1923–1929* (pp. 9–18). Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
25. Schmitt, C. (2017). *Politische Theologie II. Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie*. Berlin: Duncker & Humblot.
26. Tralau, J. (Ed.). (2011). *Thomas Hobbes and Carl Schmitt. The politics of order and myth*. London & New York: Routledge.
27. Tregenza, I. (2002). Leviathan as myth: Michael Oakeshott and Carl Schmitt on Hobbes and the critique of rationalism. *Contemporary Political Theory*, 1, 349–369. <https://doi.org/10.1057/palgrave.cpt.9300042>

References

1. Agamben, G. (2021). *Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma* [Stasis: Civil war as a political paradigm]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Bashkov, V. (2021). Ot K'erkegora k Shmittu: k politiko-teologicheskoy aktual'nosti povtoreniya [From Kierkegaard to Schmitt: Towards the political-theological relevance of repetition]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 20(1), 25–49. <https://doi.org/10.1017/S0013716521000042>

doi.org/10.17323/1728-192x-2021-1-25-49

3. Bendersky, J. (1993). *Carl Schmitt. Theorist for the Reich*. Princeton: Princeton University Press.
4. Cassirer, E. (1946). *The myth of the State*. New Haven: Yale University Press.
5. Filippov, A. F. (2006). Kritika Leviafana [Criticism of Leviathan]. In C. Schmitt, *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* (pp. 5–100). Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Filippov, A. F. (2015). Politicheskij romantizm Karla Shmitta [Carl Schmitt's political romanticism]. In C. Schmitt, *Politicheskij romantizm* (pp. 317–380). Moscow: Praksis.
7. Kelsen, H. (2013). Kto dolzhen byt' garantom konstitutsii? [Who should be the guarantor of the Constitution?]. In C. Schmitt, *Gosudarstvo: Pravo i politika* (pp. 359–410). Moscow: Territoriya budushhego.
8. Kildyushov, O. (2010). Chitaya Shmitta [Reading Schmitt]. In C. Schmitt, *Gosudarstvo i politicheskaya forma* (pp. 7–32). Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
9. Kiselev, M. Karl Shmitt v SSSR [Carl Schmitt in the USSR]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 19(2), 276–309. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-276-309>
10. Lara, M. (2017). Carl Schmitt's contribution to a theory of political myth. *History and Theory*, 56(3), 379–388. <https://doi.org/10.1111/hith.12026>
11. Löwith, K. (2012). Politicheskij detsizionizm [Political decisionism]. *Logos*, (5), 115–142.
12. Meier, H. (2012). *Karl Shmitt, Leo Shtraus i «Ponyatie politicheskogo»*. *O dialoge otsutstvuyushhikh* [Carl Schmitt and Leo Strauss: The hidden dialogue]. Moscow: Skimen.
13. Meier, H. (2020). Chto takoe politicheskaya teologiya? [What is political theology?]. In J. Assmann, *Politicheskaya teologiya mezhdu Egiptom i Izrailem* (pp. 29–49). Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
14. Meierhenrich, J., & Simons, O. (Eds.). (2016). *The Oxford handbook of Carl Schmitt*. New York: Oxford University Press.
15. Mikhailovsky, A. V. (2008). Bor'ba za Karla Shmitta. O retseptsii i aktual'nosti ponyatiya politicheskogo [The fight for Carl Schmitt. On the reception and relevance of the concept of the political]. *Voprosy filosofii*, (9), 158–171.
16. Müller, J. (1999). Carl Schmitt's method: Between ideology, demonology and myth. *Journal of Political Ideologies*, 4(1), 61–85. <https://doi.org/10.1080/13569319908420789>
17. Pan, D. (2018). Myth and rationality in politics: Carl Schmitt, Thomas Hobbes, and Liberalism's materialist quandary. *Telos*, (183), 95–112. <https://doi.org/10.3817/0618183095>
18. Schmitt, C. (1940). Die politische Theorie des Mythos [The political theory of myth]. In C. Schmitt, *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar – Genf – Versailles, 1923–1929* (pp. 9–18). Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
19. Schmitt, C. (2006). *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [The Leviathan in the State theory of Thomas Hobbes: Meaning and failure of a political symbol]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
20. Schmitt, C. (2010). *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

21. Schmitt, C. (2015). *Politicheskij romantizm* [Political romanticism]. Moscow: Praxis.
22. Schmitt, C. (2016). *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. Saint Petersburg: Nauka.
23. Schmitt, C. (2017). *Politische Theologie II. Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie* [Political theology II. The myth of the closure of any political theology]. Berlin: Duncker & Humblot.
24. Sorel, G. (2013). *Razmyshleniya o nasilii* [Reflections on violence]. Moscow: Falanster.
25. Taubes, J. (2021). *Ad Carl Schmitt. Sopryazhenie protivostremitel'nogo* [Ad Carl Schmitt]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
26. Tralau, J. (Ed.). (2011). *Thomas Hobbes and Carl Schmitt. The politics of order and myth*. London & New York: Routledge.
27. Tregenza, I. (2002). Leviathan as myth: Michael Oakeshott and Carl Schmitt on Hobbes and the critique of rationalism. *Contemporary Political Theory*, 1, 349–369. <https://doi.org/10.1057/palgrave.cpt.9300042>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Яркеев, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>, e-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Information about the author

Aleksey Vladimirovich Yarkeev, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, The Udmurt branch, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>, e-mail: alex_yarkeev@mail.ru

РЕЧИ НИ К КОМУ: ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КРИТИКИ РОССИЙСКОГО РЕСЕНТИМЕНТА

Леонид Гершевич Фишман,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Фишман Л.Г. Речи ни к кому: об эффективности критики российского ресентимента // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 24–34. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_24

Аннотация

Целью статьи является анализ эффективности стратегии критики российского ресентимента. Характеризуется концепция ресентимента как инструмент обличения, перевоспитания, социальной критики. Утверждается, что классическая и современная критика ресентимента является критикой «ложного сознания» справа. Она сводится к дискредитации любых попыток «униженных и оскорбленных» изменить свое положение. В ней конформистскому дискурсу «успешных» и «позитивных» социальных субъектов противопоставляется ресентимент как мироощущение ущербных неудачников. Такая критика в условиях современной России оказывается малоэффективной. Как бы ни были точны ее выпады, они не могут перевоспитать ни действительно «униженных и оскорбленных», которым нечего терять, ни «успешных» представителей элит. Критика российского ресентимента могла бы иметь больший эффект, если бы акцентировала внимание на разнице между ресентиментом элит и масс, но в силу имманентно заложенных в ней идеологических ограничений на такое неспособна. Она остается разновидностью «внешнего», вестернизирующего дискурса, выступающего с позиций само собой разумеющейся нормативности, по отношению к которой все прочее есть отклонение. Ей фактически не к кому об-

© Фишман Л.Г., 2022

ратиться в пределах российского общества, которое за минувшие десятилетия устало от такого рода критики и проявляет довольно высокую степень единства в неприятии как «успешных людей», которые покинули Россию уже давно, так и тех, кто покинул ее совсем недавно. Поэтому в данном случае она не достигает своей цели.

Ключевые слова:

ресентимент, ложное сознание, элиты, массы, идеология, риторика реакции.

UDC 159.9+32

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_24

SPEECHES TO NO ONE: ON THE EFFECTIVENESS OF RUSSIAN RESENTIMENT CRITICISM

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
lfishman@yandex.ru

Article received on March 18, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Fishman, L.G. (2022). Speeches to No One: On the Effectiveness of Russian Resentiment Criticism. *Discourse-P*, 19(2), 24–34. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_24

Abstract

The article is aimed at analyzing the effectiveness of the strategy of Russian resentment criticism. It characterizes the concept of resentment as a tool of denunciation, re-education, and social criticism. The author argues that the classical and modern criticism of resentment is a criticism of “false consciousness” from the right. It boils down to discrediting any attempts of the “humiliated and insulted” to change their position and contrasts the conformist discourse of “successful” and “positive” social actors with resentment as the worldview of defective losers. Such criticism turns out to be ineffective in modern Russia. No matter how accurate its attacks may be, they cannot re-educate neither the truly “humiliated and insulted”, who have nothing to lose, nor the “successful” representatives of the elites. Criticism of Russian resentment could have a greater effect in case of being focused on the difference between the resentment of the elites and the masses, but due to inherent ideological limitations, it is incapable of doing this. It remains a kind of “external”, westernizing discourse, acting from the standpoint of self-evident normativity, in relation to which everything else is a deviation. In fact, it has no one

to turn to within the Russian society, which over the past decades has grown tired of this kind of criticism and shows a rather high degree of unity in rejecting both those “successful people” who left Russia a long time ago and those who have left it quite recently. Therefore, in this case, it fails to achieve its goal.

Keywords:

ressentiment, false consciousness, elites, masses, ideology, rhetoric of reaction.

Введение

Одной из стратегий критиков современного российского политического режима, да и в целом России как социокультурного субъекта, состояния российского общества, которое обуславливает действия страны на глобальной арене, является констатация пронизывающих его ресентиментных настроений. Так, С. Медведев замечал, что уже «Россия нулевых – яркий пример ресентимента, ставшего государственной политикой. Одним из главных пропагандистских мифов путинской эпохи, который начал активно раскручиваться едва ли не с первых месяцев прихода Путина к власти, стала «теория поражения» России, начиная с ламентаций о «крупнейшей геополитической катастрофе XX века», каковой был распад СССР, и заканчивая расхожим мемом о «лихих девяностых» (Медведев, 2014). Л. Гудков (2021) писал о массовом ресентименте, который стал следствием разочарования от результатов реформ, влияния консервативной демагогии, критики «проводимой правительством политики со стороны коммунистов, военных, националистов, считавших гайдаровские реформы частью стратегического плана по разрушению СССР» (с. 73). М. Ямпольский еще во время Крымской весны описывал общественные настроения в России как массовый «отказ от реальности», связанный с «чувством беспомощности людей, неспособных внести хотя бы мизерное изменение в жизнь своей страны и даже своей семьи», как «взрыв «рабского» негативизма, помогавшего людям преодолеть чувство отчуждения и униженности». Поэтому «все российское общество, от Путина до последнего стрелочника, в равной мере является носителем ресентимента. ...ресентиментные фантазии власти в какой-то момент вошли в странный резонанс с ресентиментными фантазиями обывателей. И мир стал трансформироваться. Авантюра на Украине стала благородной войной против воображаемых фашистов, изоляция России – ее утверждением в ранге великой державы, упадок экономики и падение доходов – ростом благосостояния и счастья. И даже люди, далекие от фантазмов ресентимента, но напуганные ураганом происходящих изменений, которые они не в силах предотвратить, систематически пытаются отрицать реальность происходящего или хотя бы закрыть на нее глаза»¹. Даже если не соглашаться с оценками, данными в этом пассаже несколько лет назад, трудно отрицать, что сегодня

¹ Ямпольский, М. (2014, 6 октября). *В стране победившего ресентимента*. Взято 20 февраля 2022, с <https://www.colta.ru/articles/specials/4887-v-strane-pobedivshego-resentimenta>

такая точка зрения тем более может найти массу сторонников. Ведь те причины, которые побудили ее сформулировать, сейчас воспроизводятся в гораздо более концентрированном виде.

Но насколько оправдана стратегия критики российского общества с точки зрения концепции ресентимента? Насколько она может быть действенной? Для этого надо сначала ответить на вопрос, что представляет собой концепция ресентимента как инструмент обличения, перевоспитания, социальной критики.

Ресентимент как критика «ложного сознания» справа

Прежде чем приступить к последующему изложению, отметим, что нет основания огульно отрицать феномены, квалифицируемые как ресентимент. Мы исходим из понимания ресентимента, вытекающего из сочинений Ницше и Шелера, т. е. как феноменального единства переживаний и действия, обусловленного бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью отомстить виновникам перманентного унижения (Фишман, 2021, с. 147). Надо особенно подчеркнуть, что в изложении сторонников концепции ресентимента последний не является простым чувством бессилия, которое вызывает желание отомстить – пусть даже и в неосязаемой сфере морали. Это, в первую очередь, специфический самообман. Как замечает Н. Вайман, «о ресентименте в строгом смысле слова можно говорить только тогда, когда цель влечения достижима. Ресентимент – это результат надлома: человек пасует перед трудностями в борьбе за какие-то достижимые цели – и «делает из нужды добродетель», то есть свой отказ от борьбы выстраивает и теоретически обосновывает (не важно, на каком «философском уровне») тем, что цель якобы недостойна... Для возникновения ресентимента необходимо, чтобы субъект «в глубине души» осознавал, что он «сдрейфил» и произвел подмену: вместо того, чтобы признаться себе: я отступил от трудно достижимой цели, потому что не был готов к борьбе и возможным лишениям, он говорит: я запросто мог бы этого достичь (цель легко достижима), но не стал этого делать, потому что эта цель противоречит моим высоким нравственным принципам... При этом «вытесняется» опять же не влечение, а одна теоретическая модель – другой: правдивая, но неудобная – лживой, но «щадящей»².

В конечном счете концепция ресентимента делит всех на сильных и слабых (в моральном плане). В ее основе находится обличение слабых в склонности к «ложным самоотчетам», причиной чего является неготовность признаться в том, что ты отказался достигнуть вполне достижимой цели. Иными словами, это обличение недовольных в том, что на самом деле они ленивы, безвольны и неспособны признать, что именно в этих качествах заключается главная причина их бед. От этого они начинают переоценивать ценности и таким образом изощренно мстить успешным и сильным.

Всякую критику следует оценивать, исходя из того, насколько велики ее шансы достучаться до критикуемого объекта, изменить общество, вызвать

² Вайман, Н. (без даты). *Ресентимент*. Ч. 2. Взято 20 февраля 2022, с <https://snob.ru/profile/30159/blog/1004482/>

внимание элит и масс и т. д. Какова с этой точки зрения критика, строящаяся на обличении ресентимента?

Вне зависимости от того, насколько точны и тонки замечания по поводу истинной подоплеки ресентиментного поведения, стратегий, идеологий, нужно заметить, что концепция ресентимента является критикой «ложного сознания» *справа*. Это, по сути, всякая критика неуспешных людей и их реакций на свое положение с точки зрения успешных и процветающих. Позиция последних основана на представлении, что мир в целом хорош и справедлив, что «кто хочет, тот добьется», а если не добился, то исключительно сам в этом виноват. И все его недовольство, равно как и действия, продиктованы чувством зависти к успешным и желанием отомстить. Мы без труда можем провести определенные ассоциации, заметив, что именно так и реагируют на всякое недовольство наименее совестливые представители правящих классов и их идеологическая обслуга. Таковы аристократы французского старого порядка, ангажированные интеллектуалы Германии конца XIX – начала XX вв., современные неolibе-ральные учителя успешной жизни, значительная часть американского демократического истеблишмента, когда они обличали сторонников Трампа, и т. д. До недавних пор это была реакция ряда представителей наших отечественных элит, когда их уличали в показной роскоши или в лицемерии на тему «я сам всего добился». Все они были не прочь поучить всяких неудачников, почему-то не сумевших интегрироваться в лучший из возможных миров. Нечто похожее мы видим и у современных разоблачителей российского ресентимента. Упомянутые выше рассуждения С. Медведева представляют типичный пример дискурса успешности и удачливости (при соответствующих усилиях), противопоставляемый ресентименту. «По здравом размышлении, – пишет С. Медведев, – мирный роспуск Советского Союза (в отличие, например, от взрывного распада Югославии) был не поражением России, а шансом для нее, сохранив основную территорию, население, ядерный потенциал и правопреемство от СССР, избавившись от затратного имперского балласта, совершить постиндустриальный переход, присоединиться к «золотому миллиарду» глобального Севера. Собственно, активная часть российского населения, включая всю правящую элиту и самого президента Путина, этим шансом успешно воспользовалась. Россия нулевых, оправившись от кризиса 1998 г., используя попутный ветер слабого рубля и растущих нефтяных цен, неуклонно поднималась с коленей, удваивала ВВП, вступала в ВТО, сотрудничала с США в войне с террором – но при этом для домашнего употребления тиражировался миф о геополитическом поражении, унижении и разграблении России мировым либерализмом и его ставленниками Ельциным, Гайдаром и Чубайсом... Мысль о поражении и чувство обиды на реформаторов и на окружающий мир стали удобным оправданием для социального иммобилизма и паразитизма путинской эпохи, совпали с глубинной российской склонностью к ресентименту» (Медведев, 2014). Словом, перед Россией было широко открытое «окно возможностей», но она им не воспользовалась, поскольку мешал «социальный иммобилизм и паразитизм» большей части населения.

Упор на иммобилизм, паразитизм и иные негативные черты страдающего ресентиментом субъекта – характерная черта классического дискурса о ресентименте, который повествует об ущербной во всех отношениях личности. Ей противопоставляется личность благородная, гармоничная, сильная; словом, об-

разец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Так, Ницше пишет о «высокородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны» (Ницше, 1990, с. 453) в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей» (с. 426). Это крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)» (с. 426). «Активный, наступательный, переступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный; ... Оттого фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал и более свободным взглядом, более спокойной совестью...» (с. 453). Ему противопоставляются люди *ressentiment*, «эти физиологически увечные и источенные червями существа» (с. 494), придумавшие самую «нечистую совесть». Ницше во многом вторит Шелер, для которого ресентимент также является отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Для Шелера, к примеру, «очевидно», что в основе трудовой теории собственности «лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда» (Шелер, 1999, с. 155), в то время как сословный социальный порядок, в основе которого находится «благородная кровь и традиция», есть для него «осмысленная селекция лучших», «слепок присущей всей живой природе аристократии» (с. 183). Ресентимент для Шелера – «источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь» (с. 56).

Иными словами, в рамках концепции ресентимента если некто долго³ испытывает характерные для ресентимента чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств. Акцентирование внимания на этом – достаточно примитивная манипуляция, которая с сегодняшней точки зрения достойна коучей, рисующих нам портрет позитивного и по-хорошему «агрессивного человека», старающегося не фокусироваться на плохом. Она предназначена для масс как один из инструментов «буржуазной пропаганды», ставящей своей целью убедить свой объект, что с существующим порядком вещей борются лишь ущербные, слабые, ресентиментные людишки. Объект же пропаганды не слаб, он успешный человек. И пусть он принадлежит объективно к «заведомо низшим слоям общества», он стремится доказать обратное, например, относя себя к «среднему классу» и ради этого амбициозно влезая в долги (Вайс, 2021, с. 67).

Именно поэтому (парадоксальным образом!) добродетель не страдающего ресентиментом человека должна заключаться в моральной и умственной пассивности, блокирующей всякое желание изменить существующий порядок вещей. Ведь не тот одержим ресентиментом, кто терпит свое униженное положение,

³ Если недолго, то можно, ибо, согласно Ницше, недолго испытывать ресентимент могут и подлинники аристократы духа, наделенные благотворной способностью забывания плохого.

или, обладая памятью рыбки или ницшевского аристократа, постоянно забывает о нем, а тот, кто *не* терпит. Поэтому необходимо особо указать на следующее: ресентимент или нечто подобное ему замечают не у всяких неудачников, а исключительно у тех, кто отказывается играть по правилам, не признает их справедливыми, не смиряется и начинает действовать – хотя бы в плане «переоценки ценностей», чтоб изменить мир хотя бы таким образом. Чего уж говорить о ситуациях, когда обличаемые в ресентименте субъекты проявляют активность также и в материальном мире, а не только в области духа! Когда они восстают, объявляют этому миру войну и т. д. Им предрекают неудачу в виде «непреднамеренных последствий», извращение целей ввиду применения неподходящих средств, обнаруживают у них корыстные мотивы разного рода. В связи со сказанным следует отметить, что приемы осмысления социальных феноменов, характерные для концепции ресентимента, гораздо более распространены, чем само слово «ресентимент». Таково, к примеру, отношение Айн Рэнд и ее любимых героев ко всякого рода левым, государству, бедным и т. д., которые обвиняются в паразитизме и тунеядстве, лишь прикрываемом заботой об общенациональных задачах, социальных благах и коллективных ценностях (Шляпентох, 2010). Причем дело подается так, будто государство, левые, паразиты и бедняки уже победили и навязали обществу свою «переоценку ценностей», из-за которой страдают по-настоящему моральные, предприимчивые и творческие люди.

Иными словами, субъекту ресентимента приписывается одновременно ряд качеств, обуславливающих его бессилие и активность с целью изменения мира. Но эта активность неправильная, недопустимая. Идеалом критиков ресентимента является поэтому самый обычный конформист, активность которого разворачивается в пределах, обусловленных его сравнительно привилегированным положением или искренней верой в справедливость наличного порядка вещей. В конечном счете к дискурсу о ресентименте можно отнести едва ли не всякую «риторику реакции», которая призвана убедить окружающих, что любое действие, направленное на улучшение политического, социального или экономического устройства, неизменно приводит к полностью противоположным результатам; любые попытки преобразования общества тщетны, а предлагаемые реформы обойдутся слишком дорого и поставят под угрозу прошлые завоевания (Хиршман, 2010).

Критика, бьющая мимо цели

С учетом вышесказанного эффективность стратегии обличителей ресентимента в ряде случаев оказывается весьма ограниченной. Как бы ни были точны их выпады, вряд ли они могут перевоспитать действительно «униженных и оскорбленных» в тех случаях, когда им нечего терять. В сущности, стратегия обличения ресентимента может иметь успех только тогда, когда жизнь этих «униженных и оскорбленных» не слишком беспросветна, постепенно улучшается, работают социальные лифты. Тогда социальные низы получают некоторое основание верить, что если они будут играть по правилам, наступит и на их улице праздник. Эта стратегия работает также и будучи адресованной типичным представителям «среднего класса», которые даже обнаружив на склоне лет, что их инвестиции, к примеру, в собственность и образование, не принесли

ожидаемых плодов, скорее будут продолжать их делать по-прежнему, чем признаются себе в ошибочности своих действий. И положение которых, при всех оговорках, обусловленных политической и рыночной турбулентностью, все-таки является достаточно устойчивым ввиду наличия обеспеченных государством социальных гарантий.

Однако положение социальных низов и полумифического «среднего класса» в современной России оставляет желать лучшего. В нашей стране существует огромный запрос на социальную справедливость и справедливость вообще. И этот запрос в своих мировоззренческих основаниях исключает высокомерные поучения успешных людей в адрес людей (и стран), которым по умолчанию пронизаны обличения в ресентименте. Этот запрос настолько выражен, что санкции Запада по отношению в прослойке наших отечественных успешных людей, новости об аресте их яхт, финансовых и прочих потерях встречаются соотечественниками вовсе не с сочувствием, а с откровенным одобрением, если не со злорадством. Мы вряд ли сильно ошибемся, предположив, что люди, кичившиеся своей успешностью (особенно их дети, нередко считающие свои достижения результатом исключительно собственных заслуг), вызывают даже большую неприязнь, чем все внешние враги России, вместе взятые. Более того, есть основания считать, что Запад своими санкциями угадал сокровенные мечты множества россиян: кто и так мало что мог себе позволить, ничего не потерял, потеряли те, кто мог. Иными словами, Запад уравнил всех, наказав при этом самых богатых. Да, наверное, реакция, граничащая со злорадством по этому поводу, и есть ресентимент. Ну и что? Констатация этого вряд ли вызовет у нас пароксизмы стыда значимых масштабов, не говоря уже о моральной революции, меняющей облик общества. Стратегия обличения ресентимента как типичная «критика справа» не способна произвести впечатление на тех, к кому, она, казалось бы, адресована.

Тем не менее критика ресентимента имеет шансы на успех, когда речь идет о разделении ресентимента на ресентимент, условно говоря, богатых и ресентимент бедных. Ресентимент не самых обездоленных слоев населения, элит, успешных даже по западным меркам, но рядящихся в рубища дискриминированных – не то же самое, что ресентимент бедных. Сущность ресентимента как разновидности «ложного сознания» раскрывается ярче именно тогда, когда элиты пытаются объединить свои страдания от мелкости жемчуга со страданиями масс от щей без соли. Обычно национальные элиты заинтересованы в том, чтобы не-элиты воспринимали силу богатых и влиятельных как свою собственную, приобщаясь к силе верхов. Но точно так же «сверху вниз» транслируются ощущение слабости и чувство негодования. Такое бывает, например, в случае неудачи реформ в «догоняющей» стране, когда у ее населения «развивается разочарование, перерастающее в агрессивную неприязнь к государству, бывшему ранее образцом. Особую роль в этом процессе играют элиты (в первую очередь интеллектуальная элита), которые сначала создают некий идеал, на который призывают равняться (Англия для французовских интеллектуалов первой половины XVIII в., Франция для немцев времен наполеоновских войн и т. д.), а затем, по мере разочарования, переходят в оппозицию к своим недавним кумирам» (Понарин, Соколов, 2014, с. 105). Ресентимент аналогичного рода, несомненно, можно обнаружить и у части российских элит как реакцию

на продолжавшуюся почти четверть века ползучую военную и экономико-политическую экспансию в сферы жизненно важных интересов России, «которая порождала у значительной части элиты и населения страны чувство унижения и желание реванша»⁴. Правда, в то же самое время «униженная» элита спешно приобретала за нефтедоллары западную недвижимость, гражданство для своих семей и образование для своих детей» (Медведев, 2014). Ресентимент высших чиновников и «олигархов», имеющих счета, яхты, недвижимость за границей, обусловлен тем, что элитарный Запад их не воспринимает как равных, что НАТО продвигается к границам, что Россию не уважают и т. д. Но он вряд ли совпадает с ресентиментом тех, кто в лучшем случае может себе позволить одну поездку в Турцию за несколько лет. Поэтому ресентимент элит и масс соединен не очень надежным швом, на разрыв которого могли бы рассчитывать обличители ресентимента (особенно извне) в тяжелые времена.

Заключение

Последовательный разрыв шва, соединяющего ресентимент элит и масс возможен только в рамках, условно говоря, «левой» идеологической парадигмы. В этой парадигме, даже если отмечается частичное пересечение ресентиментов низов и верхов, присутствует осознание того, что за попытки вернуть утраченные «имперские» позиции (вне зависимости от их успешности) придется платить – и отнюдь не только верхам, но в гораздо большей степени низам. Однако западная, как и отечественная либеральная критика российского ресентимента обычно не акцентирует внимание на разнице между ресентиментом богатых и ресентиментом бедных. Она объединяет их в одно общество, которое коллективно оказывается неспособным реформировать себя в русле стратегий, «характерных для цивилизационных и политических кругов Запада» и «бежит от свободы» (Oleđzka, 2016, p. 243). Даже если морально-идеологическая сфера конкретно российского общества представляется с точки зрения такой критики ущербной, то она все равно исходит из необходимости идейного единства богатых и бедных, сильных и слабых, эксплуататоров и эксплуатируемых. Единства если не в «норме», так в отклонении от нее – в ресентименте. Ибо любая критика ресентимента в конечном счете апеллирует к неустрашимости неких базовых законов несправедливо устроенного мира. Сомнение же в этой принципиальной неустрашимости может привести к выводам вроде «Мир хижинам, война дворцам!» А этого критика ресентимента как типичная критика «ложного сознания» справа, с позиции «успешных людей», поучающих неуспешных, себе позволить не способна. Поэтому она остается разновидностью «внешнего», вестернизирующего дискурса, выступающего с позиций само собой разумеющейся нормативности, по отношению к которой все прочее есть отклонение. Ей фактически не к кому обратиться в пределах российского социума, которому, какие бы реальные проблемы его не одолевали, за минувшие десятилетия изрядно опустылела такого рода критика. И которое в этом отношении проявляет довольно высокую степень единства – единства в неприятии как тех «успешных

⁴ Караганов, С. (2014, 28 июля). *Избежать Афганистана-2*. Взято 20 февраля 2022, с <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/29501801/izbezhat-afganistana-2>

людей», которые покинули наше общество уже давно, так и тех, кто покинул его совсем недавно.

Список литературы

1. Вайс, Х. (2021). *Мы никогда не были средним классом*. М.: Издательский дом ВШЭ.
 2. Гудков, Л. (2021). От «утопии Запада» к реакционной утопии: антизападный ресентимент в путинской России. В К. Рогов (Ред.), *Знамя конфронтации. За что и почему Россия воюет с Западом?* (с. 71–87). М.: Либеральная миссия.
 3. Медведев, С. (2014). Русский ресентимент. *Отечественные записки*, (6). Взято 20 февраля 2022, с <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/russkij-resentiment.html>
 4. Ницше, Ф. (1990). К генеалогии морали. Полемическое сочинение. В Ф. Ницше, *Сочинения в 2 т.* (Т. 2, с. 407–524). М.: Мысль.
 5. Понарин, Э., Соколов, Б. (2014). Глобальная политика глазами российской элиты: Анализ данных опросов 1993–2012 гг. *Россия в глобальной политике*, 12(5), 100–112.
 6. Фишман, Л.Г. (2021). Наследник и бастард. Заметки о социальном генезисе ресентимента. *Полития*, (4), 145–162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-145-162>
 7. Хиршман, А. (2010). *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. М.: Издательский дом ВШЭ.
 8. Шелер, М. (1999). *Ресентимент в структуре моралей*. СПб.: Наука.
 9. Шляпентох, В. (2010). Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни. *Новое литературное обозрение*, (4), 179–190.
 10. Olędzka, J. (2016). Socio-political changes in Russia after 1991. Russian “escape from freedom” or “lost in transformation”? *International Journal of Russian Studies*, (5/2), 242–253.
-

References

1. Fishman, L. G. (2021). *Naslednik i bastard. Zametki o social'nom genезise resentimenta* [Heir and bastard. Notes on the social genesis of resentment]. *Politiya*, (4), 145–162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-145-162>
2. Gudkov, L. (2021). От “утопии Запада” к реакционной утопии: антизападный ресентимент в путинской России [From “utopia of the West” to reactionary utopia: Anti-Western resentment in Putin’s Russia]. In K. Rogov (Ed.), *The banner of confrontation. For what and why is Russia at war with the West?* (pp. 71–87). Moscow: Liberal’naya missiya.
3. Hirschman, A. (2010). *Ritorika reakcii: izvrashchenie, tshchetnost’, opasnost’* [The rhetoric of reaction: Perversity, futility, jeopardy]. Moscow: Izdatel’skij dom VShE’.
4. Medvedev, S. (2014). *Russkij resentment* [Russian resentment].

Otechestvennyye zapiski, (6). Retrieved February 20, 2022, from <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/russkij-resentiment.html>

5. Nietzsche, F. (1990). K genealogii morali. Polemicheskoe sochinenie [On the genealogy of morality: A polemic]. In F. Nietzsche, *Sochineniya v 2 t.* (Vol. 2, pp. 407–524). Moscow: Mysl'.

6. Olędzka, J. (2016). Socio-political changes in Russia after 1991. Russian “escape from freedom” or “lost in transformation”? *International Journal of Russian Studies*, (5/2), 242–253.

7. Ponarin, E.D., & Sokolov, B. (2014). Global'naya politika glazami rossijskoj elity: Analiz dannyh oprosov 1993–2012 gg. [Foreign policy views of Russian elite in 1993–2012]. *Rossiya v global'noj politike*, 12(5), 100–112.

8. Scheler, M. (1999). *Resentiment v strukture moralej* [Resentiment in the structure of morality]. Saint Petersburg: Nauka.

9. Shlapentokh, V. (2010). Ayn Rend: ee marksistskie i bol'shevistskie korni [Ayn Rand: Her Marxist and Bolshevnik roots]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (4), 179–190.

10. Weiss, H. (2021). *Мы никогда не были средним классом* [We have never been middle class]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

Информация об авторе

Леонид Гершевич Фишман, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

Information about the author

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Светлана Викторовна Оболкина,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
obol2007@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2021, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Оболкина С.В. Становление научного дискурса // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 35–52. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_35

Аннотация

Целью статьи является анализ процесса становления научного дискурса, контекстом которого выступает исторически конкретная ситуация коммуникативной солидарности и конкуренции людей в познании окружающей действительности. Несмотря на то, что с самых ранних этапов развития науки формируется преемственность знаниевого измерения науки, долгое время не существует, во-первых, некой единой среды исследователей, во-вторых, такого сообщества, которое можно было бы считать «зародышем» современного научного дискурса. Если обратить внимание на наиболее ранние попытки исследователей природы утвердить свой эпистемологический статус именно в качестве группового субъекта, то можно обнаружить соперничество сообществ герметистов и природознатцев. Но ни одно из них не выступает ранней формой научного дискурса в современном понимании. Ключевую роль в этом вопросе играет математическое знание, некоторые элементы которого долгое время были связаны с герметическим комплексом представлений. Эпоха романтизма характеризуется расцветом натурфилософии герметического плана, т. е. романтическая наука в максимальной степени насыщена герметическими интенциями. Однако именно тогда возникает такое противостояние этой традиции, которое не сводится к прежнему противостоянию герметистов и природознатцев, хотя и берет от них многое. Формируется не только новый союз практики и теории, но и особый стиль мышления, который позволил оформиться научному дискурсу.

© Оболкина С.В., 2022

Решающую роль в этом процессе играют стиль мысли конкретных ученых и их индивидуальное чувство доброкачественности опыта.

Ключевые слова:

научный дискурс, история науки, эпистемология, природознание, герметизм, романтическая натурфилософия.

UDC 001+165.0

DOI 10.17506/18179568_2022_19_2_35

THE FORMATION OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Svetlana V. Obolkina,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
obol2007@mail.ru

Article received on December 10, 2021, accepted on May 4, 2022

For citation: Obolkina, S.V. (2022). The Formation of Scientific Discourse. *Discourse-P*, 19(2), 35-52. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_35

Abstract

The purpose of the article is to analyze the process of scientific discourse formation, the context of which is a historically specific situation of communicative solidarity and competition of people in cognition of the surrounding reality. The system of representations of reality has been replenished since the earliest stages of the development of scientific knowledge. However, for a long time, there has not been, firstly, any single environment of researchers, and, secondly, such a community that could be considered the “embryo” of modern scientific discourse. The author draws attention to the earliest attempts of thinkers to assert their epistemological status precisely as a group subject and reveals the rivalry between the communities of hermetists and naturalists. However, none of them is an early form of scientific discourse in its modern sense. The key role in this issue is played by mathematical knowledge, some elements of which have long been associated with the hermetic complex of representations. The epoch of Romanticism is characterized by the flourishing of hermetic natural philosophy, i.e. Romantic science is saturated with hermetic intentions to the maximum extent. However, it is then such an opposition to this tradition was being formed, which was not reduced to the previous dispute between hermetists and naturalists while borrowing a lot from them. Not only a new union of practice and theory was being formed, but also a special style of scientific thinking that allowed scientific discourse to take shape. The decisive role in this process was played by the style of thought of particular scientists and their individual sense of the goodness of experience.

Keywords:

scientific discourse, history of science, epistemology, naturalists, hermeticism, Romantic natural philosophy.

Введение

Эпистемология всегда находится в состоянии поиска стратегий, подходов и методов. Пожалуй, на сегодняшний день исследователи пришли к согласию лишь в вопросе возникновения науки: позитивистская эпистемология с ее непримиримым отношением ко всякому знанию, не укладывающемуся в образ эмпирической науки Нового времени, кажется, окончательно уступила этот вопрос более гибкому решению. А именно: развитие науки проходит натур-философский, классический, неклассический и постнеклассический этапы своего развития. Конечно, продолжают обсуждаться многие вопросы. Например, о статусе преднауки и постклассического этапа, о границе формирования дедуктивно-индуктивного теоретического познания и т.п., но основное решение, что наука появляется не в Новое время, а гораздо раньше, практически уже не является дискуссионным. Это, в свою очередь, потребовало некоторых когнитивно-педагогических усилий, чтобы игнорировать коренное отличие облика современной науки от науки ранних эпох (натурфилософского этапа). И если мы довольно легко говорим о достижениях Евклида как о научных, то, например, алхимический трактат с трудом принимается в качестве научного текста (даже если описываемые в нем манипуляции являются рутинными в современной химической лаборатории).

Конечно, понятие «наука» многогранно: мы как минимум различаем науку в качестве системы знания, формы деятельности и вида культуры. И последние два аспекта предполагают, что измерение научного дискурса нельзя свести к аспекту знания, т.е. к истории развития конкретных научных представлений, научных программ или парадигм. Однако тема появления и формирования научного дискурса не выделяется в качестве отдельного вопроса в многочисленных монографиях и учебниках по философии и истории науки. Наличие научного дискурса на том или ином этапе развития науки подразумевается, поскольку явно или неявно выступает синонимом научного познания. Но появился ли научный дискурс вместе с первыми научными программами? И если нет, то когда и почему он возник? Хотя само понятие «научный дискурс» широко распространено, полновесное историческое осмысление этого феномена еще впереди. Данное исследование призвано очертить круг основных «действующих лиц» этого процесса.

Задачей классических нормативных моделей истории науки являлось выстраивание единой эволюционной линии от древних идей к современной научной картине мира. Не преуменьшая роли этих достижений, позволяющих нам окинуть знаниевую ретроспективу науки одним взглядом, приходится признать: линейность процесса развития науки оказалась возможной за счет преобладания конструктивного элемента над историческим. Конструируя, мы вольно или невольно подчиняем реальную историю некой логической схеме. Логичным

было бы считать, что сначала формируется социальная среда ученых, в которой затем создается научное знание. Но действительность предлагает иную – нелинейную – картину развития науки. Идеи, которые вошли в сокровищницу научного знания (разумеется, много раз уточняемые), появлялись довольно рано, но гораздо позднее сформировался научный дискурс как «последовательность высказываний, производимая на основе исторически сложившейся системы правил, традиций и ценностей науки как социокультурной общности, посредством которой общество реализует свои когнитивные потребности» (Кротков, Зуев, 2012, с. 17).

Основное обосновываемое положение предлагаемого исследования заключается в том, что система научных представлений и собственно научный дискурс формируются не одновременно; научный дискурс появился не ранее, чем прежние дискурсы исследователей природы в основном исчерпали свои эпистемологические возможности. Объектом данного исследования выступает историческое развитие науки, а предметом является ее становление в качестве особого дискурса.

Наука в дискурсивном измерении

Допуская, что облик современной науки как формы деятельности отличается от облика науки более ранних этапов (в первую очередь натурфилософского этапа), нам требуется сначала определиться с узнаваемостью этого облика. Язык древнегреческой философии позволяет различать знание-знакомство (γινώσκω) и знание-понимание (εἰδέναι). Знание-знакомство, узнавание в ряду подобного, связано с именем. Э. Агацци предлагает своего рода «собственное имя» современной науки – «технонаука». Исследователь подчеркивает, что современная наука настолько тесно связана со сложным техническим инструментарием, что ее объектом выступает уже не природа, а «толстый слой опосредований, понемногу накопленных самой наукой в ходе построения моделей и разработки сложных теорий с помощью все более утонченных и «искусственных» технологий». Технонаука – это «неологизм, введенный по разным поводам несколько десятков лет назад, но очень хорошо соответствующий специфической природе современной науки» (Агацци, 2009, с. 47). Конечно, этот неологизм больше ориентирован на естественные науки. Однако современные социальные и гуманитарные науки также обладают сложным дифференцированным инструментарием, поэтому с известными оговорками на современную науку в целом можно распространить положение, что «фактическими объектами научного исследования являются те стороны природы, которые можно «вырезать» из нее посредством соответствующих операциональных процедур» (с. 46). В частности, дискурс-анализ позволяет создать само проблемное поле, в котором можно ставить вопрос о различии в пределах единства: о науке как разных коммуникативных контекстах.

Следует подчеркнуть, что концепт «технонаука» помогает с номинацией современного научного дискурса, но он не решает задачу выявления истока научного дискурса. Э. Агацци относит начало технонауки к творчеству Г. Галилея, отмечая важность фактора эксперимента, т. е. рассуждает о специфике познания. Подобным же образом эксперимент выступает определяющим началом в концепте «естественнонаучное знание», как подчеркивает В. М. Розин (1997):

«В отличие от античного научного знания, естественнонаучное понимается как описывающее законы или процессы природы, дополнительно обосновывается в эксперименте и относится к таким идеальным объектам, которые входят в «природу, написанную на языке математики» (с. 147).

Однако если присмотреться, можно обнаружить, что данное определение естествознания вполне может описывать и практику алхимика. Что вполне объяснимо, ведь научный эксперимент в своем развитии прошел такой этап, как *experimentum* алхимиков. Последний также предполагал тесную связь с теоретически сформулированной гипотезой (метафизического характера), в том числе на языке математики. Именно алхимики первыми озаботились «добыванием фактов» (что станет задачей и научного эксперимента). «Великое Делание» алхимика предполагало новую компетенцию исследователя: совершить Делание с вещами и явлениями, а не только быть объектом их воздействия и описывать последствия этого воздействия. Для этого алхимики предложили понятие *experimentum*, трансформировав понятие *experientia*¹. Но при всех сходствах их методов с современным научным экспериментом, мы, разумеется, не станем их отождествлять. В первую очередь, потому что «Великое Делание» означало способность воздействовать на духовные сущности; алхимик желает быть магом. Знания алхимиков, их технологические процедуры и методы частично сохранились в современной науке, но все-таки наука в современном смысле слова выступает непримиримым соперником дискурса магов. И, отрицая подобную демаркацию, мы оказываемся перед неоправданно широким толкованием науки и научной истины.

Таким образом, рассуждать о становлении науки в категориях специфики познавательных актов оказывается недостаточным. Научность знания (в современном понимании науки) не появляется «автоматически» из наличия экспериментального метода. Крайне важным оказывается специфика группового субъекта познания. Не сам эксперимент, а коммуникативная среда – дискурсивное измерение науки – выступает пространством формирования и сохранения идеала объективности и надежности знания, самой научной рациональности.

Эволюция понятия «научный дискурс» в целом повторяет эволюцию понятия дискурса как такового. После различения плана повествования и плана дискурса, которое осуществил Э. Бенвенист, исследователи связывают с дискурсом не только текст, но и намерение воздействовать на адресата (Бенвенист, 1974, с. 270–284). За одним и тем же содержанием коммуникативного акта могут стоять различные намерения и различные дискурсы. М. Фуко в своей теории дискурсивных формаций предлагает представление о смысловых полях, внутри которых работают свои правила и стратегии (Фуко, 1996). Это, в свою очередь, формирует кратологический аспект понимания дискурса. «Власть дискурса» заключается в существовании явно или неявно задаваемых границ коммуникации и познания. Дискурс понимается как «предзаданный способ мышления» (Чернявская, 2011). В исследовании Ю.С. Степанова (1995) показы-

¹ *Experientia* – понятие, характерное для средневекового богословского понимания опыта: когда субъектом опыта выступает не человек, но Бог, ангелы и демоны. Активность человека в этом случае связана с готовностью принять воздействие или резистентностью к таковому.

вается, что дискурс связан с онтической вариативностью, он оказывается одним из «возможных миров», и в этом в первую очередь заключается его власть. Что имеет особое значение для развития темы научного дискурса.

Ю.С. Степанов поясняет эту особенность дискурса посредством анализа категорий причины и факта. На примере истории Эдипа утверждается, что трагедия этого персонажа «не заключается в том «факте», что он женился на своей матери, – такой факт попросту не существует. Причина трагедии Эдипа заключается в том, что Иокаста оказывается его матерью. Но это другой «факт», и его выражение принадлежит другому дискурсу» (Степанов, 1995, с. 69). «Выражение «Эдип женился на женщине по имени Иокаста» принадлежит миру Эдипа и греческому языку и – одновременно – «подъязыку» этого языка, которым пользовался Эдип и его окружение. Что касается выражения «Эдип женился на своей матери», то оно принадлежит также греческому языку, но иному миру – миру «всеобщего, универсального знания», которым обладали боги, но не Эдип и его близкие, и это иной «подъязык» греческого языка» (с. 54).

Повествование об одном и том же явлении может порождать «альтернативные миры». И речь идет не об отдельном высказывании, но о дискурсе, в котором это повествование может быть осмысленным. Осмысленность связана не только с планом содержания нарративов. В исследовании О.Ф. Русаковой (2007) показано, что в пределах социально-коммуникативной трактовки дискурса (а мы понимаем дискурс именно так) важна роль внерациональных факторов согласия: «Риторическое влияние индуцирует эмоциональное поле, через которое осуществляется «заражение» партнеров по диалогу определенными аргументами, склоняющими к принятию нормы, символизирующей общее решение» (с. 21). Это позволяет акцентировать важный момент: для науки, которая, казалось бы, по определению выступает пространством рациональной аргументации и эмпирической верификации, сохраняется важность внерациональных компонентов формирования согласия и несогласия. В формировании процессов солидарности и конкуренции в научном познании важен и определенный эстетический резонанс, близость чувства, ощущения, стиля и т. п.

Благодаря солидарности образуются сообщества когнитивных «соратников». Сообразно собственным критериям и намерениям они «фильтруют» потоки знания об окружающей действительности в диахронном и синхронном измерении. Поэтому древние идеи могут становиться и научными фактами (фактами технаучки), и фактами другого дискурса. Например, оккультного дискурса, в котором присутствуют эти же имена и эти же идеи, но в качестве факта другого «мира». Поэтому так важна конкуренция дискурсов и исследование этой конкуренции. Ведь каждый дискурс исследователей желал бы, чтобы именно его «альтернативный мир» выступал «миром универсального знания», являлся тем самым «миром богов».

В поиске конкурирующих сообществ исследователей природы особое значение имеет методологический подход исторической эпистемологии. Историческая эпистемология осуществляет реконструкцию коммуникативной среды конкретных сообществ в согласии с принципами неклассического историзма: «Его радикальность определяется, помимо всего, тем, что примат истории принимается безусловно, вне зависимости от возможности уложить исторические факты в некоторую логическую, ценностную, рациональную

последовательность» (Касавин, 1998, с. 10). Историографический обзор этого философского направления не входит в задачи нашего анализа; можно лишь отослать читателя к исследованию Л.В. Шиповаловой (2018) и подчеркнуть, что это методологическое пространство связано с идиографическим подходом, герменевтикой и социологией культуры. В его пределах история понимается в качестве повествовательного жанра, как рассказ о конкретной исторической ситуации в категориях интриги или драмы. А конкретные исследования в русле исторической эпистемологии показывают следующее: долгое время основная интрига становления современного научного дискурса связана с конкуренцией сообществ природознатцев и герметистов.

Герметисты vs природознатцы

Герметисты – это представители эзотерического учения, оформившегося в эпоху поздней античности. Герметизм восходит к легендарной фигуре Гермеса Трисмегиста и выступает учением о базовых принципах и законах природы, понимая таковые в круге представлений магии, астрологии, пифагорейской мистической традиции, древневосточной и европейской алхимии и т. д. Базовым оказывается толкование причинности в качестве принципа аналогий и симпатий, поэтому желаемым практическим следствием этого знания выступает магическое воздействие на действительность.

Природознатцы – самоназвание исследователей природы прежних эпох, которые реализовывали сугубо практический подход к познанию природы, по преимуществу в рамках своей профессиональной деятельности. Это моряки, ювелиры, цирюльники, травники, мастера кожевенного дела и др. Понятие «природознатцы» в зарубежных источниках идентично понятию «натуралисты», что, думается, не совсем точно. В отечественной литературе концепт «природознавец» (отличный от «натуралист») активно вводил в научный оборот известный мыслитель и исследователь средневековой культуры В.Л. Рабинович. На сегодняшний день это важное понятие требует дальнейшей актуализации, обещая раскрыть серьезный эвристический потенциал. Для нашего исследования важна не столько характеристика и история развития указанных сообществ, сколько тот факт, что одно из самых ранних появлений природознатцев и герметистов на научной «сцене» одновременно оказывается упоминанием об их конкуренции.

В.И. Карасик (2002) подчеркивает: «Для анализа дискурса наиболее интересны коммуникативные действия, посредством которых индивидуум стремится осуществить свои права на получение символического блага либо отвести угрозу на свои притязания на это благо» (с. 196). Пример такого коммуникативного действия, в ходе которого сообщества природознатцев и герметистов стремятся утвердить свой эпистемологический статус в качестве группового субъекта, предлагает исследователь средневековой науки Л. Торндайк. Он приводит слова инквизитора Эймерика, участвовавшего в одном из первых эпистемологических расследований: «Папа Иоанн XXII, прежде чем обнародовать буллу, собрал алхимиков и природознатцев, дабы выведать у них, основывается ли алхимия на природе. Алхимики сказали да, природознатцы – нет. Но доказать свое мнение алхимики не смогли» (цит. по: Рабинович, 1979, с. 23–24). Не претендуя на признание найденного нами примера в качестве исторически первого, отметим его

значимость, поскольку заявленная в нем диспозиция продолжает развиваться и в последующие эпохи.

В XVI в. противостояние природознатцев и алхимиков усиливается, вплоть до саморефлексии. Рудознавец (вариант природознатца) Г. Агрикола говорит об алхимиках в третьем лице – «они». Несмотря на единство «вещественной фактуры» и технологическое сходство (Агрикола настаивает, что все приборы алхимической лаборатории можно найти у золотых дел мастера), мыслитель не позволяет себе спутать алхимика и ювелира (Рабинович, 1979, с. 24). Таким образом, противостояние ощущалось самими исследователями природы, и ощущалось в качестве важного.

Моряк и мастер по изготовлению компасов Р. Норманн в трактате 1581 г. «Новое притяжение» предваряет свои рассуждения о магнетизме интересным отступлением: «Я не намереваюсь прибегать к одним только голым утомительным умозаключениям и измышлениям, но по возможности кратко рассмотрю их, основывая мои аргументы только на опыте, разуме и демонстрации, что составляет основы мастерства. И хотя те, кто обучался в Математиках, могут сказать, как уже писали некоторые, что не дело механика или моряка заниматься этим; что не его дело определять долготу, поскольку заниматься ею следует исключительно с помощью геометрических доказательств и арифметических вычислений, в каковых искусствах, как они утверждают, все механики и мореплаватели являются невеждами или, по крайней мере, недостаточно сведущими для того, чтобы осуществлять такую задачу» (цит. по: Бернал, 1956, с. 237).

Норманн, как и Агрикола, принадлежал к сообществу природознатцев. Именно природознатцы – механики, моряки, ювелиры, строители и кузнецы – заложили основу того, что после работ школы «Анналов» получило название «технологическая революция Средневековья». Этот феномен активно исследуется. Однако, отмечая заслуги природознатцев, мало кто из историков отмечает их недовольство низким статусом своего сообщества. Но, как видим, Норманн не скрывает раздражения, говоря о тех, кто «учился в Математиках», т. е. о тех, кто как минимум прослушал курс факультета свободных искусств в университетах.

О какого рода противостоянии идет речь? Это не могло быть социальной стратификацией, поскольку, как мы знаем, уже в средневековом университете при наличии средств учиться могли представители всех сословий. Норманн дает нам серьезную подсказку: речь идет о математике. Поэтому именно в этой сфере знания стоит искать «яблоко раздора» эпистемологических сообществ: решалось, использовать ли математику, и если использовать, то в каком «режиме».

Надо сказать, что положение математического знания в средневековом куррикулуме² было весьма непростым (Де Либера, 2004, с. 212–215). Математика относилась тому же разделу, что и магия: к «добавочным искусствам». Они включали кроме математики мантику, колдовство, вызывание иллюзий, искусство заговоров и порчи. Математика (mathesis), в свою очередь, включала гороскопы, гаруспиции, авгурии, ауспиции. Таким образом, в пределах базового курса (квадривиума) математика в средневековом университете – это геометрия

² Куррикулум (лат. curriculum) – программа для развития какого-либо навыка, с помощью которой его уровень становится выше. Куррикулум связан с учебной программой, но является ее модификацией для конкретного учреждения или класса.

и арифметика, но в качестве расширенной программы она являлась основанием искусства магии. «Как ответвление математики астрологическая наука была совместима со взглядом на космос греко-арабского аристотелизма» (с. 216). Воздействие звезд на тела низшего мира считалось предметом подлинного *mathesis*, потому что распространение света мыслилось в терминах геометрии. Лишь отбросив эту целевую установку средневековой математики, мы могли бы говорить о знаниях по оптике и геометрии с позиции современного понимания научной рациональности. Но в результате подобной «дистилляции» мы теряем различие дискурсов астрологов и астрономов, магов и ученых, что в первую очередь идет вразрез с интенциями самих мыслителей: исследователи, предпочитающие *mathesis* как метод исследования природы, с гордостью ощущали себя особым сообществом с весьма аристократическим прошлым.

Для алхимиков был свойственен энтузиазм в качестве познания «природы вообще» и утопической идеи «исправить всё»: если растворитель, то универсальный; если лекарство, то панацея. Именно поэтому была так важна математика, которая еще со времен орфиков и пифагорейцев стремилась говорить о мироздании вообще. Эта «миссия» математического знания очень интересовала мыслителей и в дальнейшем. XVII в. – период расцвета идеи о *mathesis universalis*: по мысли Декарта, математики «истинной», отличной от частных и простых геометрии и алгебры. Эта дисциплина восходила к древневосточному магическому знанию, получила свое развитие в знаменитых алгоритмах философа, алхимика и каббалиста Р. Луллия, у гуманистов Возрождения и далее. Ключевая идея всех сторонников *mathesis universalis* заключалась в возможности создания *ars inveniendi* – искусства открывать истины математическим способом. С мечтой о такой науке долгое время (до ее артикуляции в формах символической алгебры) связывалось именно герметическое знание, поэтому, даже испытывая сомнения в отношении этой древней традиции или находя вдохновение за ее пределами, многие мыслители относились к герметизму с большим уважением.

В этом смысле показателен пример Парацельса. Он много времени провел в поиске таких медицинских знаний, которых ему не хватало в университетской среде. Путешествуя, Парацельс беседовал о врачебном деле и устройстве человеческого тела со знахарями, банщиками, цыганами-травниками, бабками-повитухами, цирюльниками и палачами. В итоге, набрав огромный багаж практического знания, он прославился как врач. Но мыслителя волновало создание универсальной теории врачебного искусства, своего рода фундаментального теоретического знания о здоровье. Поэтому в своих трактатах он повторяет старые герметические идеи о равновесии базовых элементов (*stoicheion*) серы, ртути и соли. Парацельс мечтает править в «монархии разума», и в его понимании это возможно не для врача-практика, но для подлинного алхимика.

Следует отметить, что «магическая родословная» фундаментального знания уже в эпоху Средневековья устраивала далеко не всех представителей университетской науки. Это было связано с полемикой христианства и герметизма: порицая магию, но, не видя серьезных причин препятствовать продолжению традиции древних физиологов, христианство долго и трудно определялось в своем отношении к алхимии. Отчетливые следы этой рефлексии сохранились в трудах Р. Бэкона. Он пытался разграничить в пределах *mathesis* математику «ложную» и «истинную», т. е. отделить языческую ритуальную магию от магии

вполне «христианской» (он называет ее «философской»). Р. Бэкон винит переводчиков, которые использовали для исследования стихий и явлений природы наименования языческих магических практик: «геомантия», «гидромантия», «аэромантия», «пиромантия». Тем не менее те нормативные установки, которые проводит средневековый мыслитель, не соответствуют таковым в современном научном дискурсе: наука для него неразделима с магией, как неразделима с *mathesis* (Бэкон, 2005, с. 179–283).

Классическая история науки чаще всего предпочитает не видеть этого магического компонента как минимум уже на этапе науки Нового времени. Но исследования в рамках исторической эпистемологии настаивают, что не только средневековые, но и ренессансные, и нововременные исследователи не стремятся отделять науку от магии. Ставшие уже классическими исследования Ф. Йейтс (2000) показывают непреходящую роль герметизма в науке Возрождения. И.Т. Касавин, Л.М. Косарева, П.В. Гайденко и другие авторы отмечают, что и в последующие эпохи ситуация серьезно не изменилась: «В эпоху Ренессанса герметизм выходит на поверхность культуры, пышно расцветая и становясь интеллектуальной модой в Европе XVI–XVII вв. Т. Кампанелла «О способности вещей к ощущению» говорит о магии как науке. Причем подчеркивает, что это тайное искусство, не известное черни» (Касавин, 1998, с. 105).

Конечно, в среде ученых стремление дистанцироваться от герметизма было, и было весьма успешным, но, скорее, в качестве уникальных случаев. Достаточно упомянуть, например, о «внутреннем споре» гелиоцентристов. Н. Коперник дерзнул говорить о Солнце как о тривиальном небесном теле, а не «видимом боге», «духовном Солнце» герметистов, поэтому нашел серьезного оппонента в лице Дж. Бруно. Реализуя одну и ту же научную программу, развивая новые астрономические представления гелиоцентризма, эти мыслители, однако, принадлежали различным дискурсам. (По отзывам современников о Бруно, читающем лекции об учении Коперника, можно отчетливо увидеть эту диспозицию научного знания эпохи Возрождения).

Галилей в противовес умозрительному методу Аристотеля активно развивает экспериментальный научный метод. И в этом ему очень помог труд механика Н. Тартальи, который перевел работы Архимеда на латинский язык. Галилей предлагает следовать Архимеду: использовать для проверки сформулированного математически теоретического положения созданную для каждого случая специальную «опытную машину», т. е. эксперимент (именно благодаря контексту механики это уже не *experimentum* алхимиков). Однако научная мысль далеко не сразу разделила интерес Галилея к столь «низкому» знанию, как механика. В ученых трактатах ближайших последователей, восторженно цитирующих теоретические выводы Галилея, об Архимеде и его методе почти не упоминается. Совсем другое дело – математик Евклид. Его имя было связано с «почтенной» традицией: сугубо теоретической пифагорейско-платоновской математикой, восходящей еще к мистике орфиков. Именно к нему, а не к Архимеду, предпочитает обратиться И. Ньютон в своих научных трудах, которые, как показывают историки, наполнены алхимическими аллюзиями (см. Косарева, 1997).

Многие нововременные научные идеи – еще во многом «парафраз» древнего герметизма. Конечно, купирование этого герметического элемента совсем не мешает нам понять смысл формул Ньютона и идей Бруно, включая

их в сокровищницу научного знания. Но историческое исследование науки заинтересовано в аутентичном понимании механицизма. Тем более что общая заинтересованность герметизмом парадоксальным образом выступает основой для формирования просвещенческого материализма.

Концепции герметизма не предполагали такой божественной сущности, которая мыслилась бы носителем *сознания*; в отсутствие принципа Богличности вся «божественность» какой-либо силы заключалась исключительно в ее всеобщности, вечности, неизменности, т. е. субстанциональности. То, что говорится в трактатах Гермеса Трисмегиста о «божественной основе мира», близко с рассуждениями физиков XVII–XVIII вв. по поводу просто «основы мира». В обоих случаях говорится о невозможности уничтожения, об изменении как перегруппировке (Йейтс, 2000, с. 217–218). В изображениях Иисиды, столь частых в герметических трактатах, привлекает внимание странный атрибут в руках богини. Это систрум (погремушка); Исида постоянно «будит» косную силу материи, придавая ей необходимое движение. «Материя – это вечное движение», – вторят просветители.

Просвещенческая Россия также активно осваивала герметический материализм – и вновь без ощущения какого-либо внутреннего противоречия. Глава вольных каменщиков Москвы, профессор Московского университета И. Г. Шварц призывал к изучению герметических наук: «Герметическая философия есть матерь: она основывается на знании природы <...> имеет познание стихий, первой материи, улучшения металлов и пр.» (Харитонович, 2001, с. 103–104). И. П. Елагин предпринимает Великое Делание под руководством графа Калиостро. Правда трансмутация не состоялась, «и все закончилось безобразной дракой между Калиостро и секретарем Елагина» (с. 104–105).

Таким образом, вряд ли возможно позиционировать какое-то из конкурирующих сообществ (герметисты vs природознатцы) в качестве «протодискурса науки». Выбрав сообщество «учившихся в Математиках», мы породим научный дискурс с магией, и придется выставлять дополнительные демаркационные «костыли». Выбрав же в качестве «подлинного истока» научного дискурса сообщество природознатцев, нам потребуется дополнительно оговаривать, как и почему математика (и связанная с ней тенденция высокой абстракции) все-таки смогла получить столь важную роль в науке. В поиске ответа на вопрос об истоке научного дискурса нам требуется обратиться к дальнейшему развитию науки.

Романтическая натурфилософия: обострение конкуренции

Романтизм, которому в истории науки уделяется гораздо меньше внимания, чем классическому периоду, позволяет нам гораздо ближе подойти к пониманию процессов размежевания научных идей с древней эзотерической традицией. Кроме того, мы можем обнаружить «точку схода» практической линии природознатцев и теоретических научных изысканий герметизма.

Обращаясь к этому сложному и многогранному периоду в развитии европейской культуры, в отношении исследований природы следует сразу же подчеркнуть: романтическая наука – это наука, насыщенная герметическими интенциями в максимальной степени. Исследователи, объединенные вокруг Йенского кружка братьев Шлегелей, выбирают своим предметом электричество,

магнетизм, психологию, т. е. то, что, во-первых, не объяснялось механической наукой; во-вторых, манило очертаниями всеохватной концепции, в которой было бы найдено столь чаемое герметизмом тождество духовного и материального.

И.В. Риттер всю свою научную жизнь искал взаимосвязь электричества и магнетизма. В феномене гальванизма («животного электричества») он видел доказательство наличия «мировой души», т. е. единой субстанции мира. Астрологическая идея воздействия небесных тел и принцип подобия макро- и микрокосма преобразуется у него в идею электромагнетического единства вселенной. Во время своих герметических исследований Риттер открывает электролиз, электрокапиллярные явления в ртути, ультрафиолетовые лучи. Он был не единственным на этом поприще: Х.К. Эрстед, ученик Шеллинга и Гёте, исследует электричество, поскольку видит именно в нем плерому-первосубстанцию (трактат «Дух в природе»). Дж. Пристли – священник-униат и ученый-экспериментатор – рассматривает свою научную деятельность продолжением борьбы за обновление религии: в духе антитринитаризма он ищет доказательства единого внеличного божественного принципа, пронизывающего Вселенную, и видит эту субстанцию в электричестве, попутно открыв кислород. Это лишь небольшое количество примеров того, насколько «ненаучным» был тот дискурс исследователей природы; который, тем не менее, породил элементы научного знания. Романтическая натурфилософия даровала нам много важных теоретических представлений о природе электромагнетизма, а таковые тогда были в избытке лишь в арсенале герметистов.

Сообщество природознатцев в это время не исчезает. Но, повторим, они не предлагают принципиально новых теорий, поскольку формирование идей вообще им не свойственно. Переломным моментом оказывается формирование особого пространства исследования природы, в пределах которого подход природознатцев встретился с теоретической герметически ориентированной натурфилософией романтиков. Примером этого процесса может выступать история исследования теплоты. Она начинается традиционно как развитие представлений герметического комплекса представлений о субстанции особой, тонкой, природы (флогистон, теплород и т.п.). В XIX столетии в эти устоявшиеся представления вмешивается Лунное общество. Это тайное, как тогда было принято, общество собиралось в период полнолуния в Бирмингеме и Блэк каунтри (см. Бернал, 1956). Здесь зародилась и пестовалась идея необходимости выхода «тайной науки» на практическое поле – промышленность.

Герметическое учение о теплоте, которое более всего интересовало на тот период участников тайных собраний, вышло в среду иных людей – технарей и ремесленников. Именно в этой среде произошло объединение понятий «сила» и «теплота», что в конечном итоге увело науку от идеи «огненной первосубстанции». Дело не только в проявившемся в науке прикладном векторе. Куда важнее то, что наука обнаружила (или, скорее, прожила) пределы герметизма, задачи научного поиска «переросли» эпистемологические возможности этого сообщества. Причем именно тогда, когда оно развернулось во всю мощь: конец XIX в. – время бурного развития самых разных оккультных практик. Это период, когда и духовидцы, и ученые еще пользуются практически одними понятиями и одной техникой экспериментального исследования. Однако многие ученые

уже начинают испытывать эпистемологическую «идиосинкразию» к герметической натурфилософии. У многих исследователей ее идеи получают характеристику «бред», «досужие выдумки» и т.п. Коммуникативно обозначаемая оппозиция становится когнитивной диспозицией. Ее показывает В.Н. Порус, рассуждающий о «расслоении» ученых XIX в. на сторонников и противников установок герметической натурфилософии. С одной стороны, И. Риттер, Л. Окен, К.-Г. Карус, Г.-Т. Фехнер, В. Оствальд (Несс фон Эзенбек); с другой – Я. Ф. Фриз, М. Я. Шлейден, Э. Ж. Сент-Илер, Р. Майер, Г. Гельмгольц, Л. Больцман, К. Гаусс, составившие им определенную оппозицию. Те, чья позиция была неким средним, – Г. Х. Эрстед, Ю. Либих, А. фон Гумбольдт (Порус, 2000).

Таким образом, в ходе конкуренции дискурсов природознатцев и герметистов родился еще один дискурс, который не сводился ни к одному из них, хотя и взял от них многое. Он не чурался ни высоких математических абстракций, ни «приземленного» эмпиризма и технологизма; это среда исследователей, в которой начинает формироваться «технонаука». Как отмечает В.Н. Порус (2000), в этой среде активно избегаемыми и порицаемыми оказываются лексика, смыслы и аллюзии герметизма – и в этом смысле конкуренция за статус «аристократического» знания продолжается. Нарождающийся научный дискурс выступил соперником дискурса герметистов, но не природознатцев, поскольку именно первые выступали «аристократами» от познания.

Важно признать главенствующую роль в этом соперничестве именно личного усилия исследователей в формировании такого *стиля мысли*, который, сохраняя универсализующие интенции, дистанцировался от герметического энтузиазма. Научный дискурс рождался как внутренняя демаркация, чувство доброкачественности опыта и мысли (что вполне коррелирует с общим устремлением эпохи романтизма).

Стиль мысли и научный дискурс

Следует подчеркнуть, что, говоря о внутренней демаркации, мы имеем в виду не субъективные представления (крайне ограниченно представленные в научном исследовании), но чувство стиля, которое по определению имеет отношение к личному восприятию и его репрезентации. Поэтому важно хотя бы кратко обозначить взаимоотношения понятий дискурса и стиля мысли в представлении о научности.

Одним из важнейших исследований стиля научной мысли можно считать работу Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта», где автор наглядно показывает, что в зависимости от стиля мысли (*Denkstil*) в одном и том же явлении исследователи могут обнаруживать разные вещи и формировать противоположные познавательные стратегии.

Л. Флек раскрывает историю исследования сифилиса, которая развивалась посредством конкуренции не просто интерпретаций, но того, что как раз может характеризоваться в качестве «альтернативных миров» Ю.С. Степанова. Причем противоборствующие стороны удивительно близки описываемой нами оппозиции герметистов и природознатцев. «Эти две концепции развивались бок о бок, совместно, то взаимодействуя, то борясь друг с другом: (1) мистико-этическая идея наказания за «плотский грех»; (2) эмпирико-терапевтическая идея заболева-

ния». Но «ни одна из этих концепций не была вполне последовательной» (Флек, 1999, с. 50–52). Помимо этого, польский мыслитель подчеркивает значимость «мыслительного коллектива» (Denkkollektiv) в осуществлении разных когнитивных стилей. Собственно, «стиль мысли» – это главное условие солидарности «мыслительного коллектива». Хотя для любого из таких коллективов естественны споры и/или соперничество, люди работают с одними и теми же научными фактами, а «факты» в науке – это не что иное, как мыслительные конструкции, возникающие на основе принятого и усвоенного учеными стиля мышления. Тот или иной стиль мысли играет свое значение в осуществлении того или иного дискурса, а дискурс, если вновь обратиться к концепции Ю. С. Степанова, определяет факты.

Рассуждая о важности определенного стиля мысли для формирования научного дискурса, следует, однако, избегать синонимии понятий «дискурс» и «стиль».

Н.И. Клушина (2016) отмечает, что «в российской гуманитарной науке возникла «конкуренция» двух коммуникативных дисциплин (стилистики и дискурсологии), которые имеют общий предмет исследования (текст), общий вектор его изучения – коммуникативный, но разные методы анализа и разный терминологический аппарат...» (с. 79). Подчеркивается, что «речевую практику можно описать через стили, можно через дискурсы, но это разные методы и разные подходы» (с. 81). Соглашаясь с диспозицией, обозначенной Н.И. Клушиной, отметим: указанную оппозицию можно рассматривать не просто в качестве методологической «развилки», но и в качестве отражения диалектической природы самого группового субъекта. «Конкуренция» стилистики и дискурсологии не должна затемнять дополнительности измерений дискурса и стиля мысли (тем более что дисциплина стилистика чаще всего берет своим предметом все же именно текст, а не мысль).

Не только дискурс-анализ «ориентирован на типичное» (Клушина, 2016, с. 82), но и сам дискурс. Дискурс – это пространство солидарности в первую очередь в отношении того, что считать нормативным; это знание «правил игры». Тогда как стиль (и, соответственно, его исследование) связан с личным творчеством и, следовательно, с сопротивлением стандарту. «Авторское я выражается именно в стиле» (с. 82).

В пределах дискурса есть место стилевым «отклонениям» от нормы. Так реализуется равновесие репродуктивного и продуктивного компонентов активности группового субъекта, пропорция стабильности и изменчивости. Она оказывается нарушенной, если начинает преобладать дискурсивно-охранительная функция или, наоборот, авторский волюнтаризм в отношении когнитивного стиля игнорирует нормативные требования дискурса. В первом случае исключено обновление, во втором сами границы-мембраны дискурса становятся слишком проницаемыми. Поэтому в научном сообществе так важно обращать внимание на стиль мысли, не рассчитывая исключить полностью на знание «правил игры» (дискурса). В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в современном естествознании с концепцией советского физика Н. А. Козырева.

В современном дискурсе физиков-ученых само выражение «торсионные поля» (центральное понятие концепции Козырева) маркирует текст как ненаучный. А эзотерики смело используют концепцию Козырева в качестве

обоснования своих идей (например, современный эзотерик Д. Уилкок в работе «Божественный космос» предлагает рассматривать концепцию Козырева в качестве верификации всего герметического знания, ни больше ни меньше³). Как такое могло произойти с работой, которая создавалась по строгим критериям научного дискурса? Ведь Николай Александрович никогда не стремился сблизиться с разного рода духовными практиками и предлагал строгие научные эксперименты (много раз воспроизведенные другими учеными). Думается, свою роль сыграло «эхо» давней конкуренции: вытеснить научную теорию в сектор герметизма означает «убить» научную концепцию наверняка. В нашу задачу не входит ни опровергать, ни подтверждать научность концепции Н. А. Козырева. Нам важно подчеркнуть: прошлое науки неизбежно влияет на ее настоящее, и научное сообщество часто предпочитает сделать научную полемику вопросом соперничества научного и герметического дискурсов.

Охранительные тенденции научного дискурса очень важны, но должны осознаться и риски: когда научный дискурс слишком активно дистанцируется от разного рода универсальных концепций (подобных теории времени Козырева), он сближается с эпистемологической стратегией «природознатцев», т. е. оказывается «ползучим эмпиризмом». Поэтому в спорах «о научности» (которые, повторимся, крайне важны) следует уделять внимание стилю мышления конкретного ученого. Для пара-, квази- или псевдоученых не составит большого труда имитировать научный стиль *текста*, но вряд ли возможно имитировать научный стиль *мысли* в процессе самого познания. Дифференциация в стиле мысли, личное чувство доброкачественности научного опыта не так давно сформировали тот «мыслительный коллектив», который не просто разорвал отношения с герметической натурфилософией, но и преодолел саму эпистемологическую диспозицию, которая делала ее возможной в качестве «научного знания». Благодаря этому познание действительности вышло за пределы соперничества древних эпистемологических стратегий, сформировав самостоятельный и самодостаточный дискурс технонауки.

Список литературы

1. Агацци, Э. (2009). Переосмысление философии науки сегодня. *Вопросы философии*, (1), 40–52
2. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
3. Бернал, Дж. (1956). *Наука в истории общества*. М.: Издательство иностранной литературы.
4. Бэкон, Р. (2005). *Избранное*. М.: Издательство Францисканцев.
5. Де Либера, А. (2004). *Средневековое мышление*. М.: Праксис.
6. Йейтс, Ф. (2000). *Джордано Бруно и герметическая традиция*. М.: Новое литературное обозрение.

³ Достаточно упомянуть, что первая же глава этого труда (в котором воплощена удивительная «всеядность» автора) названа «Прорывы д-ра Н. А. Козырева». См. Wilcock, D. (2018, February 5). *The Divine Cosmos*. Retrieved October 7, 2021, from <https://divinecosmos.com/book/20-the-divine-cosmos/>

7. Карасик, В.И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
8. Касавин, И.Т. (1998). *Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания*. СПб.: РХГИ.
9. Касавин, И.Т. (2000). *Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии*. СПб.: РХГИ.
10. Клушина, Н.И. (2016). Дискурсология и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 20(4), 78–90. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90>
11. Косарева, Л.М. (1997). *Рождение науки Нового времени из духа культуры*. М.: Институт психологии РАН.
12. Кротков, Е.А., Зуев, К.А. (2012). Проблема типов научного дискурса. *Гуманитарные науки*, (4), 16–26.
13. Порус, В.Н. (2000). Альтернативы научного разума. В В.Н. Порус, Е.Л. Черткова (Ред.), *Альтернативные миры знания*. СПб.: РХГИ.
14. Рабинович, В.Л. (1979). *Алхимия как феномен средневековой культуры*. М.: Наука.
15. Розин, В.М. (1997). Происхождение и эволюция научного знания. *Философия науки*, 3(1), 129–151.
16. Русакова, О.Ф. (2007). Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, (7), 5–34.
17. Степанов, Ю.С. (1995). Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. В *Язык и наука конца XX века* (с. 33–73). М.: РГГУ.
18. Флек, Л. (1999). *Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
19. Фуко, М. (1996). *Археология знания*. Киев: Ника-центр.
20. Харитонович, Д.Э. (2001). *Масонство*. М.: Весь мир.
21. Чернявская, В.Е. (2011). *Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ*. М.: Либроком.
22. Шиповалова, Л.В. (2018). Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 1(4), 153–167. <https://doi.org/10.5840/dspl20181453>

References

1. Agazzi, E. (2009). *Pereosmyslenie filosofii nauki segodnya* [Reconsideration of philosophy of science today]. *Voprosy filosofii*, (1), 40–52.
2. Bacon, R. (2005). *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Izdatel'stvo Franciskancev.
3. Benveniste, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress.
4. Bernal, J. (1956). *Nauka v istorii obshchestva* [Science in the history of society]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.

5. Chernyavskaya, V.E. (2011). *Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskiy i sociokul'turnyj analiz* [Communication in science: The Normative and the Deviate. Linguistic and socio-cultural analysis]. Moscow: Librokom.
6. De Libera, A. (2004). *Srednevekovoe myshlenie* [Medieval thinking]. Moscow: Praksis.
7. Fleck, L. (1999). *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [Genesis and development of a scientific fact]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi.
8. Foucault, M. (1996). *Arheologiya znaniya* [The Archaeology of knowledge]. Kiev: Nika-center.
9. Haritonovich, D.E. (2001). *Masonstvo* [Freemasonry]. Moscow: Ves' mir.
10. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
11. Kasavin, I. T. (1998). *Migraciya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of knowledge]. Saint Petersburg: RXGI.
12. Kasavin, I. T. (2000). *Tradicii i interpretacii: fragmenty istoricheskoy epistemologii* [Traditions and interpretations: Fragments of historical epistemology]. Saint Petersburg: RXGI.
13. Klushina, N.I. (2016). Diskursologiya i stilistika: integrativnye metody issledovaniya mediakommunikacii [Discourse and stylistics: Integrative methods of research of media communication]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, 20(4), 78–90. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90>
14. Kosareva, L.M. (1997). *Rozhdenie nauki iz duha vremeni* [The birth of modern science from the spirit of culture]. Moscow: Institut psihologii RAN.
15. Krotkov, E. A., & Zuev, K. A. (2012). Problema tipov nauchnogo diskursa [The problem of types of the scientific discourse]. *Gumanitarnye nauki*, (4), 16–26.
16. Porus, V.N. (2000). Al'ternativy nauchnogo razuma [Alternatives to scientific reason]. In V.N. Porus, & E.L. Chertkova (Eds.), *Al'ternativnye miry znaniya*. Saint Petersburg: RXGI.
17. Rabinovich, V.L. (1979). *Alhimiya kak fenomen srednevekovoj kul'tury* [Alchemy as a phenomenon of medieval culture]. Moscow: Nauka
18. Rozin, V.M. (1997). Proiskhozhdenie i evolyuciya nauchnogo znaniya [The origin and evolution of scientific knowledge]. *Filosofiya nauki*, 3(1), 129–151.
19. Rusakova, O.F. (2007). Osnovnye teoretiko-metodologicheskie podhody k interpretacii diskursa [The main theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, (7), 5–34.
20. Shipovalova, L.V. (2018). Sovremennaya istoricheskaya epistemologiya. Analiticheskij obzor napravleniya issledovaniy. [Modern historical epistemology. Analytical review of the research direction]. *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofa*, 1(4), 153–167. <https://doi.org/10.5840/dspl20181453>
21. Stepanov, Yu. S. (1995). Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip

Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact and the principle of Causality]. In *Yazyk i nauka konca XX veka* (pp. 33–73). Moscow: RGGU.

22. Yates, F. (2000). *Dzhordano Bruno i germeticheskaya tradiciya* [Giordano Bruno and the Hermetic tradition]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе

Светлана Викторовна Оболкина, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки Центра подготовки кадров высшей квалификации, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6644-104X>, e-mail: obol2007@mail.ru

Information about the author

Svetlana Viktorovna Obolkina, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6644-104X>, e-mail: obol2007@mail.ru

УДК 316.75+930.1

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_53

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ В.В. ПУТИНА

Станислав Александрович Мальченков,

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия,
stamal@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Мальченков С.А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53

Аннотация

Цель статьи – проследить эволюцию воззрений В.В. Путина на цивилизационную сущность России. В качестве методологической основы исследования используются контент-анализ, когнитивное картирование, проблемно-хронологический метод. Источниковую базу составляют послания Президента Федеральному Собранию, речи В.В. Путина на международных и внутрироссийских мероприятиях, программные статьи в печати, выступления и интервью на телевидении. Выявляются три основных периода, отражающих изменения в репрезентации темы цивилизационной сущности России. На первом этапе (1999–2006 гг.) преобладало понимание страны как части общемировой и европейской цивилизации, что представлялось созвучным заявлениям о совместной борьбе с международным терроризмом в тот период. На втором этапе, который начался с выступления в Мюнхене в 2007 г. и закончился разрывом отношений с Западом после присоединения Крыма в 2014 г., впервые было заявлено, что Россия представляет собой специфическое государство-цивилизацию. Третий этап, начавшийся в 2015 г., характеризуется преобладанием высказываний о жестком противостоянии России и западной цивилизации в вопросе восприятия традиционных ценностей и толкования истории Второй мировой войны. Автор статьи приходит к выводу, что изменения в воззрениях В.В. Путина, с одной стороны,

© Мальченков С.А., 2022

связаны с нарастанием конфликтности на мировой арене, с другой – зачастую опережали принимаемые им политические решения. Это свидетельствует о возможности прогнозировать развитие важнейших политических процессов на основе анализа высказываний руководителей государства.

Ключевые слова:

цивилизация, цивилизационные трансформации, цивилизационный дискурс, властный дискурс, В.В. Путин, Россия, западная цивилизация, особый путь.

UDC 316.75+930.1

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_53

CIVILIZATION DISCOURSE IN THE STATEMENTS OF VLADIMIR PUTIN

Stanislav A. Malchenkov,

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia,
stamal@rambler.ru

Article received on March 2, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Malchenkov, S.A. (2022). Civilization discourse in the statements of Vladimir Putin. *Discourse-P*, 19(2), 53–71. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53

Abstract

The aim of the article is to trace the evolution of Vladimir Putin's views on the civilizational essence of Russia. Content analysis, cognitive mapping, and the problem-chronological method are used as the methodological basis of the study. The primary sources are the Presidential addresses to the Federal Assembly, Putin's speeches at international and domestic events, his program articles in the press, speeches and interviews on television. Three main periods reflecting changes in the representation of the theme of the Russian civilizational essence are identified. At the first stage (1999–2006), the understanding of the state as a part of the global and European civilization prevailed, which seemed consonant with the statements about the joint fight against international terrorism in that period. The second stage began with the 2007 Munich speech and ended with the rupture of relations with the West in 2014 after the accession of Crimea to the Russian Federation, when it was claimed for the first time a specific state-civilization. The third stage, which began in 2015, is characterized by the predominance of statements about the tough confrontation between Russia and Western civilization in the perception of traditional values and interpretation of the history of the Second World War. It is concluded that changes in Putin's views, on the one hand, are associated with an increase in conflict potential

in the international arena, and on the other hand, they were often ahead of his political decisions. This indicates the possibility of predicting the development of the most important political processes based on the analysis of statements that reflect the position of state leaders.

Keywords:

civilization, civilizational transformations, civilizational discourse, power discourse, Vladimir Putin, Russia, Western civilization, special path.

Введение

Масштабные и разнообразные преобразования, с которыми столкнулась Россия в конце XX – начале XXI вв., с новой силой поставили вопрос о цивилизационной сущности и предназначении нашей страны. В условиях поиска векторов внутреннего и внешнего развития в период реформ осознание цивилизационных основ российского общества может рассматриваться как своеобразная точка отсчета для принимаемых политических решений. На фоне непрекращающихся по сей день споров «неозападников» и сторонников «особого пути» нашей страны большое значение имеет позиция лидеров государства, чье видение в данном вопросе является определяющим. Это позволяет говорить об актуальности изучения цивилизационных трансформаций России сквозь призму высказываний ее руководителей.

Цель статьи заключается в выявлении тенденций развития и эволюции воззрений В. В. Путина по вопросу цивилизационной сущности России, а также в определении факторов, вызвавших подобные изменения.

Методологической основой исследования выступает концепция «множественного модерна»: значительная часть современных авторов, занимающихся проблемами цивилизационного развития в XXI в., сходятся во мнении, что цивилизации не являются статичными образованиями, они находятся в процессе непрерывного трансформирования. Зарубежные мыслители Ш. Эйзенштадт (Eisenstadt, 2006) и И. Арнасон (Arnason, 2008), а вслед за ними и отечественные исследователи В. Б. Попов (2020), В. Г. Федотова (2020), Н. А. Хренов (2020) и др., опираясь на концепцию К. Ясперса об осевом времени, сочетают в своих исследованиях идеи линейного и циклического развития цивилизаций. На основе их разработок нами предложена категория «цивилизационные трансформации», понимаемая как «комплекс социальных преобразований, которые существенным образом меняют цивилизационную стратегию того или иного общества, что проявляется в постепенном изменении социокультурной жизни, а также экономического и политического курса государства» (Мальченков, 2021, с. 410).

Репрезентация цивилизационных трансформаций общества находит свое отражение во властном дискурсе. В рамках данной работы категория «властный дискурс» рассматривается не как имманентная характеристика любого дискурса, что свойственно для дискурсивной теории гегемонии Лакло – Муфф (Laclau

& Mouffe, 2001), а как дискурс представителей политической элиты. В этом плане верным представляется толкование В.Э. Согомоняна (2012), который определял дискурс власти как «комплекс совершаемых носителями власти публичных коммуникативных актов императивного характера при помощи знаков «обычного» языка и специальной системы знаков «языка» власти» (с. 48). Еще одним важным для данного исследования термином является «цивилизационный дискурс», который понимается А.В. Лубским (2016) как механизм, «формирующий социальный мир с помощью языковых практик», предметом которого «стали вопросы, связанные с выяснением специфики взаимодействия локальных цивилизаций в эпоху глокализации» (с. 65).

Наиболее полное представление об изменении властной позиции относительно цивилизационной сущности нашей страны дает анализ выступлений и публикаций В.В. Путина, который принимал наиболее важные решения, предопределившие развитие государства в этот период. Исследованием высказываний и их влияния на изучение политической истории России занимаются такие отечественные авторы, как В.Э. Багдасарян, П.П. Балдин, С.И. Реснянский (Багдасарян и др., 2021). В работе Н.А. Трегубова (2010) сделан акцент на представлениях о политической модернизации в риторике руководителей России. Е.И. Беглова и О.Ю. Шмелева (2015), Н.Н. Самородова (2015) концентрируются на коммуникационном воздействии Посланий Президента Федеральному Собранию, а В.С. Мартыанов (2007) и Я.Ю. Старцев (2007) концептуализируют эти документы с позиции логики и герменевтики. Среди зарубежных авторов выступления российского президента исследовали Д. Макнабб (McNabb, 2015), Д. Трайсман (Treisman, 2014), К. Уилсон (Wilson, 2020), в фокусе внимания которых оказываются главным образом механизмы повышения политического рейтинга В.В. Путина в России и его влияния за рубежом. Данный краткий обзор демонстрирует фактическое отсутствие работ, посвященных репрезентации цивилизационной темы в высказываниях политических лидеров России, что подтверждает необходимость специальных исследований в рамках этой проблематики.

В качестве эмпирической базы исследования выступил обширный комплекс источников: послания Президента Федеральному Собранию, тексты речей на международных и внутрироссийских мероприятиях, программные статьи в печати, выступления и интервью на телевидении. Текстовый массив сформирован на основе публикаций на официальном сайте Президента РФ, а также материалов интернет-порталов Первого канала, RT, Российской газеты, Независимой газеты, Русской службы Би-би-си.

Для выявления и углубленного исследования текстов по интересующей нас проблематике в работе применен метод контент-анализа. Его использование предполагало предварительное составление списка ключевых слов. В качестве единицы анализа выступала концептуальная переменная, содержащая слова «цивилизация», «Россия», «Путин» и их производные. Для проведения контент-анализа использована программа «Крибрум», с помощью которой изначальный текстовый массив из нескольких тысяч документов был сокращен до 24 релевантных текстов, содержащих высказывания В.В. Путина о цивилизационной сущности России. Дальнейшее применение качественного контент-анализа сделало возможным углубленное изучение текста с выявлением контекста, смысловых акцентов и эмоциональной окраски (Пашинян, 2012, с. 16).

С помощью методики когнитивного картирования, которая используется для выявления корреляции между лингвистическими структурами текста и структурами представлений автора, в статье выделены и сопоставлены представления В. В. Путина о российской цивилизации в разные периоды его деятельности. Выявлены основные понятия, которыми он оперировал применительно к цивилизационной тематике, а также установлены каузальные связи между ними. Логико-смысловым путем определены положительные и отрицательные каузации между вершинами графов.

Посредством проблемно-хронологического метода мы разделили весь комплекс текстов на три временных этапа, для каждого из которых характерны особые тенденции восприятия цивилизационной сущности России.

Результаты исследования

Первый этап репрезентации темы цивилизационного развития нашей страны в выступлениях В. В. Путина датируется 1999–2006 гг. Основной характерной чертой этого периода было явное преобладание представления о европейской сущности России и фактическое отсутствие высказываний об особом цивилизационном статусе нашей страны.

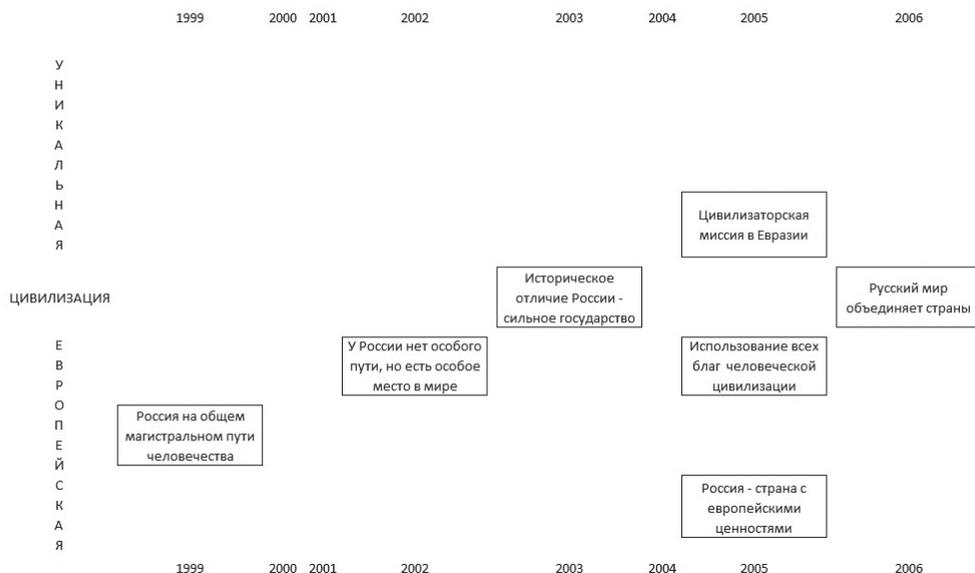

Рисунок 1 – Эволюция высказываний В.В. Путина о цивилизационной сущности России, 1999–2006 гг. (составлено автором)

Figure 1 – The evolution of V.V. Putin’s statements about the civilizational essence of Russia, 1999–2006 (compiled by the author)

Впервые понятие «цивилизация» в текстах, принадлежащих В.В. Путину, появилось 30 декабря 1999 г., т. е. за день до того, как он стал и. о. Президента РФ. В программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» отмечается, что длительный переходный этап в развитии нашей страны, характеризующийся масштабными преобразованиями во всех сферах жизни, подходит к концу. Наиболее значимой в этой связи можно считать следующую цитату: «Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество»¹.

В начале 2000-х гг. отношения со странами Запада переживали стадию подъема, которая пришла на смену кризису, вызванному разногласиями по поводу Косовской войны 1998–1999 гг. Это во многом объяснялось единством ведущих держав мира в борьбе с терроризмом, актуальность которой заметно выросла после атак на США 11 сентября 2001 г. В тот период лидеры неоднократно подчеркивали необходимость дальнейшего сотрудничества не только в сфере безопасности, но и в экономике и культуре. Именно в таком контексте, вероятно, стоит воспринимать заявление В.В. Путина на приеме по случаю Дня России 12 июня 2002 г., где было отмечено, что Россия «не претендует на какой-то особый путь, но она претендует на то место в мире и такое отношение к себе, которое соответствует богатой истории, творческому потенциалу народа и огромным размерам страны»².

Своеобразным средоточием идеи о неприятии особого (незападного) пути развития на тот период можно считать Послание Президента Федеральному Собранию, озвученное 25 апреля 2005 г. Было заявлено, что, несмотря на «величайшую геополитическую катастрофу» крушения СССР, «в результате реформ был избран новый вектор развития за всю тысячелетнюю историю развития». Это вектор ассоциировался у главы государства с категориями «свобода» и «демократия», подчеркивалась особая значимость отсутствия любых ограничений на передвижение и открытость для остального мира, что дает «возможность в полной мере пользоваться богатствами всей человеческой цивилизации». Наиболее важными представляются следующие резюмирующие цитаты: «Россия была и остается европейской страной и развивается в соответствии с европейскими ценностями»; «Мы не изобретаем никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей»³.

В целом из рис. 1 видно, что в 1999–2006 гг. высказываний по рассматриваемой проблеме было не так много; при этом большинство примеров обращения к теме цивилизации трактовались В.В. Путиным скорее в духе общемировой и общеевропейской цивилизации. Однако уже в тот период проскальзывают отдельные идеи, подчеркивающие цивилизационную уникальность нашей страны. Так, в Послании 2005 г. говорится о необходимости продолжения «цивилизаторской миссии российской нации на евразийском континенте». Годом ранее

¹ Путин В.В. (1999, 30 декабря). *Россия на рубеже тысячелетий*. Взято 27 января 2022, с https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

² Владимир Путин выступил на приеме в Кремле по случаю государственного праздника – Дня России (2002, 12 июня). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/27087>

³ *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* (2005, 25 апреля). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

в Послании 2004 г. отмечается исторический «подвиг удержания территории страны в существующих границах», который во все времена возможен «только при наличии сильного государства, при ослаблении которого возникала угроза распада»⁴. Наконец, в 2006 г. В.В. Путин впервые использовал выражение «Русский мир», которое в дальнейшем станет наиболее комплексным воплощением идеи особого пути развития. По словам Президента, произнесенным во время встречи с представителями интеллигенции, «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами»⁵.

Второй этап датируется 2007–2014 гг. Его можно охарактеризовать как период перехода от сотрудничества со странами Запада к постепенному нарастанию открытого противостояния, что завершилось введением санкций и контрсанкций и фактическим прекращением взаимодействия во многих сферах.

Поворотным моментом, предопределившим изменение властной риторики, стало выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. В этой речи подчеркивалось, что «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику». Не менее громкой оказалась и другая цитата: «Система права одного государства, прежде всего, конечно, США, перешагнула свои национальные границы и по сути во всех сферах – и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам»⁶. Мюнхенская речь в контексте понимания цивилизационного развития России важна в первую очередь тем, что впервые со времен холодной войны с высокой трибуны прозвучало обвинение в том, что Запад опасен для нашей страны, что это не временные расхождения, а системный кризис во взаимоотношениях.

Однако в тот момент констатация проблем в международных отношениях еще не означала автоматического отказа от идеи глобального развития. Так, например, в Послании 2007 г., озвученном через 2,5 месяца после выступления в Мюнхене, В.В. Путин с иронией отзывается о «старинной русской забаве – поиске национальной идеи», подчеркивая, что «занятие в целом бесполезное и небезынтересное», но «этим можно заниматься всегда и бесконечно». Также в Послании содержится ремарка, что «культурная и духовная самобытность еще никому не мешала строить открытую миру страну»⁷.

Отдельно стоит подчеркнуть, что В.В. Путин предпочел остаться в стороне от широкого обсуждения важной в контексте понимания цивилизационной уникальности России концепции «суверенной демократии», которое велось в то время на многих площадках. По словам Президента, «это спорный термин.

⁴ *Послание Президента Российской Федерации* (2004, 26 мая). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36353>

⁵ *Русский мир – идеологический миф или политическая реальность?* (2015, 5 ноября). Взято 27 января 2022, с <https://www.putin-today.ru/archives/17187>

⁶ *Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности* (2007, 10 февраля). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁷ *Послание Президента Российской Федерации* (2007, 26 апреля). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522>

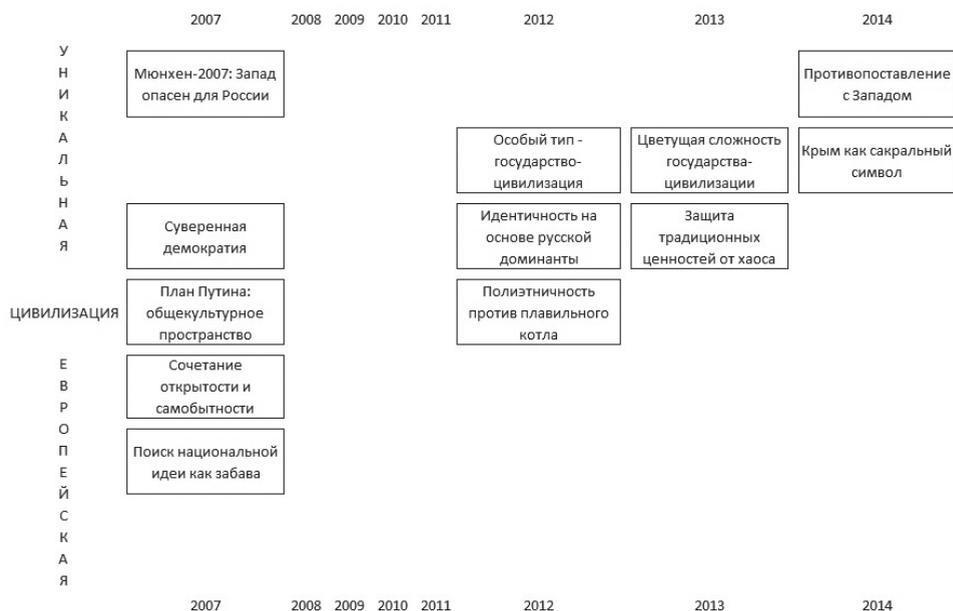

Рисунок 2 – Эволюция высказываний В.В. Путина о цивилизационной сущности России, 2007–2014 гг. (составлено автором)

Figure 2 – The evolution of V. V. Putin’s statements about the civilizational essence of Russia, 2007–2014 (compiled by the author)

Это все-таки небольшое смещение. Суверенитет – это нечто такое, что говорит о качестве наших взаимоотношений с внешним миром, а демократия – это наше внутреннее состояние, внутреннее содержание нашего общества»⁸.

При этом интересно, что едва ли не первое упоминание России как отдельной цивилизации в дискурсе ведущих политических акторов тоже произошло в 2007 г. и было косвенно связано с именем Президента РФ. Выпущенная в тот момент предвыборная программа партии «Единая Россия», известная под названием «План Путина», в качестве задачи № 1 на ближайшие четыре года рассматривала следующее: «дальнейшее развитие России как уникальной цивилизации, защита общего культурного пространства, русского языка, наших исторических традиций»⁹.

⁸ Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» (2007, 14 сентября). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24537>

⁹ План Путина – достойное будущее великой страны (2007, 9 ноября). Взято 27 января 2022, с <https://rg.ru/2007/11/09/er.html>

В 2008–2012 гг. В.В. Путин занимал пост премьер-министра и был в большей степени сосредоточен на решении внутренних, а не международных вопросов, что подтверждает и анализ его речей. В то же время отдельные комментарии свидетельствовали о нарастании недовольства главы Правительства РФ политикой Запада и разрыва некогда существовавшего сотрудничества. В частности, в 2011 г. Путин отозвался о Резолюции Совета Безопасности ООН по Ливии как о «неполноценной и ущербной», сравнив подготовившие документ западные страны со средневековыми крестоносцами, которые призывают «идти в определенное место и чего-то освободить»¹⁰.

В 2012 г. В.В. Путин вновь баллотировался на пост Президента РФ, приурочив к предвыборной кампании серию программных статей, среди которых в рамках нашей темы наибольший интерес представляет публикация «Россия: национальный вопрос». Пожалуй, ни до, ни после в текстах В.В. Путина понятие «цивилизация» и его производные не встречались в таком количестве. Также впервые было затронуто значение для цивилизационного развития крупнейшего этноса нашей страны: «Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура», «самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром», «великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию». Впрочем, отдельно отмечено, что «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Именно в этой статье Россия была названа В.В. Путиным «государством-цивилизацией, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий»¹¹. Такая формулировка однозначно свидетельствует о том, что к концу второго периода высказывания на рис. 2 переместились в верхнюю часть графика, демонстрируя приверженность идее «особого пути» России.

В подобном ключе была рассмотрена роль нашей страны в известном выступлении на заседании клуба «Валдай» в сентябре 2013 г. Президент, цитируя К.Н. Леонтьева, говорит, что Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России. В этой же речи впервые возникает еще один важный сюжет, который в дальнейшем станет ключевым критерием противопоставления нашей страны и западной цивилизации. По словам Президента, за рубежом «отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность... проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога или веру в сатану»¹².

¹⁰ Путин назвал резолюцию СБ ООН по Ливии ущербной (2011, 21 марта). Взято 27 января 2022, с <https://www.interfax.ru/russia/182239>

¹¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос (2012, 23 января). Взято 27 января 2022, с https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

¹² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013, 19 сентября). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

Эта тема была развита в Послании Федеральному Собранию, озвученном через два месяца после Валдайской речи. В. В. Путин заявил о необходимости «защиты традиционных ценностей, тысячелетиями составлявших нравственную основу существования цивилизации». Эта консервативная позиция была охарактеризована Президентом как «препятствие падению в хаотическую тьму», в которую, судя по логике выступления, уже падают страны Запада¹³.

Безусловно, поворотными в развитии представлений В. В. Путина о взаимосвязи России с западным миром стали события 2013–2014 гг. на Украине. Смена власти, последовавшая за массовыми протестами, была воспринята российским руководством как попытка США и Европы грубо вмешаться в сложившуюся расстановку сил на постсоветском пространстве. При этом присоединение Крыма к России было расценено как фактор, имеющий цивилизационное значение для нашей страны.

Этому вопросу посвящена очень заметная часть Послания Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г., где подчеркивалось, что «значение Крыма для России имеет сакральный характер и подобно значению Храмовой горы для иудеев и мусульман». При этом православие названо «общей культурной, ценностной, цивилизационной основой, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии»¹⁴. Святыми для России Президент также назвал Севастополь, Балаклаву, Керчь, Малахов курган и Сапун-гору. В том же выступлении В. В. Путин вновь рассуждал о цивилизационных различиях с Западом, для которого характерны прагматизм и расчетливость, в то время как Россию отличает «чувство локтя, наши семейные ценности», а также широта и щедрость души. В целом это выступление устанавливает многие важные акценты цивилизационного восприятия во властном дискурсе в 2010-е гг.

Третий из рассматриваемых периодов начинается в 2015 г. и характеризуется открытым противостоянием с западной цивилизацией, что предопределило максимально жесткую риторику в ее адрес.

В начале этого этапа наступил некий перерыв в серии значимых выступлений по теме цивилизационного развития России. В какой-то степени это можно объяснить периодом рефлексии по поводу событий 2014 г. Однако не менее важным стоит считать и другой фактор: как и в 2000-е гг., в середине второго десятилетия XXI в. все страны мира вновь столкнулись с масштабной угрозой глобальной террористической структуры, на этот раз «Исламского государства» (запрещена в России). В этой связи в Послании Федеральному Собранию 2015 г. «цивилизация» упоминается лишь один раз, причем совершенно в ином контексте, чем год назад: «Россия уже давно на переднем рубеже борьбы с террором. Это борьба за свободу, правду и справедливость. За жизнь людей и будущее всей цивилизации»¹⁵.

¹³ *Послание Президента Российской Федерации* (2013, 12 декабря). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057>

¹⁴ *Послание Президента Российской Федерации* (2014, 4 декабря). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443>

¹⁵ *Послание Президента Российской Федерации* (2015, 3 декабря). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542>

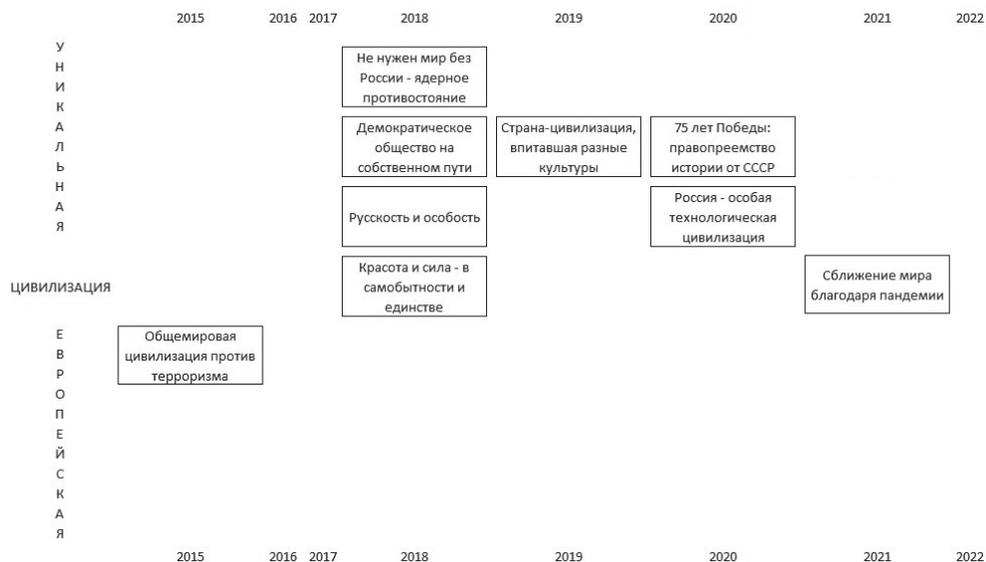

Рисунок 3 – Эволюция высказываний В.В. Путина о цивилизационной сущности России, 2015–2022 (составлено автором)

Figure 3 – The evolution of V. V. Putin’s statements about the civilizational essence of Russia, 2015–2022 (compiled by the author)

В 2016–2017 гг. заметных высказываний В.В. Путина по рассматриваемой тематике не было, однако 2018 г. отмечен самым пристальным вниманием к данному вопросу. В этот момент к нашей стране были прикованы взоры всего мира в связи с проведением Чемпионата мира по футболу и приездом многочисленных туристов. Проведенное на высоком уровне мероприятие стало мощнейшим инструментом «мягкой силы» России.

В озвученном еще в марте 2018 г. Послании Президент в очередной раз утвердил свое видение России как «демократического общества на свободном, самостоятельном пути»¹⁶. Эта тема стала настоящим лейтмотивом выступлений В.В. Путина в 2018 г. Во время инаугурации 7 мая он произнес: «Мы поняли, что вся красота и вся сила – в нашей самобытности и единстве»¹⁷. 31 октября, выступая в Москве на открытии VI Всемирного конгресса соотечественников, он еще раз обратился к категории «Русский мир», связав ее со всеми теми, кто «собирал и объединял всех, кто духовно связан с Россией, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной» и за рубежом не утратил своей «русскости»¹⁸.

¹⁶ Послание Президента Российской Федерации (2018, 1 марта). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>

¹⁷ Владимир Путин вступил в должность Президента России (2018, 7 мая). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>

¹⁸ Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом (2018,

В 2018 г. в риторике лидера страны вновь возник сюжет, о котором уже говорилось ранее: угроза со стороны западной цивилизации для развития России. На заседании Всемирного русского народного собора было заявлено о брошенном нам вызове, который состоит в попытках «переформатировать мир, разрушить традиционные ценности и те культурно-исторические пространства, которые складывались веками»¹⁹. Острота противостояния растет, что приводит к появлению ставшей знаменитой цитаты «А зачем нам такой мир, если в нем не будет России?»²⁰, произнесенной в ответ на вопрос о применении ядерного оружия. Своего пика эта тема достигла в мрачноватой шутке Президента о том, что в случае ядерного апокалипсиса «мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»²¹. Подобный градус накала, очевидно, не встречался во властном дискурсе со времен самых острых событий холодной войны.

В дальнейшем определенные в этот период основы цивилизационного видения развития России в общих чертах воспроизводились в последующих выступлениях без существенных изменений. Во время очередного заседания дискуссионного клуба «Валдай» в 2019 г. В.В. Путин вновь назвал Россию «страной-цивилизацией, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила, что очень важно, единство живущих в ней народов»²². В 2020 г. в цивилизационной риторике появляется еще один важный аспект: «Россия – это отдельная цивилизация, для сохранения которой необходимо приоритетно развивать высокие технологии»²³.

Важнейшим элементом цивилизационной идентичности России остается память о Великой Отечественной войне. В статье В.В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» вновь подчеркнута единство различных этапов прошлого нашей страны: «Россия – правопреемница СССР, и советский период со всеми его триумфами и трагедиями – неотъемлемая часть нашей тысячелетней истории»²⁴.

31 октября). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003>

¹⁹ Заседание Всемирного русского народного собора (2018, 1 ноября). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59013/print>

²⁰ «Зачем нам мир без России?»: Владимир Путин о возможности применения ядерного оружия, терроризме и ситуации в Сирии (2018, 7 марта). Взято 27 января 2022, с <https://russian.rt.com/russia/article/489649-putin-siriya-terrorizm-yadernoe-oruzhie>

²¹ Путин на «Валдае» о ядерной войне: мы в рай, а они просто сдохнут (2018, 7 марта). Взято 27 января 2022, с <https://www.bbc.com/russian/news-45905674>

²² Заявления стратегической важности сделал Владимир Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай» (2019, 3 октября). Взято 27 января 2022, с <https://www.1tv.ru/news/2019-10-03/373349-vernitskiy>

²³ Путин назвал РФ отдельной цивилизацией и призвал развивать высокие технологии (2020, 17 мая). Взято 27 января 2022, с https://www.gazeta.ru/science/news/2020/05/17/n_14430877.shtml

²⁴ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей

В 2020 г. мир столкнулся с вызовом пандемии COVID-19, что также нашло отражение в Послании Президента Федеральному Собранию, озвученном 21 апреля 2021 г. В выступлении вновь прозвучала идея общности всего мира перед лицом опасности: «...наша страна, да и, собственно, весь мир столкнулись с новой, неизвестной и чрезвычайно опасной инфекцией»²⁵. Это выступление подтверждает тезис о том, что понимание цивилизации как общемирового единства всех людей на планете не исчезло из властного дискурса, несмотря на противоречия со странами Запада.

Обобщая результаты анализа высказываний В.В. Путина, проследим эволюцию его представлений о цивилизационной сущности России с помощью технологии когнитивного картирования. На графах, представленных ниже, в качестве вершин, заключенных в овалы, выступают ключевые понятия, выражающие отношение Президента к данной проблеме. При этом в прямоугольники помещены категории, которые выступают в качестве промежуточных, поясняющих смысл выраженных стрелками каузаций между ключевыми понятиями. Причинно-следственные связи выражены с помощью направления стрелок, при этом знак «+» демонстрирует позитивный характер восприятия политическим лидером связей между вершинами, в то время как знак «-» изображен в тех случаях, когда в речах В.В. Путина прослеживается явно критическое отношение по поводу взаимосвязи тех или иных категорий.

На рис. 4 отображены взгляды лидера страны, характерные для начального периода его правления. В них явно прослеживается общие корни и цели развития нашего государства и западного мира, в том числе необходимость совместного противостояния международному терроризму. Также наблюдается относительная простота когнитивной карты, которую можно объяснить тем, что цивилизационная составляющая в рассматриваемый период не так часто находила отражение в выступлениях руководителя страны.

Когнитивная карта, представленная на рис. 5, отражает представления о противостоянии России западной цивилизации, которые в наиболее явном виде сформировались во время третьего и четвертого президентских сроков В.В. Путина на фоне бескомпромиссного противостояния держав на международной арене. В этот период цивилизационная проблематика становится одной из важнейших во властном дискурсе. Обращает на себя внимание появление новых категорий, которые не фигурировали на начальном этапе: «традиционные ценности», «ядерное сдерживание» и т. д.

В целом сопоставление двух приведенных выше графов демонстрирует усложнение когнитивной карты, проявившееся в возрастании числа основных категорий (с 7 до 10) и связей между ними (с 6 до 9). При этом стоит отметить, что центральная каузальная цепочка в обоих случаях выражает связь между категориями «Россия» и «Запад».

и будущим (2020, 19 июня). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>

²⁵ *Послание Президента Федеральному Собранию* (2021, 21 апреля). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>

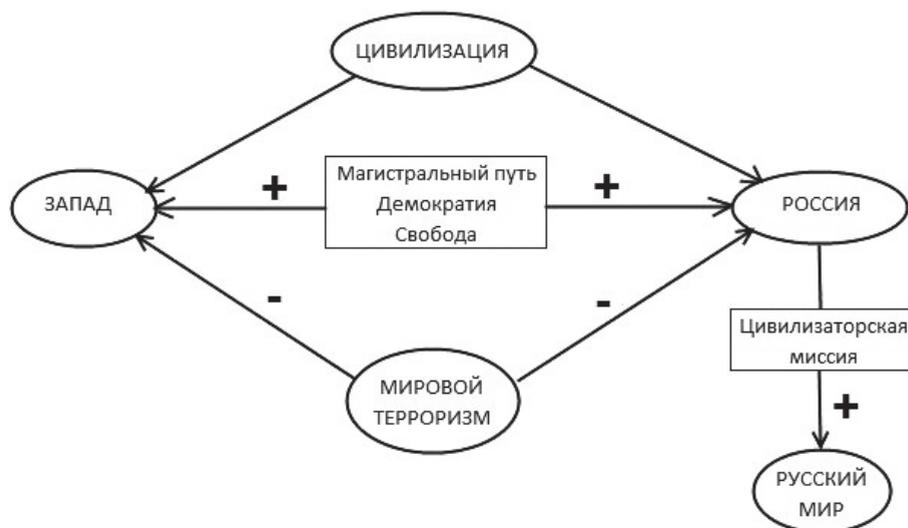

Рисунок 4 – Когнитивная карта представлений В.В. Путина о цивилизационной сущности России в 2000-е гг. (составлено автором)

Figure 4 – Cognitive map of V. V. Putin's representations about the civilizational essence of Russia in the 2000s (compiled by the author)

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что изучение текстов выступлений, статей и интервью В.В. Путина, озвученных и опубликованных в последние два десятилетия, позволяет проследить изменения, которые происходили во властном дискурсе по вопросу о цивилизационной сущности России. На первом этапе (1999–2006 гг.) преобладало видение единства нашей страны с европейской цивилизацией, которое особенно укрепилось на фоне совместного противостояния «Аль-Каиде» (запрещена в России) и другим международным террористическим организациям. Второй этап (2007–2014 гг.) в развитии цивилизационного дискурса В.В. Путина довольно четко укладывается в промежуток между его Мюнхенской и Крымской речами. В этот период становится понятно, что возникшие противоречия достаточно сильны, чтобы превратиться в «пропасть» между крупнейшими акторами международных отношений. Также на этом этапе в выступлениях Президента впервые возникает образ России как государства-цивилизации. Наконец, на третьем этапе, начавшемся в 2015 г., тема противостояния, столкновения цивилизаций становится доминирующей. При этом в ряде выступлений не исключается возможность крупномасштабного противостояния с использованием ядерного оружия, однако подчеркивается, что Россия может применить свой арсенал лишь в качестве ответной меры.

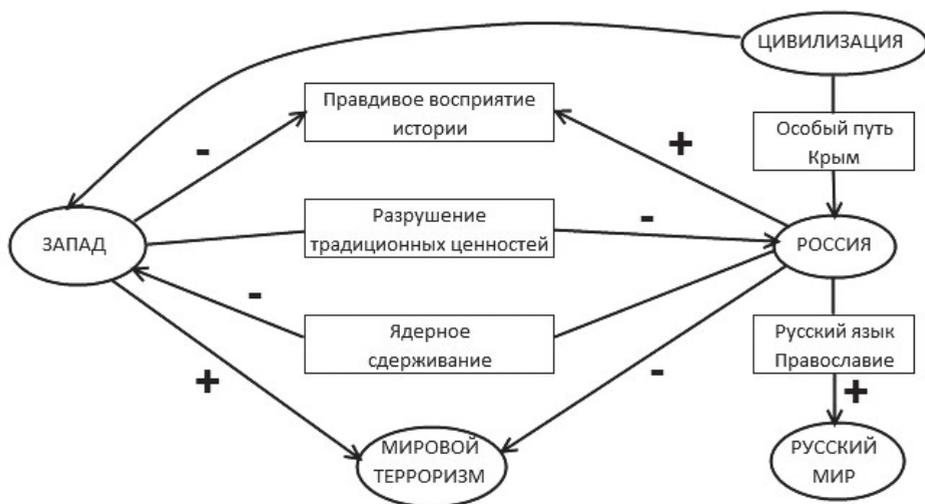

Рисунок 5 – Когнитивная карта представлений В.В. Путина о цивилизационной сущности России на рубеже 2010–2020-х гг. (составлено автором)

Figure 5 – Cognitive map of V. V. Putin's representations about the civilizational essence of Russia at the turn of the 2010s and 2020s (compiled by the author)

Полученные в рамках данной работы выводы в целом подтверждают результаты исследования, проведенного в 2021 г. учеными Московского государственного областного университета, которые на основе контент-анализа Посланий Президента РФ Федеральному Собранию изучили оценки руководством страны исторической политики России. Авторы сделали вывод о «переходе от либеральной версии теории модернизации к национально-консервативному подходу, близкому к теории цивилизаций» (Багдасарян и др., 2021, с. 421).

В целом анализ высказываний в рамках данного исследования подтверждает, что изменения риторики политических лидеров часто опережают принимаемые решения. Так, например, за упоминанием В.В. Путиным в 2006 г. термина «Русский мир», ранее воспринимаемого исключительно в качестве публицистской категории, последовало возникновение фонда «Русский мир», что было утверждено указом Президента от 21 июня 2007 г.²⁶

Не меньшее значение имеет то влияние, которое оказывают выступления Президента РФ на общественные настроения в стране. В частности, в 2014 г. после серии высказываний о «государстве-цивилизации» компания «Левада-Центр» провела социологический опрос, согласно которому 46% опрошенных

²⁶ О создании фонда «Русский мир»: Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 г. (№ 796). Взято 27 января 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689>

полагают, что России следует развиваться по собственному пути. При этом 38 % респондентов были уверены в необходимости создания в России государства «с совершенно особым устройством»²⁷.

Такие факты подтверждают, что изучение наиболее важных основ властного дискурса сохраняет свою актуальность в связи с неослабевающим прогностическим потенциалом.

Список литературы

1. Багдасарян, В.Э., Балдин, П.П., Реснянский, С.И. (2021). Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 66(2), 421–437. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.206>
2. Беглова, Е.И., Шмелева, О.Ю. (2015). «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений Президента России В.В. Путина 2012–2015 гг.). *Политическая лингвистика*, (3), 12–16.
3. Лубский, А.В. (2016). Цивилизационный дискурс в условиях глокализации. *Философия права*, (2), 65–69.
4. Мальченков, С.А. (2021). Концептуальные основы цивилизационных трансформаций в современной социальной философии. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 21(4), 405–413. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.56.021.202104.405-413>
5. Мартьянов, В.С. (2007). Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 3(1), 147–174.
6. Пашинян, И.А. (2012). Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения. *Научная периодика: проблемы и решения*, (3), 13–18.
7. Попов, В.Б. (2020). Трансформации цивилизационных стратегий России. В Т.Э. Рагозина (Ред.), *Духовное производство в эпоху позднего капитализма: материалы Международной научной конференции (25 апреля 2020 г., Донецк)* (с. 173–181). Донецк: ДонНТУ.
8. Самородова, Н.Н. (2015). Контент-анализ посланий В.В. Путина Федеральному Собранию РФ (2000–2014 гг.). *Pro nunc. Современные политические процессы*, (2), 7–13.
9. Согомонян, В.Э. (2012). Что такое дискурс власти? 21-й век, (1), 34–51.
10. Старцев, Я.Ю. (2007). Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 3(1), 175–190.
11. Трегубов, Н.А. (2010). Артикуляция представлений о политической модернизации в риторике В.В. Путина и Д.А. Медведева: попытка сравнительного контент-анализа. *Вестник Пермского университета. Политология*, (3), 69–81.
12. Федотова, В.Г. (2020). Роль модернизации в цивилизационном проекте для России. *Вопросы социальной теории*, 12, 222–236. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.206>

²⁷ *Россияне разочаровались в Западе и выступают за особый путь развития* (2014, 7 апреля). Взято 27 января 2022, с <http://ria.ru/society/20140407/1002859375.html>

org/10.30936/2227-7951-2020-12-222-236

13. Хренов, Н. А. (2020). Трансформация цивилизационной идентичности в России на рубеже XX–XXI веков: от вестернизации к евразийству. *Верхневолжский филологический вестник*, (4), 151–160. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-151-160>

14. Arnason, J. (2008). La compatibilite des civilisations. *Eurostudia*, 4(2), 1–13. <https://doi.org/10.7202/000390ar>

15. Eisenstadt, S. (2006). *The great revolutions and the civilizations of Modernity*. Boston: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789047417651>

16. Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy. Toward a radical democratic politics*. London: Verso.

17. McNabb, D. (2015). *Vladimir Putin and Russia's imperial revival*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315084152>

18. Treisman, D. (2014). Putin's popularity since 2010: Why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? *Post-Soviet Affairs*, 30(5), 370–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.904541>

19. Wilson, K. (2020). Is Vladimir Putin a strong leader? *Post-Soviet Affairs*, 37(3), 80–97. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1808395>

References

1. Arnason, J. (2008). La compatibilite des civilisations [The compatibility of civilizations]. *Eurostudia*, 4(2), 1–13. <https://doi.org/10.7202/000390ar>

2. Bagdasaryan, V.E., Baldin, P.P., & Resnyanskiy, S.I. (2021). Poslaniya prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu sobraniyu kak istochnik izucheniya istoricheskoy politiki Rossii [Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a source for studying the historical policy of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 66(2), 421–437. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.206>

3. Beglova, E.I., & Shmeleva, O. Yu. (2015). “Yazykovoy kod” politicheskoy kommunikatsii (na materiale vystupleniy Prezidenta Rossii V.V. Putina 2012–2015 gg.) [“Language code” of political communication (on the material of the speeches of President Vladimir Putin in 2012–2015)]. *Politicheskaya lingvistika*, (3), 12–16.

4. Eisenstadt, S. (2006). *The great revolutions and the civilizations of Modernity*. Boston: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789047417651>

5. Fedotova, V.G. (2020). Rol' modernizatsii v tsivilizatsionnom projekte dlya Rossii [The role of modernization in the civilizational project for Russia]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 12, 222–236. <https://doi.org/10.30936/2227-7951-2020-12-222-236>

6. Khrenov, N. A. (2020). Transformatsiya tsivilizatsionnoy identichnosti v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: ot vesternizatsii k yevraziystvu [Transformation of civilizational identity in Russia at the turn of the XX–XXI centuries: From Westernization to Eurasianism]. *Verkhnevолzhskiy filologicheskii vestnik*, (4), 151–160. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-151-160>

7. Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy. Toward a radical democratic politics*. London: Verso.

8. Lubskiy, A. V. (2016). Tsivilizatsionnyy diskurs v usloviyakh

glokalizatsii [Civilizational discourse in the context of glocalization]. *Filosofiya prava*, (2), 65–69.

9. Malchenkov, S.A. (2021). Kontseptual'nyye osnovy tsivilizatsionnykh transformatsiy v sovremennoy sotsial'noy filosofii [Conceptual foundations of civilizational transformations in contemporary social philosophy]. *Gumanitariy: aktual'nyye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya*, 21(4), 405–413. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.56.021.202104.405-413>

10. Martyanov, V.S. (2007). Ideologiya V.V. Putina: kontseptualizatsiya poslaniy Prezidenta RF [Ideology of V.V. Putin: Conceptualization of messages of the President of the Russian Federation]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 3(1), 147–174.

11. McNabb, D. (2015). *Vladimir Putin and Russia's imperial revival*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315084152>

12. Pashinyan, I.A. (2012). Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya [Content analysis as a method of research: Advantages and limitations]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*, (3), 13–18.

13. Popov, V.B. (2020). Transformatsii tsivilizatsionnykh strategiy Rossii [Transformations of civilizational strategies of Russia]. In T.E. Ragozina (Ed.), *Dukhovnoye proizvodstvo v epokhu pozdnego kapitalizma: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (25 aprelya 2020 g., Donetsk)* (pp. 173–181). Donetsk: DonNTU.

14. Samorodova, N.N. (2015). Kontent-analiz Poslaniy V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF (2000–2014 gg.) [Content analysis of V.V. Putin's messages to the Federal Assembly of the Russian Federation (2000–2014)]. *Pro nunc. Sovremennyye politicheskiye protsessy*, (2), 7–13.

15. Sogomonyan, V.E. (2012). Chto takoye diskurs vlasti? [What is discourse of power?]. *21 vek*, (1), 34–51.

16. Startsev, Ya.Yu. (2007). Politicheskaya sistema v zerkale diskursa: opyt rekonstruktsii logiki prezidentskikh poslaniy [Political system in discourse reflection: Experience of reconstruction of logic of presidential messages]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 3(1), 175–190.

17. Tregubov, N.A. (2010). Artikulyatsiya predstavleniy o politicheskoy modernizatsii v ritorike V.V. Putina i D.A. Medvedeva: popytka sravnitel'nogo kontent-analiza [Articulation of ideas about political modernization in the rhetoric of V.V. Putin and D.A. Medvedev: An attempt at comparative content analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (3), 69–81.

18. Treisman, D. (2014). Putin's popularity since 2010: Why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? *Post-Soviet Affairs*, 30(5), 370–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.904541>

19. Wilson, K. (2020). Is Vladimir Putin a strong leader? *Post-Soviet Affairs*, 37(3), 80–97. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1808395>

Информация об авторе

Станислав Александрович Мальченков, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@rambler.ru

Information about the author

Stanislav Aleksandrovich Malchenkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@rambler.ru

МЕМОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Мария Львовна Шуб,

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Россия,
shubka_83@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Шуб М.Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 72–87. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

Аннотация

В статье анализируется один из уровней локальной идентичности – мемориальная идентичность, понимаемая как темпоральная (ретроспективная) связь отдельного человека или коллектива с социальной и/или пространственной средой обитания. На практике такая связь может воплощаться в восприятии города (села, региона – любого локуса) как своеобразной сцены разворачивания событий личной биографии (персонализированный тип мемориальной идентичности) либо как зеркала, в котором отражаются значимые вехи общегосударственной или мировой истории (социализированный тип мемориальной идентичности). Автор статьи на примере Челябинска и Магнитогорска, двух наиболее крупных индустриальных городов Южного Урала, выделяет основные черты мемориальной идентичности их жителей. С одной стороны, это высокий аксиологический статус прошлого, оценка истории как источника чувства гордости за свой город (главным образом в контексте вклада южноуральцев в дело Великой Победы), обоснование личной привязанности к городу как месту рождения, детства, юности. С другой стороны, это чрезвычайно

© Шуб М.Д., 2022

низкий уровень реальной включенности в частные и официальные мемориальные практики, пассивность в создании медийного ретроконтента. Делается вывод, что на фоне достаточно критичного отношения населения к сложившейся в регионе ситуации (что связано преимущественно с экологическими проблемами) мемориальный компонент локальной идентичности может восприниматься как эффективный инструмент культурной политики, позволяющий снизить уровень социального напряжения, нивелировать остроту восприятия существующих проблем, укрепить степень привязанности населения к родному городу.

Ключевые слова:

идентичность, локальная идентичность, мемориальная идентичность, культурная политика, культурная память.

UDC 304.444

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_72

MEMORIAL IDENTITY IN THE LOCAL IDENTITY STRUCTURE OF INDUSTRIAL CITIES RESIDENTS IN THE SOUTHERN URALS

Maria L. Shub,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russia,
shubka_83@mail.ru

Article received on January 20, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Shub, M.L. (2022). Memorial Identity in the Local Identity Structure of Industrial Cities Residents in the Southern Urals. *Discourse-P*, 19(2), 72-87. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

Abstract

The article analyzes one of the levels of local identity – memorial identity, understood as a temporal (retrospective) connection of an individual or a collective with the social and/or spatial environment. In practice, this connection can be embodied in the perception of a city (village, region – any locus) as a kind of scene for the unfolding of events of personal biography (personalized type of memorial identity) or as a mirror in which significant milestones of national or world history are reflected (socialized type of memorial identity). Using the example of Chelyabinsk and Magnitogorsk, two largest industrial cities of the South Urals, the author identifies the main features of the memorial identity

of their residents. On the one hand, there is a high axiological status of the past, assessment of history as a source of pride for their city (mainly in the context of the contribution of South Ural residents to the victory in the Great Patriotic War), justification of personal attachment to the city as a place of birth, childhood, and youth. On the other hand, there is an extremely low level of real engagement in private and official memorial practices, passivity in creation of media retrocontent. It is concluded that against the background of a quite critical attitude of the population to the current situation in the region (mainly related to environmental problems), the memorial component of local identity can be perceived as an effective tool of cultural policy – it allows reducing the level of social tension, leveling the acuteness of perception of existing problems, and strengthening the degree of attachment of the population to their hometown.

Keywords:

identity, local identity, memorial identity, cultural policy, cultural memory.

Введение

Один из крупнейших исследователей мемориальной культуры последних десятилетий А. Ассман в работе «Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» сформулировала и обосновала идею о том, что мы являемся очевидцами складывания нового, особого темпорального режима культуры, т. е. «комплекса культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» (Ассман, 2017, с. 15). Формирование такого режима началось в 80-е гг. прошлого столетия в связи с радикальным пересмотром мемориального контента (что следует помнить), его ценностно-мотивационных установок (для чего следует помнить) и способов его объективации (как следует помнить). Современный темпоральный режим и соответствующая ему мемориальная культура в сравнении с предыдущими характеризуются плюралистичностью интерпретаций минувшего; демократизацией процедур его освоения; постепенным перемещением живой коммуникативной памяти в пространство рациональной истории в связи с уходом свидетелей событий прошлого; включением в коммеморативные практики актов поминовения жертв собственных преступлений, ответственность за которые ложится на государство и на последующие поколения (Ассман, 2016).

Мысль о том, что современный мир входит (или уже вошел) в пространство новой мемориальной парадигмы, разделяется большинством представителей *memory studies*. Значимой предпосылкой этого процесса является масштабный кризис идентичности, проявляющийся на всех уровнях (от интернационального до локально-регионального) и в самых разнообразных формах (размывание границ национальных культур, дробление, диаспоризация идентичностей, появление их гибридных типов и пр.).

Наглядным отражением остроты происходящих в сфере идентичности процессов является тематическая повестка *Memory Studies*, крупнейшего жур-

нала в области мемориальных исследований. В течение последних 10 лет проблема идентичности занимает там одну из лидирующих позиций, инициируя внимание исследователей к самым различным ее аспектам – от формирования идентичности сексуальных меньшинств в восточных государствах до сложностей самоопределения национальных сообществ в условиях «материнской культуры» (Зубанова и др., 2021, с. 141).

Столь тесная связь мемориальной проблематики и идентичности продиктована, прежде всего, перекрестной ролью, которую играет идентичность в функционировании коллективной памяти и коллективная память в обеспечении процессов группового и индивидуального самоопределения. По убеждению Г. Кристмана, «развитие идентичности всегда должно рассматриваться в связи с общей историей общества... идентичность основана на историческом наследии, она заложена в коллективной памяти» (цит. по: Buerk et al., 2012, p. 340).

На сущностном и функциональном пересечении коллективной памяти и идентичности формируется *мемориальная идентичность*, т.е. темпоральная (ретроспективная) связь отдельного человека или группы с социальной и/или пространственной средой бытования. Иными словами, мемориальная идентичность проявляется в более или менее осознанном и деятельном принятии членами определенного коллектива контента культурной памяти (тех самых постулатов, ценностей и установок в отношении прошлого, о которых говорила А. Ассман), который этот коллектив считает для себя легитимным.

В наибольшей степени сущностная и функциональная взаимосвязь культурной памяти и идентичности изучена исследователями, среди которых П. Нора (1999), Э. Смит (Smith, 1993), С. Хантингтон (Huntington, 2004), Л. П. Репина (2017) и др., на примере масштабных сообществ, таких как нация. При этом уровень их локального взаимодействия (скажем, в условиях городского пространства) осмыслен значительно хуже, несмотря на то что сегодня именно локальность признается драйвером значимых социокультурных трансформаций (Canagarajah, 2002).

Результаты исследования

Изучение места и роли представлений о прошлом в контексте локальной идентичности обладает не только теоретической, но и *прикладной значимостью*, связанной с возможностью оценки уровня лояльности населения к месту проживания, форм его фактической и декларативной включенности в различные сферы городской жизни, степени привязанности к городу и формирования на этой основе эффективных стратегий политики памяти, культурной политики и регионального развития в целом. Вспоминается известная фраза В. Беньямина о том, что ничто не удерживает нас дома так, как связанные с ним воспоминания. Это романтическое высказывание вполне может монетизироваться современными региональными элитами в формате разного рода управленческих решений, особенно если понимать воспоминания и стоящую за ними мемориальную идентичность в предельно широкой перспективе – не только как ностальгию по проведенному в городе детству, но и как внутреннее совпадение с его тем-

поральным ритмом, как чувство сопричастности его истории, как ощущение корневой, почти тотемической связи с ним.

Структурно мемориальная идентичность формируется как результирующая нескольких содержательных уровней: рационально-оценочного (например, через осознание ценности города как важного исторического объекта), деятельностного (например, через участие в разного рода мемориальных практиках), знаково-символического (через наличие в городской среде темпорально значимых для жителей объектов или пространств) и эмоционального (главным образом через ощущение связи личной биографии и городского пространства).

В пространстве социокультурного бытования мемориальная идентичность может быть представлена как:

– «сцена», на которой разворачивались знаковые события горожан (рождение, первая любовь, смерть близких и пр.); в таком случае мы имеем дело с индивидуализированным уровнем мемориальной идентичности;

– «зеркало», в котором отражаются значимые вехи общегосударственной и/или мировой истории; в данном случае речь идет о социализированном уровне мемориальной идентичности, предполагающем восприятие города в контексте его зарождения, последующего развития, участия в масштабных исторических событиях, его выдающихся жителей, их достижений и пр.

В 2020–2021 гг. нами было проведено культурологическое исследование, направленное на изучение локальной идентичности жителей шести южноуральских промышленных городов – Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Озерска, Карабаша и Сатки. Несмотря на обращение в том числе к потенциалу таких общегуманитарных методов, как массовый опрос, полужформализованное интервью и нарративный анализ, по своим целям и задачам оно носило именно культурологический характер, что проявлялось, прежде всего, в стремлении не столько зафиксировать численно-статистические параметры процесса идентификации жителей региона с городами их локализации (количество тематических групп, постов, коммеморативных практик, городских сообществ и пр.), сколько понять природу этого процесса, определить особенности его протекания в разных городах, выявить корреляции с общим социокультурным, историческим, экономическим контекстом.

Была разработана авторская методика исследования, которая основывалась на таких методах, как нарративный анализ медиа- и пользовательского контента (10826 постов на областном информационном интернет-портале и сайте регионального телеканала; 24269 постов в городских тематических сообществах в социальной сети «ВКонтакте»), массовый опрос (объем выборки: 550 человек в Челябинске, 180 – в Магнитогорске), полужформализованное интервью (100 и 50 респондентов, соответственно).

Одним из направлений исследования стало выявление специфики мемориальной идентичности южноуральцев и возможностей ее использования как ресурса культурной политики. В рамках данной статьи представлены результаты изучения мемориальной идентичности жителей двух наиболее крупных городов Челябинской области – Челябинска и Магнитогорска, поскольку именно в них на фоне достаточно высокого уровня оттока населения и обострения

экологической повестки созидательный потенциал мемориальной идентичности наиболее очевиден.

Представим результаты исследования в индуктивной логике – от частного (результаты апробации отдельных методов) к общему (специфика мемориальной идентичности жителей анализируемых городов в целом).

Метод нарративного анализа медиа- и пользовательского контента. Целью его использования была фиксация уровня интереса к мемориальной тематике официальных и неофициальных медиа. В условиях медиатизации культуры идентификационная роль официальных СМИ и социальных сетей выходит далеко за пределы передачи информации: «Новые медиа не могут рассматриваться лишь технически-опосредованным режимом хранения или архивирования воспоминаний. Они выступают именно «живым» форматом функционирования, отражают максимально суггестивный характер переживания событий прошлого...» (Зубанова, 2020, с. 36).

Основными категориями нарративного анализа выступили: интенсивность продвижения мемориального контента (частота появления мемориально-ориентированной информации); тематика контента (преобладающий содержательный фрейм сообщений: культурная память, культурное наследие, осквернение памяти, коммеморация, память о Великой Отечественной войне, политика памяти, природное наследие, великие земляки); эмоциональная подача контента (негативно-критическая, трагическая, положительная, смешанная или нейтрально-констатирующая).

В пространстве региональных медиа (областной телевизионный канал ОТВ и информационный портал 74.ru), и особенно сетевых сообществ (группы «Типичный Челябинск», «Типичный Магнитогорск»), мемориальная тематика занимает периферийное положение (в среднем менее 1% от общего объема сообщений). Для сравнения: интенсивность публикации экологического материала оказалась существенно выше – около 26% в аналогичных источниках.

С точки зрения эмоциональной подачи наиболее востребованными (ОТВ – 29,4%, 74.ru – 19,7%, «Типичный Челябинск» – 34,2%, «Типичный Магнитогорск» – 26,7%) оказались нейтрально окрашенные сообщения, посвященные главным образом информации о реставрационно-восстановительных работах, субботниках, обнаружении археологических артефактов, разного рода коммеморативных мероприятиях и т. п. Мемориальные посты носили преимущественно констатирующий и описательный характер, не подразумевающий активной и острой реакции аудитории и не апеллирующий к ее чувствам (за исключением, пожалуй, чувств ностальгии в фотографиях старого Челябинска).

Содержание мемориальных сообщений позволяет сделать вывод о тотальном доминировании военного фрейма, связанного с тематикой Великой Отечественной войны, что свидетельствует о сохранении ее цементирующей роли в формировании и поддержании идентичности южноуральцев. Применительно к Челябинской области в целом и Челябинску в частности это вполне объяснимо, поскольку символы Великой Отечественной войны и Великой Победы непосредственным образом интегрированы в историю региона. Челябинск, как известно, в годы войны назывался Танкоградом. Сюда

были эвакуированы десятки крупных промышленных предприятий из многих советских городов, здесь было налажено производство военной техники (в том числе, знаменитых Т-34 и «Катюш»). В 2020 г. за особый вклад в дело Великой Победы Челябинску и Магнитогорску было присвоено звание «Город трудовой доблести».

Метод массового опроса. На основании результатов апробации данного метода были выявлены основные черты локальной идентичности челябинцев и магнитогорцев (в том числе ее мемориального компонента), оценена степень мемориальной активности респондентов, а также их восприятие мемориальной политики региональных властей.

В целом результаты массового опроса позволяют зафиксировать выраженную и консолидированную критическую позицию жителей Челябинска и Магнитогорска, транслируемую в достаточно широком содержательном диапазоне, но концентрирующуюся, прежде всего, на экологическом неблагополучии региона. Эта позиция красной нитью проходила через все ответы респондентов. Однако за этим весомым «слоем» негативных оценок следовали позитивно ориентированные ответы, занимающие вторые места по популярности и позволяющие сделать некоторые выводы относительно мемориальной идентичности южноуральцев.

Приведем два примера. В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось назвать три ключевых ассоциации, возникающих при восприятии собственного города. Жители и Челябинска, и Магнитогорска называли, прежде всего, негативные или сдержанно-отстраненные по характеру ассоциации – экологически неблагополучный город (Челябинск – 56,8%, Магнитогорск – 42,7%), город-завод (38% и 43,8%, соответственно). На втором по востребованности месте была группа ассоциаций, апеллирующих к прошлому респондентов, их детству и юности – город детства (28,6% и 33,6%), город-дом (20% и 20,8%).

Отвечая на вопрос об информации, благодаря которой их город известен в общероссийском пространстве, челябинцы чаще всего выбирали вариант «эта информация связана с негативной экологической ситуацией» (61,9%). Далее по популярности находился вариант ответа «информация о прошлом города, воинском и трудовом подвиге» (38,5%). Практически аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении Магнитогорска с той лишь разницей, что воинский и трудовой подвиг Магнитки виделся респондентам как лидирующая позиция во внешнем информационном позиционировании (48,66%), а данные об экологических проблемах занимали вторую строку популярности (41%).

Что касается реальной мемориальной активности самих респондентов, то ее можно назвать достаточно низкой, как по отношению к официальным, организованным, институционально регламентированным (городские праздники и мероприятия, официальные сетевые объединения и пр.), так и по отношению к неофициальным, приватным (семейные мемориальные традиции, личная мемориальная интегрированность в городскую среду) формам мемориальных практик.

Около 70% опрошенных не состоят ни в каких реальных или виртуальных сообществах, связанных с городской жизнью. Мемориальная активность

респондентов ограничивается формальным участием в Дне города и Параде Победы. Отвечая на вопрос, «есть ли в городе такие места, которые связаны с Вашей личной биографией, которые Вы посещаете?», подавляющее большинство челябинцев и магнитогорцев выбрали вариант «такие места есть, я просто храню их в своих воспоминаниях, но не бываю там» (вторым по частоте встречаемости стал ответ «таких мест нет»). Кроме того, из предложенных участникам исследования вариантов сохранения памяти о семейном прошлом как наиболее предпочтительные были выбраны те, которые не требовали от них высокой степени активности, деятельного участия, перемещения в пространстве, интеллектуальных и временных затрат и пр. (сохранение семейных альбомов, писем, празднование значимых семейных событий, памятных дат, посещение кладбищ).

В отношении официальной политики памяти (сохранение облика улиц, реставрация зданий и пр.) респонденты выразили консолидированное мнение о том, что «какие-то действия осуществляются, но нет четкой программы сохранения исторического наследия» (Челябинск – 57,75 %, Магнитогорск – 48,66 %).

Метод полуформализованного интервью. Данный метод позволил выявить специфику знаково-символического и эмоционального уровня локальной идентичности, в том числе посредством обращения к вопросам мемориальной тематики.

В рамках полуформализованного интервью, давая характеристику своим городам в субъективно-оценочном ключе (продолжая фразы «я люблю свой город, потому что...» и «я горжусь им, потому что...»), жители Челябинска и Магнитогорска сформулировали фактически универсальные ответы. Их «любовь» объясняется тем, что «это город моего рождения, детства и юности», «это город дорогих воспоминаний» (Челябинск – 86 %, Магнитогорск – 98 %); а чувство гордости связано, прежде всего, с тем, что «это город трудовой славы и доблести» (Челябинск – 98 %, Магнитогорск – 94 %).

Кроме того, участникам интервью было дано задание – нанести на воображаемую городскую карту места, объекты, символически важные как для самих респондентов, так и для их потомков. Челябинцы и магнитогорцы обозначили главным образом объекты, связанные, с одной стороны, с прошлым как таковым (историческая застройка, памятники основателям городов), с другой – с практиками его мемориализации (мемориальная скульптура и скульптурные композиции, музеи, этнопарки, иные памятники историко-культурного наследия). Можно также отметить и то, что, выполняя данное задание, респонденты сделали акцент на конструктивных символах – уникальных мемориальных объектах, интересной истории, во многом связанной и с освоением уральской земли еще в XVIII в., и с ударными стройками первых пятилеток, и с героическим вкладом в дело Великой Победы.

В целом доминирование ретроориентированных знаково-символических мест городского ландшафта может объясняться, с одной стороны, тем, что идентичность легче выстраивается в отношении прошлого, чем в отношении настоящего или будущего, поскольку именно прошлое, по словам Э. Смита, ассоциируется с «чем-то, что прошло проверку временем, закрепилось в соци-

альном сознании в качестве надежного и значимого» (Smith, 1993, p. 78). Кроме того, именно представления о минувшем как пространстве опыта во многом определяют способы коллективной интерпретации актуальной действительности, закладывают ценностные и нормативные коды существования. С другой стороны, особый ценностный статус прошлого продиктован незначительным количеством значимых идентификационных символов, появившихся в последние десятилетия. А появившиеся в большинстве своем транслируют идеи истоков, происхождения, общей исторической судьбы, а не ассоциируются с настоящим.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей мемориальной идентичности жителей Челябинска и Магнитогорска.

1. Мемориальная идентичность играет *созидательную роль* в структуре локальной идентичности южноуральцев. Результаты исследования позволяют увидеть наличие устойчивых корреляций между позитивным восприятием респондентами своих городов и образами прошлого (исторического/государственного или личного/биографического).

2. Такое распределение мнений во многом детерминирует вторую особенность мемориальной идентичности – ее *противопоставленность* и даже *конфликтность* иным компонентам локальной идентичности, в частности, связанным с восприятием «городского настоящего». Локальная идентичность формируется на линии разрыва между позитивным восприятием прошлого и критическим отношением к современности. Если прошлое и челябинцами, и магнитогорцами рассматривается как повод для гордости, как источник теплых чувств и воспоминаний, как мощный идентификационный ресурс, нуждающийся в сохранении для потомков, то настоящее устойчиво ассоциируется с актуальными проблемами – экологическим неблагополучием, инфраструктурной неразвитостью, бездействием властей и пр. Вероятно, такая ситуация может объясняться, с одной стороны, ассоциированностью прошлого, особенно недавнего, советского, с героическими событиями, Великой Победой, лидирующим положением нашей страны на международной арене, достижениями в сфере производства, науки и культуры; с другой – отсутствием такого рода ассоциаций с непредсказуемым, нестабильным, полным проблем настоящим, идеологические основания которого строятся, по словам И. Калинина (2010), на принципах «ностальгической модернизации», т. е. обращенности к достижениям прошлого.

3. Мемориальная идентичность носит *идеально-символический характер*, т. е. связана главным образом с представлениями, но не действиями. Признавая значимость прошлого, респонденты практически никак не интегрируются в различные формы мемориальной активности, дистанцируясь от личного участия в продвижении, пропаганде, сохранении прошлого. Это может быть связано как с общей социальной пассивностью населения Челябинска и Магнитогорска, которая проявляется не только в сфере мемориальных про-

ектов, но и во многих других сферах – от посещения учреждений культуры до участия в волонтерских инициативах; так и с синдромом «минусового действия» (Т. Берк). Смысл этого синдрома сводится к тому, что люди, как правило, проявляют личную или групповую активность лишь в связи с негативными поводами (например, открытие Томинского ГОКа в Челябинской области), тогда как позитивные или нейтральные поводы не служат импульсом для такого рода коммуникаций.

4. Можно говорить о *ресурсной периферийности* мемориальной идентичности, о недостаточном использовании ее позитивного потенциала как инструмента повышения лояльности жителей крупнейших южноуральских городов к своей малой родине. Как мы фиксировали выше, в официальных региональных СМИ ретропроблематика не является востребованной. Это свидетельствует об отсутствии государственного «заказа» на мемориальный контент, опыта использования его как значимого ресурса культурной политики в целом и имиджеобразования в частности. Такая медийная ситуация, не достаточно учитывающая место и роль прошлого в структуре локальной идентичности, не способствует ее укреплению, а, напротив, расшатывает и дестабилизирует. Подобный эффект, оказываемый СМИ на промышленные моногорода Германии, детально изучили Т. Берк, М. Кюн и Х. Соммер, назвав его эффектом стигматизации: «Стигматизация усиливает уязвимость коллективных идентичностей, поскольку городам приписываются негативные характеристики, затрудняющие идентификацию с городом для жителей, жителям. Стигматизация развивается через дискурсы СМИ, приписывающие индивидуальные негативные характеристики конкретным местам, которые обобщаются для формирования общего негативного образа города в целом» (Buerk et al., 2012, p. 346).

На наш взгляд, мемориальная идентичность может и должна рассматриваться региональными элитами как эффективный инструмент культурной политики, позволяющий снизить уровень социального напряжения, нивелировать остроту восприятия существующих проблем, укрепить степень привязанности населения к родному городу. Безусловным является тот факт, что мемориальная идентичность не ограничивается ностальгическими воспоминаниями о собственном детстве или гордостью за великое прошлое родного города. Она является мощной платформой для формирования образа будущего, построения прогностических моделей поведения населения: «Прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее, по существу, сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» (Репина, 2017, с. 15).

Кроме того, культурная политика, основанная на использовании созидательного потенциала мемориальной идентичности в ее локальном бытовании, может стать источником баланса в противостоянии двух актуальных трендов – стремления к разнообразию и обретению идентичности (Синецкий, Шуб, 2021), поскольку именно мемориальная идентичность позволяет представителям группы, с одной стороны, выйти за темпоральные и пространственные рамки ее бытования в сферу личного и исторического опыта, удовлетворив потребность в разнообразии; с другой – сделать этот опыт частью собственной «среды обитания», источником и условием духовной консолидации.

Приложение 1*Бланк анкетного опроса*

Вопрос 1. Какие ассоциации возникают у Вас прежде всего при восприятии города (не более 3 вариантов)?

Вариант ответа
1. Город детства
2. Город-завод
3. Город-дом
4. Город трудовой славы
5. Закрытый город
6. Провинциальный город
7. Промышленный город
8. Экологически неблагополучный город
9. Умный город
10. Город – деловой центр
11. Город возможностей
12. Город развлечений
13. Опасный город, криминальный город
14. Спортивный город
15. Современный город
16. Культурный город
17. Город природного наследия
18. Город будущего
19. Город передовых технологий
20. Не возникает никаких ассоциаций
21. Затрудняюсь ответить

Вопрос 2. Уделяется ли в Вашем городе внимание исторической памяти – облику улиц, восстановлению исторических зданий, состоянию памятников, сохранению информации о прошлом города?

Вариант ответа
1. Уделяется пристальное внимание, история города бережно сохранена в сегодняшнем дне

Вариант ответа	
2.	Какие-то действия осуществляются, но нет четкой программы сохранения исторического наследия
3.	Не располагаю информацией и не особенно обращаю внимание на исторический облик города
4.	В нашем городе не сохраняется память о прошлом, не чувствуется связи с историческим наследием, никто не заботится о состоянии памятников и исторических мест
5.	Свой вариант
6.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 3. В каких официальных мероприятиях, связанных с сохранением памяти, Вы принимаете участие?

Вариант ответа	
1.	День города
2.	Парад Победы
3.	Общественные слушания по актуальным городским вопросам
4.	Участие в работе поисковых отрядов
5.	Встречи с земляками и интересными людьми
6.	Участие в работе краеведческих организаций
7.	Свой вариант
8.	Не принимаю участия в таких мероприятиях
9.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 4. Состоите ли Вы в каких-то реальных или виртуальных сообществах, связанных с Вашим городом (волонтерских организациях или тематических городских сообществах в социальных сетях)?

Вариант ответа	
1.	Да, состою в реальных и виртуальных сообществах
2.	Состою только в реальных сообществах
3.	Состою только в виртуальных сообществах
4.	Не состою
5.	Свой вариант
6.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 5. Есть ли в городе такие места, которые связаны с Вашей личной биографией, которые Вы посещаете, чтобы поддерживать дорогие Вам воспоминания?

Вариант ответа
1. Да, такие места существуют, я стараюсь их посещать в памятные даты
2. Такие места есть, я просто храню их в своих воспоминаниях, но не бываю там
3. Нет никаких особых мест памяти
4. Затрудняюсь ответить
5. Свой вариант

Вопрос 6. Какие формы сохранения памяти о прошлом характерны для Вашей семьи?

Вариант ответа
1. Сохранение семейных альбомов, писем
2. Поиск информации о предках, родственниках – их биографиях, составление генеалогического древа
3. Празднование значимых семейных событий, памятных дат
4. Посещение мест поминаения
5. Выезды на места, где когда-то жили предки/родственники
6. Восстановление старинных вещей, оставшихся от предков
7. Воспроизведение семейных традиций, которые заложили предки
8. В нашей семье не принято сохранять память о прошлом

Вопрос 7. На Ваш взгляд, в общероссийском пространстве Ваш город известен в связи с...?

Вариант ответа
1. Информацией о прошлом города, воинском и трудовом подвиге
2. Информацией об экологическом неблагополучии
3. Информацией о работе промышленных предприятий, развитии новых технологий и производств
4. Какими-то памятными событиями
5. Информацией о природных и культурных достопримечательностях, находящихся на территории города или вблизи него
6. С былинными сказаниями об Урале
7. Информацией о выдающихся жителях города
8. Информацией о научных достижениях

Вариант ответа
9. Своими спортивными достижениями
10. Продвижением образа города творческими коллективами и исполнителями
11. Информацией о проблемах жизни города
12. Свой вариант
13. Наш город мало известен в общероссийском пространстве
14. Затрудняюсь ответить

Приложение 2

Бланк полужурнализованного интервью

Вопрос 1. Какие наиболее запоминающиеся исторические символы, образы, памятные места и достопримечательности Вы могли бы выделить?

Вопрос 2. Представьте себе, что к Вам приехали люди, ранее не бывавшие в Вашем городе и желающие в короткое время познакомиться с ним. В какие места Вы бы их повели?

Вопрос 3. Если представить ситуацию, что Вам предложили бы сохранить для потомков какое-то одно место (объект, предмет) в Вашем городе. Что бы Вы выбрали?

Вопрос 4. Завершите суждения, связанные с Вашим городом:

- 4.1. Я люблю свой город, потому что...
- 4.2. Мне не нравится в моем городе...
- 4.3. Я горжусь своим городом, потому что...
- 4.4. Мне жаль, что в моем городе...

Список литературы

1. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, А. (2017). *Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Зубанова, Л.Б. (2020). Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве. *Дискурс-Ли*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>
4. Зубанова, Л.Б., Зыховская, Н.Л., Шуб, М.Л. (2021). Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала *Memory Studies*. *Социологические исследования*, (2), 140–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>
5. Калинин, И. (2010). Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, (6), 6–16.
6. Нора, П. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

7. Репина, Л.П. (2017). Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности. В Л.П. Репина (Ред.), *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности* (с. 9–17). М.: Аквилон.
8. Синецкий, С.Б., Шуб, М.Л. (2021). Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности. *Вестник культуры и искусств*, (3), 75–84.
9. Buerk, T., Kühn, M., & Sommer, H. (2012). Stigmatisation of cities. The vulnerability of local identities. *Raumforschung und Raumordnung / Spatial Research and Planning*, 70(4), 337–347. <https://doi.org/10.1007/s13147-012-0160-4>
10. Canagarajah, S. (2002). Reconstructing local knowledge. *Journal of Language Identity & Education*, 1(4), 243–259. https://doi.org/10.1207/s15327701jlie0104_1
11. Huntington, S.P. (2004). *Who are we: The challenges to America's national identity*. New York: Simon & Schuster.
12. Smith, A.D. (1993). *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press.

References

1. Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [The new discontent with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Assmann, A. (2017). *Raspalas' li svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? On the rise and fall of the modern time regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Buerk, T., Kühn, M., & Sommer, H. (2012). Stigmatisation of cities. The vulnerability of local identities. *Raumforschung und Raumordnung / Spatial Research and Planning*, 70(4), 337–347. <https://doi.org/10.1007/s13147-012-0160-4>
4. Canagarajah, S. (2002). Reconstructing local knowledge. *Journal of Language Identity & Education*, 1(4), 243–259. https://doi.org/10.1207/s15327701jlie0104_1
5. Huntington, S.P. (2004). *Who are we: The challenges to America's national identity*. New York: Simon & Schuster.
6. Kalinin, I. (2010). Nostal'gicheskaya modernizaciya: sovetskoe proshloe kak istoricheskij gorizont [Nostalgic modernization: The Soviet past as historical horizon]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture*, (6), 6–16.
7. Nora, P. (1999). *Franciya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
8. Repina, L.P. (2017). Pamyat' i znanie o sobyitiyah proshlogo v istoricheskom soznanii i narrativah identichnosti [Memory and knowledge about events of the past in historical consciousness and narratives of identity]. In L.P. Repina (Ed.), *Sobytie v istorii, pamyati i narrativah identichnosti* (pp. 9–17). Moscow: Akvilon.
9. Sinetsky, S.B., & Shub, M.L. (2021). Kul'turnaya politika v kontekste protivorechij raznoobraziya i identichnosti [Cultural policy in the context of diversity and identity contradictions]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, (3), 75–84.
10. Smith, A.D. (1993). *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press.

11. Zubanova, L.B. (2020). Media-reprezentacii pamyati: dominiruyushchie kody prochteniya travmatichnyh sobytij v internet-prostranstve [Media representations of memory: Codes for reading traumatic events in the Internet]. *Diskurs-Pi*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>

12. Zubanova, L.B., Zykhovskaya, N.L., & Shub, M.L. (2021). Aktual'nye trendy pamyati: problemnoe pole zhurnala Memory Studies [Actual trends of memory: The problem field of “Memory Studies”]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 140–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>

Информация об авторе

Мария Львовна Шуб, доктор культурологии, заведующая кафедрой философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

Information about the author

Maria Lvovna Shub, Doctor of Cultural Studies, Head of Philosophy and Cultural Studies Department, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Дмитрий Михайлович Латышев,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
dimlatysh@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.02.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Латышев Д.М. Священнослужители в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 88–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_88

Аннотация

В статье характеризуются дилеммы и основания морального выбора православных священнослужителей, которые сотрудничали с партизанами в период Великой Отечественной войны. Для анализа поведения священников и реконструкции их миссии на основе имеющихся биографических сведений используются не только концепты православной этики, но и теоретико-методологические наработки Дж. Зигона, А. Страусса, Дж. Корбин. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к следующим выводам. Этика войны священников была частично обусловлена специфическим этосом партизан, которые оказывали влияние на деятельность клириков на оккупированных фашистами территориях. Главной миссией священника являлось сохранение своего прихода, в который входили и мирные жители, и партизаны. В условиях оккупации священники воспринимали партизан как «воинство героев», которые наказывали фашистских «безбожников и бандитов». Борьба с фашистами осмысливалась священниками через гуманистические концепты

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00240 «Этика войны в странах православной культуры».

© Латышев Д.М., 2022

«борьбы за мир на земле» и «борьбы за гуманистические идеалы», которые дополнялись православным принципом «любви к ближнему» и такими концептами войны, как «защита святынь» и «сохранение единства верующих». Поэтому конкретный священник олицетворял взаимодействие на определенной территории нескольких политических и военных институтов – Русской Православной Церкви, оккупационных властей, местной общины и партизанского движения. В заключительной части статьи подчеркивается, что изучение данного вопроса позволяет выявить концепты, которые являются основанием для формулирования этики войны в православной культуре в современных вооруженных конфликтах.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, партизанское движение, православные священники, этос священника, этика войны, православная культура, Русская Православная Церковь.

UDC 262.1+322+94+355.48

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_88

ORTHODOX PRIESTS IN THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR*

Dmitry M. Latyshev,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
dimlatysh@gmail.com

Article received on February 14, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Latyshev, D.M. (2022). Orthodox Priests in the Partisan Movement during the Great Patriotic War. *Discourse-P*, 19(2), 88–103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_88

Abstract

The article characterizes the dilemmas and grounds of the moral choice of Orthodox priests who collaborated with partisans during the Great Patriotic War. In order to analyze the behavior of priests and reconstruct their mission on the basis of available biographical materials, the author relies not only on the concepts of Orthodox ethics but also on the theoretical and methodological developments of J. Zigon, A. Strauss, and J. Corbin. As a result,

* The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00240 “Ethics of War in the Countries of Orthodox Culture”.

the following conclusions are drawn. Priests' ethics of war was partly due to the specific ethos of partisans who influenced activities of clerics in the Nazi-occupied territories. The main mission of a priest was to preserve his parish, which included both civilians and partisans. Under the occupation, priests considered partisans as a "host of heroes" who punished the fascists "godless and bandits". The struggle against the Nazis was comprehended by priests through the humanistic concepts of "struggle for peace on the Earth" and "struggle for humanistic ideals", which were supplemented by the Orthodox principle of "loving your neighbor" and such concepts of war as "protection of shrines" and "preservation of the unity of believers". Therefore, each particular priest personified interaction of several political and military institutions in a certain territory – the Russian Orthodox Church, occupation authorities, local community and the partisan movement. In the final part of the article, it is emphasized that the study of this issue makes it possible to identify concepts that are the basis for the formulation of the ethics of war in the Orthodox culture in modern armed conflicts.

Keywords:

Great Patriotic War, partisan movement, Orthodox priests, ethos of priests, ethics of war, Orthodox culture, Russian Orthodox Church.

Введение

Этика войны является важным феноменом для осмысления моральных оснований такой формы коллективного насилия, как война. Войны создают для индивида ситуацию некоторой необходимости насилия, проблематизируя не только нормы морали, но и ее основание – принципы и концепты. Изучение морального поведения священников в годы Великой Отечественной войны в условиях оккупации позволяет выявить те концепты православной этики, которые могут быть значимыми и для современных вооруженных конфликтов. Это тем более актуально, что Церковь, вне зависимости от конфессии, ставит своей задачей духовную консолидацию общества. Такое целеполагание влияет как на политические процессы (особенно в годы войны), так и на повседневную жизнь обычного человека.

Заявленная тема – моральные основания действий священнослужителей, участвующих в партизанском движении, – относится к числу малоизученных. Труды отечественных историков – М.В. Шкаровского (2005), О.В. Терешинной (2014), Т.А. Чумаченко (1999), М.И. Одинцова (2016) и др. – сконцентрированы преимущественно на изучении деятельности мирского духовенства в советском тылу, а не на фронтовом пограничье. Так, в исследовании О.В. Терешинной (2014) приводятся фрагменты архивных документов, где зафиксировано взаимодействие священников и партизан, но освещается оно лишь в фокусе государственно-конфессиональных отношений, более подробно это взаимодействие не рассматривается. В работе В.С. Христофорова (2013) содержатся архивные сведения, раскрывающие отношение высшего руководства Красной армии к Русской Православной Церкви (РПЦ) в годы Великой Отечественной войны, однако более детально аспекты взаимодействия священ-

нослужителей и партизан архивистом не рассмотрены. Данные исследования важны для понимания деятельности священников в годы Великой Отечественной войны, однако они не освещают проблему поведения клириков на войне и то, на какие этические принципы они опирались.

Исследовательский вопрос нашей работы сформулирован следующим образом: какие моральные дилеммы вынуждены были решать клирики, помогая партизанам; какие концепты православной этики стали основанием их морального выбора; как моральный выбор конкретного священника влиял на достижение им главной цели – сохранение местной общины? Для изучения этого вопроса в настоящей статье проводится реконструкция нормативной и реальной модели священника по источникам личного происхождения, анализируется структура этоса и концепты православной этики, которые в нем представлены.

В современных исследованиях православной этики общим является тезис, что концепт «Церковь воинствующая» считается основным для действий клирика на войне. Ключевые категории данной культуры войны – «грех», «смирение», «послушание», которые применяются в авторитарном дискурсе (Chirkov & Knorre, 2015). Более подробно некоторые аспекты этики войны в православии рассматривают богословы А. Чернявский¹, А. Григорьев², П. Пахомов³. Основными принципами православной этики, которые задают основу для формирования концептов православной этики, в том числе этики войны, считаются «любовь к ближнему» и «любовь к Богу»⁴. На основе изучения текстов православных святителей и монахов главным признается концепт «сохранение единства верующих», восходящий к принципу «любовь к ближнему». В качестве аргумента приводится высказывание Феофана Затворника: «Воюют по любви к своим, чтобы они не подвергались плену и насилиям вражеским»⁵. Подразумевается, что это «единство верующих» является наиболее значимой ценностью для воина и воинства во время военных действий. Осмысление войны как «защиты святынь» основывается на словах Филарета Московского: «...война – священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости – в защиту правды, веры, отечества»⁶. Защита Отечества, вызванная необходимостью отстаивать территории центра православной культуры, считается священным делом для военнослужащего. Понимание участников военных действий как «героического воинства», по мнению религиозных профессионалов, основывается на словах апостола Павла в Послании к Ефесеям: «Станьте, препоясав чресла ваши

¹ Чернявский, А.Л. (2020, 26 июня). *Христианская этика и война*. Взято 20 января 2022, с <https://bogoslov.ru/article/6165503>

² Григорьев, А. (2008, 9 мая). *Святые отцы о войне и воинском служении*. Взято 20 января 2022, с <https://pravoslavie.ru/1347.html#16>

³ Пахомов, П. (2011, 18 ноября). *Православие и война: так надо ли защищать свое Отечество?* Взято 20 января 2022, с <https://pravoslavnoe-hristianstvo.mirtesen.ru/blog/43256990396/Pravoslavie-i-voyna:-tak-nado-li-zaschischat-svoe-Otechestvo>

⁴ Свешников, В. (2000). *Очерки христианской этики*. М.: Паломник.

⁵ *Собрание писем святителя Феофана*. Взято 20 января 2022, с https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/sobranie-pisem-vypusk-5/

⁶ Филарет (Дроздов), святитель (2003). *Избранные труды, письма, воспоминания*. М.: Православ. Свято-Троиц. богосл. ин-т. С. 481.

истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:14–17).

Военные партизанские действия в тылу врага на оккупированных территориях имеют свою специфику, которая отражается в своеобразии этических принципов и норм. В исследовании А.Ю. Дудчика (2021а) подчеркивается, что для этики войны партизана характерны апелляция к связи с родной землей в условиях «фронтового приграничья». Партизан ведет борьбу с некоторым абсолютным врагом, ее моральным основанием является идея отмщения в соответствии с принципом талиона (Дудчик, 2021b). Кроме того, партизанская война чрезвычайно усложняет взаимоотношения между различными социальными и политическими институтами на той территории, которая охвачена боевыми действиями. Происходит многократное «наслоение» различных политических и социальных институтов – остатков прежней администрации, оккупационных властей, местной общины, церковного прихода, партизанских структур взаимодействия с местным населением. Поэтому священнику необходимо учитывать все эти факторы при реализации своей миссии по сохранению общины.

Нами предполагается, что в миссии священнослужителей в условиях оккупации концепты православной этики отражали космологические мотивы военной этики в православии, показывали борьбу носителей православной культуры с inferнальными персонажами христианской космологии (Сатана, бесы и др.).

Для реконструкции миссии священнослужителей на основе имеющихся биографических материалов использовался семиотический анализ А. Страусса и Дж. Корбин. Для анализа структуры концептов православной этики в моральном поведении клирика применялся метод исследования антропологии морали, обозначенный в работе Дж. Зигона (Zigon, 2008, p. 49–64). При анализе текстов выявлялись концепты православной этики, которые можно обнаружить при решении клириком моральных дилемм и формировании морального выбора, а затем морального поведения. Для выявления других имплицитных аспектов текста дополнительно использовалось симптомологическое чтение П. Бояничя (2018).

Священники в партизанском движении

В партизанском движении священники выполняли боевые задачи, которые давались им командирами партизанских бригад, не применяя при этом оружие. Как известно, в Красной армии должностей военного духовенства не существовало, регулярная армия воспринималась с идеологической точки зрения как атеистическая, без дополнительной религиозной символики и атрибутики. Религиозные проповеди воспринимались как реальная угроза единству боевой части, поскольку из-за них для дискредитации командования могли быть использованы различные слухи и домыслы. Как указывает О.В. Терешина, несмотря на то, что в годы Великой Отечественной войны советское руководство сделало РПЦ, «прирученному оппоненту», некоторые уступки в целях борьбы с коллаборационизмом и достижения значимых внешнеполитических результатов, тем не менее осторожное отношение к Церкви у командования армии и даже в среде партизан не изменялось. В обращениях к мирскому духовенству,

которое совершало богослужения в поселениях на линии фронта или оккупированных территориях, применялось общее агитационное клише «поп» вне зависимости от статуса священнослужителя. Историк приводит любопытные архивные данные, свидетельствующие об идеологизированном восприятии мирского духовенства в среде партизан и понимании священников как одного из агентов идеологической работы в годы войны: «Попу было поручено при исповеди опросить... по ряду интересующих нас вопросов... попам было поручено провести... молебны [которые] были направлены на разоблачение немецкой лжи о партизанах» (Терешина, 2014, с. 151). Тем самым священник рассматривался как часть политического института по управлению местным населением. Директивный дискурс («было поручено...») коммуникации партизан и священника лишь подчеркивает это. Данное восприятие священнослужителей, как показал в своем исследовании В.С. Христофоров (2013), было распространено и в среде высшего руководства Красной армии (с. 276–278). При этом, как представлено во фрагменте документа, боевые задачи духовенства на оккупированной территории умело маскировались под задачи священнослужителя при проведении различных ритуалов.

Что касается церковного руководства, то уже 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель Сергей, митрополит Московский и Коломенский, в «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» заявил, что война понимается как «всенародный подвиг – наказание разбойников и бандитов». Миссия священников в условиях войны была обозначена как духовная поддержка верующих: «Положим же души своя вместе с паствой». Для этого священнослужители должны были:

- активно поддерживать мобилизацию населения на войну;
- утешать «огорченных», ободрять «малодушных»;
- напоминать о долге и воле Божьей «колеблющимся»;
- поддерживать православных воинов, чтобы они «жертвовали всем и самой жизнью» ради Родины⁷.

По этим формулировкам видно, что чисто политические задачи переплетались с духовными. И в этом заключалась одна из главных особенностей деятельности РПЦ в годы войны и, в частности, духовенства на фронтовом приграничье. Политические и духовные задачи ставились перед духовенством, подконтрольным Московской патриархии, и действовали до самого окончания войны. Однако на оккупированных территориях, когда священнослужители участвовали в партизанской борьбе, эти задачи переосмысливались, а миссия священника концептуализировалась на новых моральных основаниях.

Особенно чиноначалие поддерживало партизанское движение на оккупированных территориях, представляя партизан как «героическое воинство», которое совершает «святое дело» воинского долга. В первую годовщину начала войны, 22 июня 1942 г., в своем обращении к верующим митрополит Киевский и Галицкий Николай писал: «Святая Церковь радуется, что среди вас на святое дело спасения Родины от врага восстают народные герои – славные партизаны,

⁷ Васильева, О.Ю., Лыкова, Л.А., Кудрявцев, И.И. (2009). *Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории. С. 38–40.

для которых нет выше счастья, как бороться за Родину и, если нужно, – и умереть за нее... Дорогие братья и сестры, вас всех Святая Церковь пламенно зовет: помогайте, чем можете, этим героям выполнять их святое дело»⁸. В июне того же года в очередном обращении митрополита Сергия подчеркивалось, что помощь партизанам будет вознаграждена свыше: «...но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески. Так действуя, вы будете достойны венцов, равных с партизанами: еще при Давиде царе было установлено, что «сидящие при сосуде, при обозе, получают равную часть с исходящими на брань» (I Цар. 30, 24)»⁹.

Миссия священнослужителя на оккупированной территории будет рассмотрена нами на примере действий священников И. Ражановского, Ф. Пузанова, К. Раины и др. Эти краткие биографические сведения представлены в сборнике Н. Агафонова «Ратные подвиги православного духовенства»¹⁰. Часть данных о священниках подтверждается также архивными документами, опубликованными в сборниках «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»¹¹, «Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны»¹² и в сборнике, посвященном православному духовенству на оккупированных территориях¹³.

В первые годы войны на оккупированных территориях взаимоотношения между партизанским движением и местным духовенством были напряженными, поскольку священнослужители не понимали целей и задач партизан, считая их «непонятными националистическими бандами»¹⁴. Когда партизаны стали проводить беседы со священнослужителями, им удалось убедить большое количество священнослужителей помогать, а не участвовать в коллаборации с оккупационным режимом. В своих речах партизаны со ссылкой на руководство РПЦ призывали «на борьбу с кровавым фашизмом». Этика войны партизан, которая диктовала резкие отрицательные оценки действий врага и его нечеловеческую характеристику, отражалась и в листовках: «Не верьте лживым слухам, распространяемым немецкими фашистами и их ублюдками – шпионами, о том, что Советское правительство запрещает и преследует религию и священнослужителей. Молите Бога за сохранение жизни сыновей, отцов и братьев Ваших,

⁸ Лыкова, Л. А. (2019). *Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны*. М.: Политическая энциклопедия. С. 173.

⁹ Там же.

¹⁰ Агафонов, Н. (2013). *Ратные подвиги православного духовенства*. М.: Благовест.

¹¹ Васильева, О. Ю., Лыкова, Л. А., Кудрявцев, И. И. (2009). *Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории.

¹² Лыкова, Л. А. (2019). *Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны*. М.: Политическая энциклопедия.

¹³ *История Псковской православной миссии в документах: в 2 ч. Ч. 1. Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского)* (2017). Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустыни.

¹⁴ Лыкова, Л. А. (2019). С. 203.

славных воинов нашего Великого Социалистического Отечества, борющихся с варваром всего верующего человечества кровожадным фашизмом, и проповедуйте заблудившимся сыновьям и дочерям нашей Отчизны, тем, кто еще служит богохульнику и деспоту человечества немецкому фашизму»¹⁵.

Важно подчеркнуть, что прокламация акцентирует внимание на отношениях между Советским государством и РПЦ. Тем самым предполагается, что данное отношение («не запрещает», «не преследует») будет транслироваться и на локальном уровне в отношениях между партизанским движением и приходскими священниками. Однако отношение «не запрещает» еще не означает «одобряет присущую Церкви деятельность». Отношение советских органов власти к Церкви было продиктовано историческим и политическим моментом. В священнике видели важный ресурс по мобилизации населения, поддержанию его воли к сопротивлению на оккупированных территориях и удобное прикрытие для осуществления партизанских задач. Поэтому цели Советского государства и Церкви лишь совпали на определенное время и в специфических условиях войны для достижения политических результатов.

В случаях, когда священники отказывались сотрудничать с партизанами или игнорировали их просьбы, касавшиеся совершения обрядов, партизаны могли отомстить, тем самым препятствуя религиозной и политической деятельности священников в условиях оккупации. В частности, митрополит Поликарп докладывал немецкой администрации в мае 1943 г., что «на Ковельщине одного священника забили партизаны за то, что он отказался похоронить убитого партизана. Итак, что может против бандитов сделать священник, что может сделать крестьянин?.. по большей части духовенство... далеко от банд, но не имеет силы, чтобы им противостоять»¹⁶. Священник И. Амозов, который совершал богослужения в Псковской православной миссии и сотрудничал с оккупационными властями, 23 февраля 1942 г. докладывал немецкой администрации: «Со стороны партизан покушение было на меня, великого грешника, пришедшими ночью в дом. Благодаря действительному члену общины я, милостью Божией, спасся»¹⁷. Важно подчеркнуть, что в указанном фрагменте священник считает свой коллаборационизм греховным, противоречащим принципам православной веры и пониманию роли священника на войне. В данном случае можно отметить, что действия партизан и их специфическая этика войны показали границы политической деятельности священнослужителя, препятствуя исполнению указаний нацистской администрации.

Наглядно взаимодействие партизан и мирского духовенства показывает случай со священником И. Ражановским, зафиксированный в рапорте подпольного обкома КП(б)У и облштаба по руководству партизанским движением Ровенщины: «В ноябре 1942 г. в лесу... партизаны из отряда «Сергея» поймали убегающего в Высоцк священника села Сварицевици Ражановского Ивана Ивановича. «Сергей» спросил у священника, почему он бежит к немцам и что его заставляет быть предателем своего народа. Священник резко ответил, что он не предатель и не будет им. «Сергей» напомнил о. Иоанну о его письме к немцам,

¹⁵ Там же. С. 234.

¹⁶ Там же. С. 204.

¹⁷ *История Псковской православной миссии...* С. 137.

в котором он выдавал место стоянки и действия партизан... На вопрос, почему же он служит немцам, священник сказал, что он и его семья не понимают, кто такие партизаны и боятся их... Путем ряда бесед со священником «Сергею» вскоре удалось привлечь его к сотрудничеству с партизанами¹⁸. После беседы священник открыто призывал с амвона местное население помогать партизанам. Доверие местных крестьян особо возросло, когда в ряды партизан вступила семья священника, а его дочь стала разведчицей. При помощи связей священника партизанской бригаде удалось освободить 15 партизан-заложников в с. Велюни, переманить на сторону партизан казаков-власовцев и части полицейского гарнизона¹⁹. На примере данного кейса видно, что действия священнослужителя были продиктованы решением помогать партизанам.

Рассмотрим этос партизанского разведчика и священника Ф. Пузанова. Из его действий можно видеть, какой представлялась ему миссия на оккупированной территории. Во-первых, он оказывал помощь партизанам в выполнении боевых заданий, связанных с получением оперативных сведений о действиях неприятеля, а также помощь в обеспечении партизан продуктами и финансами²⁰. Вторая задача, которую выполнял священнослужитель, – помощь детям, во время оккупации потерявшим своих родителей и ставшим сиротами²¹.

Важный поступок, отражающий моральные убеждения клирика, – спасение местного населения от отправки в концентрационный лагерь. По имеющимся сведениям можно восстановить, что моральной дилеммой священнослужителя было противоречие между тем, чтобы выполнить обязанности, возложенные на него оккупационными властями, – собрать местное население и отвезти его в концентрационный лагерь, и тем, чтобы избавить жителей от смерти. Священнослужитель принял решение спасти местных жителей и спрятал их в место, где располагалась база партизанской бригады²². Миссию священника в данном случае можно сформулировать следующим образом: сохранение местного населения и оказание помощи в обеспечении всем жизненно необходимым. Поскольку сведения о каких-либо молебнах клирика за партизан и местное население неизвестны, сложно выделить концепты православной культуры, которыми он руководствовался в своей стратегии в условиях оккупации. Можно предположить, что это принцип «любовь к ближнему» и концепт «единство верующих», которые отображались в миссии клирика, направленной на сохранение общины в условиях оккупации и оказание ей всевозможной помощи. В данном случае священник заменил отсутствующие институты государства, которые в обычных условиях занимаются сохранением местного населения и его материальным обеспечением.

В некоторых случаях агитационная работа на оккупированной территории проводилась по инициативе местного мирского духовенства, а не по указанию партизанской бригады. В данных стратегиях мирское духовенство исполняло функции местной администрации, замещая отсутствующие политические инсти-

¹⁸ Лыкова, Л. А. (2019). С. 262–263.

¹⁹ Агафонов, Н. (2013). С. 239.

²⁰ Васильева, О. Ю., Лыкова, Л. А., Кудрявцев, И. И. (2009). С. 110.

²¹ Агафонов, Н. (2013). С. 222–226.

²² Там же. С. 225.

туции на фронтовом приграничье. В отчете Черниговского подпольного обкома КП(б)У 31 августа 1943 г. сообщалось: «Редакция [газеты «Большевик»] узнала, что в селе Тихоновичи Корюковского района в воскресенье будет молебен в честь победы Красной Армии и по случаю обновления иконы Святой Троицы. В село на молебен были откомандированы секретарь редакции газеты..., работник отдела пропаганды... и лектор соединения... По просьбе священника они выступили после молебна перед верующими, рассказали им о событиях на фронтах и раздали населению газеты и листовки»²³. В этом случае мы видим определенное взаимопонимание между местной подпольной администрацией и представителем Церкви. Их деятельность дополняла друг друга, хотя в обычных условиях представить себе командировку работника отдела пропаганды для выступления после молебна было бы невозможно.

Другой священнослужитель – В. Копычко – имел тесные связи с партизанской бригадой имени Вячеслава Молотова²⁴. Он работал связным и передавал оперативные сводки с фронтов, сообщал бригаде новости СССР и оккупированных областей и распространял их среди местного населения. В отличие от Ф. Пузанова, В. Копычко выполнял много агитационной работы: призывал местное население поддерживать партизан и оказывать различную помощь партизанской бригаде. Когда он узнал о карательной экспедиции против партизан, то смог увести в секретное место не только местных жителей, но и весь партизанский отряд.

Из воспоминаний комбрига партизан И. Шубитидзе нам известны некоторые высказывания священнослужителя, адресованные партизанам: «Вот и верь этим немцам! Обманщики, безбожники, бандиты! Вижу, что вы все православные, дай вам Бог здоровья! Я так и говорил своим прихожанам...»²⁵. Согласно приведенным высказываниям, священнослужитель оценивал фашистов как безбожников, а боевые достижения партизан воспринимал как действия прихожан, которые защищают Родину и делают это из своих религиозных побуждений. Важно отметить, что священнослужитель оказывал партизанской бригаде и духовную поддержку – совершал молебны за сохранение жизни. Совокупность тех задач, которые выполнял клирик в условиях оккупации, позволяет сформулировать его миссию как духовную поддержку мирного населения и помощь воюющим. Фактически он вел политическую работу среди местного населения, используя дискурс православия, при этом интерпретация войны и врага осуществлялась им в русле православной культуры, а не заданных нормативных дискурсов «борьбы с бандитизмом». Важно отметить, что эта поддержка не основывалась на противопоставлении действий партизан зверствам фашистов, их антирелигиозным действиям. Среди концептов православной культуры, которые он использовал в своих действиях, можно выделить «войну как защиту святынь» и защиту Отечества как «центра православной культуры». К указанным концептам можно добавить представление о партизанах в аспекте высшего гуманистического идеала – «воинство героев», которое ведет войну с беззаконием и бесчеловечностью. Стоит отметить, что

²³ Лыкова, Л.А. (2019). С. 386.

²⁴ Васильева О.Ю., Лыкова Л.А., Кудрявцев И.И. (2009). С. 58.

²⁵ Агафонов, Н. (2013). С. 227–229.

действия В. Копычко были высоко оценены местными жителями, и, когда фашисты решили отомстить священнослужителю, прихожане его спрятали, а затем вместе с семьей переправили к партизанам. Несколько иная картина взаимодействия священнослужителя с партизанами в условиях оккупации представлена в биографии священника А. Романушко, который имел большой боевой опыт в партизанском отряде. Священник участвовал в разведывательных операциях, а также совершал ритуалы и богослужения в тех местах, где храмы были уничтожены, а действия партизанской бригады были безуспешными. Показательный случай, в котором раскрываются моральное поведение и моральный выбор священнослужителя, произошел во время присутствия клирика на похоронах полицая²⁶. Моральную дилемму священника можно обозначить в виде противоречия между чтением молитвы над умершим карателем и обличением фашистских зверств. Моральный выбор клирика пал на публичное анафематствование карателя: «Братья и сестры, я понимаю горе матери и отца убиенного. Но не наших молитв и «со святыми упокой» заслужил своей жизнью во гробе лежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «вечной памяти» предадим же его анафеме!»²⁷ В своей речи священнослужитель указывает, что умерший полицай не заслуживает никакой причастности к православной вере, клирик воспринимает его именно как безбожника, противника православия. В своем обращении к присутствовавшим полицаям он воспринимал их как частично причастных православной культуре, как «заблудших грешников», которые могут исправить свое поведение в оккупации, но не безбожников. «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, а в храмах Божиих заживо сжигает верующих и священников!»²⁸

Данное восприятие полицаяев как «заблудших грешников» было воспринято священником от партизан, где коллаборационисты оценивались в соответствующих концептах, и воспроизведено в речи на похоронах. В этом высказывании представляется возможным проследить влияние этики войны партизан на политическую деятельность клирика. Обозначим миссию этого священника в условиях оккупации как укрепление «духовного единства партизан» и распространение православной культуры. Концепты православной культуры, которые использовал А. Романушко в условиях оккупации, можно обозначить как распространенный принцип православной этики – «любовь к ближнему». В речи и действиях священнослужителя выявляются ключевые концепты этики войны в православии – «сохранение единства верующих», а также концепт «достойной смерти на поле боя», который он применял в осмыслении деятельности партизанской бригады. Также священник оценил действия карателей как измену Родине. Концепт из категории смирения – «вина перед Богом» – священнослужитель применил в своих высказываниях при оценке тех живых полицаяев, кто присутствовал на похоронах («искупите перед Богом и людьми свою вину...»). Применение этого концепта священником в условиях оккупации означало, что

²⁶ Там же. С. 229–230.

²⁷ Там же. С. 229–231.

²⁸ Там же. С. 230.

живые каратели воспринимались им как «грешники», которые после покаяния могли очиститься перед Богом.

Если рассматривать опыт священника К. Раины, который оказывал помощь партизанам и поддерживал связь с оккупационной администрацией, то можно отметить, что он имел смелость не следовать решениям бургомистра, используя свой авторитет. В частности, когда он произносил молитвы о митрополите Сергии, а бургомистр Пинского района потребовал от него, чтобы он совершал молебны «об освобожденной стране российской и победоносном германском воинстве», то священник проигнорировал просьбу оккупационной администрации и произнес канонический текст²⁹. Моральная дилемма заключалась в противоречии между тем, чтобы подчиниться требованиям бургомистра, не подвергая себя и других опасности, и тем, чтобы отстаивать интересы своего прихода. Священник продолжил публично оказывать «духовную поддержку» Московской патриархии и не изменил содержание проповеди на богослужении, каждый раз молясь «О Великом Господине нашем патриаршем местоблюстителе блаженнейшем Сергии, митрополите Московском и Коломенском...»³⁰

Показательно и такое проявление моральных убеждений протоиерея, как объявление о сборе подарков для детей раненых и партизан. Священнослужитель активно посещал партизанскую бригаду, где проводил таинство причащения, произносил над партизанами молитвы, крестил детей, которые остались без родителей, служил молебны за павших бойцов³¹. Здесь можно наблюдать выполнение следующей миссии в оккупации: помощь партизанскому отряду, активное духовное сопровождение его действий и оказание помощи бойцам. Важно отметить, что в имеющихся биографических сведениях о К. Раине не упоминается, что священник называл представителей оккупационных властей «безбожниками» и активно выступал против них, он стремился вкладывать больше сил именно в поддержку партизанского движения. Возможно, это происходило из-за того, что священник находил возможность использовать контакт с оккупационной администрацией для реализации задачи по сохранению местной общины. Концепты православной культуры, которые можно увидеть в данном случае, – «героическое воинство», которое относится к бойцам партизанской бригады, и «единство верующих» (как прихода, так и бойцов партизанской бригады).

Священник И. Богданов во время оккупации доставлял протоиерею К. Зайцу, который работал начальником Псковской православной миссии, письма от майора разведки М. Ф. Кудрявцева. Начальник канцелярии эскадрона И. Д. Grimm в своем рапорте сообщал, что И. Богданов был священником с. Белое. После сожжения села Богданов с семьей перебрался в лес. По воскресеньям и праздникам он проводил в уцелевшей от пожара церкви богослужение. «Из леса приходит его паства на эти богослужения. Партизаны заботятся о церкви и послали Богданова в Псков за свечами, маслом и ладаном. Родственники его должны были оставаться в лесу заложниками»³². В данном случае можно снова наблюдать, как партизанская бригада взяла шефство над приходом и поручила

²⁹ Там же. С. 231–234.

³⁰ Там же. С. 231.

³¹ Там же. С. 232.

³² *История Псковской православной миссии...* С. 126.

И. Богданову проводить богослужения. В этих обстоятельствах у него не было иного пути. Моральная дилемма и моральный выбор священника здесь отсутствуют, клирик был вынужден проводить церемонии, поскольку его семья была в заложниках у партизан.

Также отличился сотрудничеством с партизанами клирик И. Лойко, настоятель церкви в с. Хоростово. В частности, он публично благословил трех своих сыновей уйти в партизанское движение: «Мое оружие на врази крест святой, поруганный супостатами, и слово Божие, а вы будьте Богом храните и честно служите Батьковщине»³³. В феврале 1942 г. оккупационными властями была начата карательная операция в Хоростово. Во время литургии, когда каратели начали уводить молодых женщин, священник попросил не мешать богослужению, в ответ фашист бросил священника в царские ворота. После этого полицаи забили двери храма досками, подвезли обозы с сеном и подожгли церковь, полную людей. В результате более 300 человек погибло³⁴. В этом случае можно установить, что моральной дилеммой клирика было противоречие между тем, чтобы отправить сыновей в партизаны или оставить в селе, где фашисты могли увести их на работы в Германию. Моральный выбор священнослужителя был обусловлен уже имевшимися связями с партизанской бригадой, поэтому он отправил своих детей заниматься военной службой на пользу Отечества. В высказывании клирика обнаружен концепт «охраны Богом» партизанских сил, который дополняется концептом «честной службы» Родине. Возможно, что эта «служба Отечеству» являлась священным долгом для молодых партизан и поощрялась различными «духовными наградами», например, теми же венцами, о которых упоминал в своей речи в июне 1942 г. митрополит Сергей. Важным оружием против карателей священник считал православную святыню – крест как символ духовной победы над смертью и «слово Божие» как способ получения Божьей благодати.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Этнос священнослужителей, участвовавших в партизанском движении, определялся несколькими факторами. Во-первых, они стремились всячески помогать партизанам и поэтому, как правило, выполняли поручения командиров партизан (прежде всего были связными и разведчиками). Во-вторых, им нужно было сохранить общину, поэтому осуществлялись все необходимые церковные церемонии и ритуалы. В-третьих, приведенные в статье примеры поведения клириков на войне показывают, что они приходили на помощь как местным жителям, так и партизанам в экстренных случаях, спасая от смерти, поступая вопреки указаниям оккупационных властей и осуждая коллаборационизм с нацистской администрацией.

На уровне отношений между государственными институтами и Церковью действия священников, чьи биографические сюжеты проанализированы в статье, можно интерпретировать как реализацию внутренней политики советской власти

³³ Агафонов, Н. (2013). С. 242.

³⁴ Там же. С. 242–243.

на оккупированной территории. В приведенных примерах продемонстрирована модель морального поведения священнослужителя, когда духовное окормление паствы было тесно связано с политической работой в контексте оккупации и партизанского движения.

Условия оккупации накладывали особую специфику на моральное поведение священнослужителей. Поскольку клирики действовали на фронтовом пограничье и взаимодействовали с партизанами, их миссия в условиях оккупации сводилась к сохранению общины и духовной поддержке партизан. Это было обусловлено тем, что деятельность священников была локализована в пределах некоторых населенных пунктов, где работала партизанская бригада. Моральные дилеммы священнослужителей на приграничье, как показали рассмотренные случаи, сводились к противоречию между выполнением требований оккупационных властей или партизан и отказом от их выполнения, игнорированием. В имеющихся высказываниях священников не отражается борьба с inferнальными силами христианской космологии (бесы, Сатана, Антихрист и др.). В речах клириков проговаривалось противопоставление «героического воинства» партизан и мирных жителей именно фашистским «безбожникам и бандитам», как это предписывал милитаристский дискурс партизан. В этом противопоставлении сохранялась та интерпретация врага, которая задавалась священникам с начала войны. Стоит отметить, что борьба с фашистами облекалась в первую очередь в гуманистические концепты «войны за мир на земле», «борьбы за человечность», которые дополнялись принципом православной этики – «любовь к ближнему». В некоторых случаях можно наблюдать, что отношение священников к местным жителям, которые открыто поддерживали фашистское правительство и выполняли его указания, было насыщено концептами «искупления вины» перед Богом и «покаяния изменников Родины». Эти концепты подчинялись категории «греха», священники их применяли для обличения коллаборационистов и принуждения к переходу в православие, они были сформулированы священниками именно в процессе переосмысления православной культуры в годы войны, но не были связаны с этикой войны партизан. Как показал анализ кейсов политических действий священников на войне, этика войны партизан могла лишь усиливать некоторые концепты православной культуры и обозначать противоречия между нормативной стратегией и реальными действиями, но не могла доминировать над этикой войны священнослужителя и целиком служить основой для его политических действий.

Список литературы

1. Боянич, П. (2018). *Насилие и мессианизм*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.
2. Дудчик, А.Ю. (2021a). Номос болота: концептуализация проекта белорусской «партизанской этики». *Zbornik matice srpske za slavistiku*, (99), 165–182. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.99.11
3. Дудчик, А.Ю. (2021b). Философский эскиз «этики партизана». В *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Международной научной конференции 15–16 апреля*

2021 г., Минск) (Т. 2, с. 337–339). Минск: Четыре четверти.

4. Одинцов, М. И. (2016). Советское государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты* (Вып. 12, с. 7–24). СПб.: Древо жизни.

5. Терешина, О. В. (2014). Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. *Вопросы истории*, (6), 147–159.

6. Христофоров, В. С. (2013). Общественные настроения в СССР: 1943 год. В *Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования. документы, комментарии* (с. 247–286). М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы.

7. Чумаченко, Т. А. (1999). *Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг.* М.: АИРО-XX.

8. Шкаровский, М. В. (2005). *Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны.* СПб.: Сатис.

9. Chirkov, V., & Knorre, B. (2015). Russian Orthodoxy and human motivation: The categories of ‘sin’, ‘humility’, and ‘obedience’ in the context of human agency and autonomy. *Journal of Psychology and Christianity*, 34(1), 26–39.

10. Zigon, J. (2008). *Morality: An anthropological perspective.* New York: Berg Publishers.

References

1. Bojanić, P. (2018). *Nasilie i messianism* [Violence and messianism]. Ekaterinburg & Moscow: Kabinetnyj uchenyj.

2. Chirkov, V., & Knorre, B. (2015). Russian Orthodoxy and human motivation: The categories of ‘sin’, ‘humility’, and ‘obedience’ in the context of human agency and autonomy. *Journal of Psychology and Christianity*, 34(1), 26–39.

3. Chumachenko, T. A. (1999). *Gosudarstvo, pravoslavnaya cerkov' i veruyushchie. 1941–1961 gg.* [Church, State and believers. 1941–1961]. Moscow: AIRO-XX.

4. Dudchik, A. Yu. (2021a). *Nomos bolota: konceptualizaciya proekta be-lorusskoj «partizanskoj etiki»* [Nomos of the swamp: Concept of the project of “partisan ethics” in Belarus]. *Zbornik matice srpske za slavistiku*, (99), 165–182. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.99.11

5. Dudchik, A. Yu. (2021b). *Filosofskij eskiz “etiki partizana”* [“Partisan ethics” philosophical etude]. In *Filosofiya i vyzovy sovremennosti: k 90-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15–16 aprelya 2021 g.*, (Minsk) (Vol. 2, pp. 337–339). Minsk: Chetyre chetverti.

6. Khristoforov, V. S. (2013). *Obshchestvennye nastroyeniya v SSSR: 1943 god* [Public sentiment in the USSR: 1943]. In *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1943 rod: Issledovaniya. dokumenty, kommentarii* (pp. 247–286). Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arhivnogo upravleniya goroda Moskvy.

7. Odintsov, M. I. (2016). *Sovetskoe gosudarstvo i religioznye organizacii v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Soviet State

and religious organizations in the USSR during the Great Patriotic War, 1941–1945]. In *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty* (Vol. 12, pp. 7–24). Saint Petersburg: Drevno zhizni.

8. Shkarovsky, M. V. (2005). *Cerkov' zovet k zashhite Rodiny. Religioznaya zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Church calls for the protection of the Motherland. Religious life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: Satis.

9. Tereshina, O. V. (2014). *Pravoslavnaya cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War]. *Voprosy istorii*, (6), 147–159.

10. Zigon, J. (2008). *Morality: An anthropological perspective*. New York: Berg Publishers.

Информация об авторе

Дмитрий Михайлович Латышев, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6756-6557>, e-mail: dimlatysh@gmail.com

Information about the author

Dmitry Mikhailovich Latyshev, Post-graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6756-6557>, e-mail: dimlatysh@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Дарья Николаевна Веселова,

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,
Санкт-Петербург, Россия;
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
daria-voronchikhina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Веселова Д.Н. Экологическая политика Китая в Арктическом регионе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 104–117. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_104

Аннотация

Целью статьи является анализ экологической политики Китая в Арктическом регионе. Изучаются интересы КНР, которые делятся на три группы: экономические, геополитические, экологические. Подчеркивается, что среди них преобладают экономические интересы, завуалированные под экологические. В качестве основного источника используется Белая книга «Арктическая политика Китая» – первый документ по арктической политике, выпущенный Информационным бюро Государственного совета КНР в январе 2018 г. В документе дается краткая характеристика региона, закрепляются цели и принципы арктической политики Китая, перечисляются основные направления деятельности. Особое внимание в статье уделяется положениям Белой книги, которые посвящены экологической политике и защите окружающей среды. Помимо этого, характеризуется деятельность органов власти, обладающих полномочиями по проведению экологической политики в Арктике. Анализируются мероприятия экологической направленности, реализуемые китайским руководством на арктических территориях. Отмечается, что в основном они включают в себя проведение экспедиций для изучения меняющихся климатических условий и мониторинга окружающей среды, а также учреждение научных центров, специализирующихся на арктических исследованиях. Автор статьи приходит к выводу, что экологическая политика Китая в Арктике в настоящее время сводится к научно-исследовательской

© Веселова Д.Н., 2022

составляющей. Белая книга, определяющая цели, задачи, принципы и направления деятельности КНР, носит преимущественно декларативный характер, однако ее принятие свидетельствует об активизации арктического вектора китайской внешней политики и долгосрочных планах в отношении данного региона.

Ключевые слова:

экологическая политика Китая, Арктический регион, охрана окружающей среды, изменения климата, полярные экспедиции, Белая книга, Администрация по делам Арктики и Антарктики КНР.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_104

CHINA'S ENVIRONMENTAL POLICY IN THE ARCTIC REGION

Darya N. Veselova,

University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC,
Saint Petersburg, Russia;
North-West Institute of Management, branch of RANEPА,
Saint Petersburg, Russia,
daria-voronchikhina@mail.ru

Article received on March 18, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Veselova, D.N. (2022). China's Environmental Policy in the Arctic Region. *Discourse-P*, 19(2), 104–117. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_104

Abstract

The aim of this article is to analyze China's environmental policy in the Arctic region. The interests of the PRC are studied, they are divided into three groups: economic, geopolitical, and environmental. It is emphasized that economic interests disguised as environmental ones prevail among them. The primary source is the White Paper "China's Arctic Policy" – the first Chinese document on Arctic policy issued by the State Council Information Office in January 2018. The document provides a brief description of the region, establishes the goals and principles of China's Arctic policy, and lists the main areas of activity. The article pays special attention to the provisions of the White Paper which are devoted to environmental policy and environmental protection. In addition, the activity of the authorities empowered to conduct environmental policy in the Arctic is characterized. The environmental activities in the Arctic territories are analyzed. It is noted that they mainly include expeditions to study changing climatic conditions and environmental monitoring, as well as the establishment of scientific centers specializing in Arctic re-

search. The author comes to the conclusion that China's environmental policy in the Arctic is currently reduced to a research component. The White Paper, which defines the goals, objectives, principles and directions of the PRC's activities, is mainly declarative, but its adoption indicates activation of the Arctic vector in Chinese foreign policy and long-term plans for this region.

Keywords:

China's environmental policy, Arctic region, environmental protection, climate change, polar expeditions, White Paper, Chinese Arctic and Antarctic Administration.

Введение

Арктика является климатообразующим регионом планеты с уникальной экосистемой. Там обитают редкие виды животных, произрастают растения, занесенные в Красную книгу, проживают коренные народы Севера. Кроме того, на арктических территориях находятся залежи многих полезных ископаемых. Особый интерес представляет Северный морской путь (СМП). Однако ученые все чаще высказывают опасения по поводу быстрых изменений климата в регионе. Повышается температура воздуха и воды, происходит таяние вечной мерзлоты, уменьшается площадь ледового покрова, наблюдается рост случаев экстремальных погодных явлений. С одной стороны, климатические изменения могут положительно сказаться на региональном социально-экономическом развитии. В частности, уменьшение площади ледового покрова и его полное исчезновение в летние месяцы позволят осуществлять морское судоходство, добычу и разработку ресурсов практически круглогодично. С другой стороны, коммерческая деятельность способна оказать негативное воздействие как на жизнедеятельность проживающих на данных территориях народов, так и на состояние окружающей среды.

Происходящие в Арктике процессы в первую очередь затрагивают национальные интересы арктических государств, в том числе Российской Федерации (подробнее см. Ворончихина, 2020). Однако интерес к природным ресурсам региона, происходящим там климатическим изменениям, использованию СМП проявляют и неарктические государства Европейского Союза, Китай, Индия, Южная Корея и др.

Целью данной работы является анализ экологической политики, проводимой Китайской Народной Республикой в Арктическом регионе.

Прежде чем перейти к анализу заявленной темы, остановимся на определении экологической политики. И.В. Саблин (2011) полагает, что «это система мер на международном и национальном уровнях, направленная на реализацию стратегии устойчивого экологически безопасного социально-экономического развития общества» (с. 63). Л.И. Сосковец трактует экологическую политику как «деятельность в сфере охраны и оздоровления природы, оптимального использования и возобновления природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности для людей, налаживание гармоничных взаимоотношений между

человеком и природой»¹. В рамках данной статьи под экологической политикой будет пониматься деятельность всего механизма государства и его политической системы по управлению общественными процессами, направленными на охрану окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности путем формирования нормативно-правовой базы, выстраивания и организации структуры менеджмента, своевременного и надлежащего проведения мероприятий экологической направленности.

В своей статье мы опирались на вышедшие в последние годы работы отечественных и зарубежных ученых. В первую очередь выделим исследования таких российских авторов, как А. А. Забелла (2019), В. Н. Коньшев и М. А. Кобзева (2017), И. Н. Комиссина (2015), Н. С. Куделькин и Т. В. Редникова (Куделькин, Редникова, 2018; Редникова и др., 2018), В. Ф. Печерица (Печерица, 2020; Печерица, Лэй, 2019), А. Н. Пилясов (2018) и др. Среди иностранных исследователей отметим таких авторов, как Ван Цзюньтао (2016), М. Шмишек, Т. Койвурова, Э. Нильссон (Śmieszek et al., 2020), Кун Сун Лим (Kong, 2018), С. Йылмаз (Yilmaz, 2017). В качестве основного источника использовалась Белая книга «Арктическая политика Китая»² – первый документ по арктической политике, опубликованный Информационным бюро Государственного совета КНР в январе 2018 г.

Интересы Китая в Арктике

Китай не входит в число арктических стран, однако с конца прошлого столетия проявляет интерес к Арктике. В 2013 г. страна получила статус наблюдателя в Арктическом совете и с этого момента начала проводить более активную политику в регионе. Выделим три группы интересов, которыми руководствуется в своей арктической деятельности Китай: экономические, геополитические, экологические.

Экономические интересы связаны с наличием на арктических территориях большого количества полезных ископаемых. Этим обусловлена, например, предпринятая в 2011 г. попытка заключить с Исландией соглашение о долгосрочной аренде земельных участков для добычи полезных ископаемых или иных целей (Коньшев, Кобзева, 2017, с. 85). В связи ухудшающейся экологической обстановкой в стране Китай вынужден переходить на более экологичные источники энергии, в том числе природный газ. Из России в Китай поступает сжиженный газ с Ямал-СПГ, 20% акций которого принадлежат CNODC, дочерней компании Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC), еще 9,9% акций у китайского Фонда Шелкового пути. Китай ежегодно покупает около 3 млн. т ямальского СПГ (Печерица, 2020; Stronski & Ng, 2018). Также в Китай по трубопроводу «Сила Сибири» поступает дешевый российский природный газ. Однако технические характеристики трубопровода позволяют

¹ Сосковец, Л. И. (2005). *Словарь терминов и понятий к курсу «Глобальные проблемы современности и Азиатско-Тихоокеанский регион»*. Томск: ТПУ. С. 29.

² *China's Arctic policy: White paper* (2018, January). Retrieved April 7, 2022, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

ежегодно перекачивать не более 10 млрд. куб. м топлива³. Поэтому Китаю, который с каждым годом наращивает потребление природного газа, необходимы поставки СПГ с арктических месторождений. К тому же в условиях контрактов по поставкам российского природного газа в Китай прописана особая ценовая формула, благодаря которой Пекин получает российский газ по одной из самых низких цен среди всех контрактов «Газпрома» – около 170 долл. США за 1 тыс. куб. м⁴, что также ставит в приоритет поставки природного газа именно с континентального шельфа российской Арктики. В целом топливно-энергетические ресурсы Арктики смогут поспособствовать и решению экологических проблем Китая, и обеспечить его энергетическую безопасность.

Китай также заинтересован в осуществлении перевозок через СМП, который является самым коротким и безопасным морским маршрутом в Европу. Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», результатом объединения которых стал проект «Один пояс, один путь» (Михайличенко, 2019, с. 333). В июне 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию и реформам КНР опубликовали совместную работу «Концепция морского сотрудничества в строительстве «Пояса и пути», где предлагалось добавить к «Морскому Шелковому пути XXI века» еще один экономический коридор – через Северный Ледовитый океан в Европу (Колзина, Миндубаева, 2020, с. 187). Магистраль включает в себя Северный морской путь и Северо-Западный проход. Кроме того, в документе говорится о намерении китайской стороны участвовать в освоении, использовании и развитии Арктики, что можно расценивать как официальное объявление заинтересованности в использовании СМП (Михайличенко, 2019, с. 334).

Геополитические интересы Поднебесной связаны со стремлением принимать участие в развитии Арктики и управлении ею. В целом Пекин рассматривает Арктику как общее достояние человечества, а потому полагает, что и неарктические страны имеют право участвовать в регулировании отношений в регионе. Присутствие Китая проявляется, в частности, посредством строительства и спуска на воду в 2018 г. ледокола собственного производства *Xue Long 2* («Снежный дракон-2») и планов по строительству *Xue Long 3*, который сможет ломать лед толщиной около 3 м и выдерживать температуры до -45°C ⁵. Согласно китайским планам по созданию собственного ледокольного флота, к 2035 г. должно быть построено шесть авианесущих ледоколов (Колзина, Миндубаева, 2020, с. 189). Кроме того, Пекин задумывается о создании собственного атомного ледокола⁶. Строительство судов ледового класса позволит Поднебесной стать ледоколь-

³ Акулов, А. (2021, 28 октября). «Пекин диктует свои условия»: есть ли у России альтернативы энергорынку ЕС. Взято 7 апреля 2022, с <https://www.gazeta.ru/business/2021/10/27/14141677.shtml>

⁴ Там же.

⁵ Волгаев, В. (2021, 26 апреля). *Полярный Шелковый путь*. Взято 7 апреля 2022, с <https://www.sovsekretno.ru/articles/polyarnyy-shelkovyy-put/>

⁶ Bennett, M. (2017, June 27). *With the Polar Silk Road, China's Belt and Road Initiative moves into the Arctic*. Retrieved April 7, 2022, from <https://www.cryopolitics.com/2017/06/27/chinas-belt-and-road-initiative-moves-into-the-arctic/>

ной державой и заявить о своем обязательном присутствии в водах Северного Ледовитого океана.

Экологические интересы связаны с климатическими изменениями в Арктике, затрагивающими и социально-экономическое развитие КНР. Так, повышение температуры в Арктике повлекло за собой таяние льдов, повышение уровня моря, увеличение количества экстремальных гидрометеорологических явлений и утрату биологического разнообразия (Редникова и др., 2018, с. 26–27). Истончение арктического морского льда способствовало изменению климата в Китае вследствие изменения атмосферной циркуляции на больших высотах. Например, с потеплением в Арктике связаны сильные снежные бури, обрушившиеся на центральные и южные районы Китая в 2007–2008 гг., а также сильный смог на равнинах Восточного Китая в 2013 г. (Kong, 2018, p. 4). Кроме того, в КНР учащаются наводнения в прибрежных городах и заморозки в ряде мест. Последствия опасных гидрометеорологических явлений негативно сказываются на сельском и лесном хозяйстве, рыбном промысле, мореплавании и других отраслях национальной экономики (Печерица, Лэй, 2019, с. 11).

Для изучения климатических изменений в Арктическом регионе и их последствий китайское правительство разработало комплексную программу в составе проекта «Арктическая экспедиция», согласно которой каждый год осуществляются экспедиции в Арктику, расширяется состав полярных станций и строятся новые. Самая крупная из таких станций, Хуанхэ, находится на архипелаге Шпицберген (Печерица, Лэй, 2019, с. 11).

О наличии особых интересов Китая в Арктике указывает наличие системы органов, регулирующих проведение арктической политики. На верхнем уровне находится Госсовет КНР – высший орган исполнительной власти страны. Он выделяет средства на осуществление полярной деятельности и координирует работу нижестоящих органов власти (Петровский, 2020, с. 165). Органом второго уровня является Государственное океанографическое управление КНР, которое подчиняется Министерству земельных и природных ресурсов. Оно утверждает и финансирует полярные научно-исследовательские проекты и экспедиции, а также координирует работу Консультативного комитета китайских полярных исследований (Петровский, 2020, с. 165; Jakobson & Peng, 2012, pp. 13–14).

В 1981 г. была создана Администрация по делам Арктики и Антарктики, которая подотчетна Государственному океанографическому управлению. Основными вопросами, разрешением которых занимается Администрация, являются разработка национальной стратегии КНР, политики и планов изучения и освоения Арктики; подготовка законов, постановлений, норм и правил, касающихся полярной деятельности страны; организация, координация и контроль научно-исследовательской деятельности и китайских полярных экспедиций; организация и участие в международном сотрудничестве, во взаимодействии с зарубежными национальными полярными программами, реализация иных задач⁷. Однако, судя по компетенциям, функцией контроля за своевременным проведением запланированных мероприятий в сфере сохранения и защиты окружающей среды региона Администрация не наделена.

⁷ *Chinese Arctic and Antarctic Administration. Our organization* (n. d.). Retrieved April 7, 2022, from <http://chinare.mnr.gov.cn/enCatalog/enAbout>

В целом можно говорить о наличии определенной структуры государственных органов, участвующих в проведении Китаем арктической политики, а значит, о налаженной системе принятия и исполнения решений при реализации в Арктике национальных интересов. При этом в структуре органов государственного управления нет специального органа, контролирующего проведение экологической политики в Арктике.

В своей арктической деятельности Китай акцентирует внимание на экологических интересах, поэтому рассмотрим более подробно составляющие экологической политики, закрепленные в Белой книге.

Белая книга «Арктическая политика Китая»

Как уже отмечалось, в 2013 г. Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете. С этого времени до начала 2018 г. Госсоветом КНР была разработана обширная программа мер по освоению региона. В июне 2017 г. был опубликован документ «Видение морского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с целью согласования планов развития и поощрения совместных действий стран вдоль Морского Шелкового пути XXI века. В ч. 4 документа подчеркивается приоритет пути зеленого развития как одного из направлений межгосударственного сотрудничества. Китай предлагает странам, расположенным вдоль Морского Шелкового пути, совместно заняться сохранением морской среды и предоставлять высококачественные морские экологические услуги, обеспечивая тем самым глобальную морскую экологическую безопасность⁸.

В январе 2018 г. Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало Белую книгу «Арктическая политика Китая», в которой закреплены ранее сделанные публичные заявления китайского руководства. Это первый комплексный документ, посвященный Арктике и подчеркивающий долгосрочную приверженность страны развитию региона, а также сотрудничеству с арктическими государствами (Петровский, 2020, с. 160). В документе сделана заявка на активное участие КНР в управлении арктическими территориями. Так, на пресс-конференции, состоявшейся 26 января 2018 г. в Пекине, представитель китайского МИД Хуа Чуньин отметила, что Китай продолжит участвовать в арктических делах, руководствуясь Белой книгой, которая будет способствовать совершенствованию норм и укреплению политического руководства деятельностью в Арктике⁹.

В Белой книге закреплены меры по реализации Китаем экологической политики в регионе. Так, в ч. 2 подчеркивается, что Китай активно участвует в решении трансрегиональных и глобальных проблем в Арктике, особенно в таких областях, как борьба с изменением климата, защита окружающей среды, проведение научных исследований. В ч. 4 обращено внимание на уважении

⁸ *The vision for maritime cooperation under the Belt and Road Initiative* (2017, June 20). Retrieved April 7, 2022, from http://english.www.gov.cn/archive/publications/2017/06/20/content_281475691873460.htm

⁹ *Foreign Ministry spokesperson Hua Chunying's regular press conference* (2018, January 26). Retrieved April 7, 2022, from http://iq.china-embassy.gov.cn/eng/fyrth/201801/t20180126_2317027.htm

норм международного права в области защиты природной среды, экосистемы Арктики и сохранения ее биологических ресурсов и следовании им, а также на активное участие страны в решении проблем окружающей среды и изменения климата.

В документе выделены 7 направлений экологической деятельности Китая: защита окружающей среды; защита экосистемы; борьба с изменением климата; участие в разведке и разработке нефтяных, газовых, минеральных и других неживых ресурсов, в том числе развитие на Крайнем Севере экологически чистой энергетики; участие в сохранении и использовании рыбных и других живых ресурсов; участие в развитии туристических ресурсов; участие в арктической системе управления и международном сотрудничестве.

По первому направлению прописано, что Китай активно участвует в улучшении окружающей среды Арктики путем расширения изучения экологического фона деятельности и оценки ее воздействия на окружающую среду. Особо стоит отметить положение об обязательстве Китая по повышению осведомленности своих граждан и предприятий об экологической ответственности в Арктике.

Что касается защиты экосистем, в документе отмечаются мероприятия по научной оценке воздействия на экологическую систему Арктики, вызванного глобальным изменением климата и деятельностью человека, по усилению охраны перелетных птиц и мест их обитания, по организации исследования моделей их миграции, по повышению адаптивности и устойчивости арктической экологической системы.

По третьему направлению – борьбе с изменением климата – особо подчеркивается значительный вклад страны в заключение Парижского климатического соглашения, а также указывается, что меры Китая по сокращению выбросов положительно влияют на климатическую и экологическую среду Арктики. В поддержку данного положения следует выделить обязательство Китая достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г.

В документе указано, что при разведке и разработке минеральных ресурсов китайская сторона требует от своих предприятий соблюдения законов соответствующих государств и проведения оценки рисков при разведке ресурсов, а также поощряет их к участию в разработке полезных ископаемых в Арктике при условии надлежащей защиты экологической среды. Среди планов значится укрепление сотрудничества Китая с арктическими государствами в области чистой энергетики.

Принимая участие в сохранении и использовании рыбных и других живых ресурсов морей Северного Ледовитого океана, Китай настаивает на надлежащем и своевременном исполнении обязательств всеми государствами по сохранению рыбных ресурсов и экосистемы региона.

Относительно развития арктического туризма, в первую очередь стоит обратить внимание на положение, согласно которому КНР стремится повышать экологическую осведомленность китайских туристов при бронировании туров в Арктику. Также Китай выступает за низкоуглеродный туризм, экотуризм и ответственный туризм и надеется внести свой вклад в устойчивое развитие арктического туризма. Особо подчеркнуто, что Китай принимает участие в освоении и использовании арктических ресурсов при условии уважения традиций и культуры жителей Арктики.

В Белой книге неоднократно отмечается позиция Китая по расширению сотрудничества с различными государствами и международными организациями в области охраны окружающей среды, в том числе по разработке правил, касающихся как глобальной окружающей среды, так и природной среды Арктического региона, изменения климата, международных морских вопросов и управления рыболовством в открытом море.

В документе декларируется приоритет научных исследований, подчеркивается важность охраны окружающей среды, рационального использования, правового управления и международного сотрудничества, а также прописаны обязательства по поддержанию мирного, безопасного и стабильного порядка в Арктике¹⁰.

В целом Белая книга, определяя мероприятия экологического характера, делает акцент на сотрудничестве между арктическими и неарктическими государствами во всех сферах. Это связано с тем, что Китай не является арктической страной и не может самостоятельно принимать решения. Основной аргумент присутствия КНР в Арктике – естественно-научный, он связан с изменениями климата, последствия которых затрагивают и китайские территории, и с хрупкостью арктических экосистем, изучение которых требует проведения совместных мониторинговых исследований и научно-исследовательских экспедиций (Пилясов, 2018, с. 116).

Итак, Белая книга 2018 г. – основной программный документ по осуществлению арктической политики, закрепляющий среди прочего меры по проведению экологической политики. Однако для оценки эффективности политики в области охраны окружающей среды региона следует сопоставлять фактически проводящиеся мероприятия экологического характера с мерами, задекларированными в официальном документе.

Мероприятия экологического характера в Арктике

Несмотря на наличие масштабных планов Китая по освоению ресурсов Арктики и осуществлению свободного судоходства по морям Северного Ледовитого океана, на сегодняшний день китайское руководство акцентирует внимание мирового сообщества на охране окружающей среды. В первую очередь Китай должен доказать арктическим странам, что его текущая и будущая деятельность не причиняет и не будет причинять вред хрупкой и уникальной экосистеме Арктики. Для этих целей Китай создает научно-исследовательские центры, проводит научно-исследовательские экспедиции, а также активно участвует в различных международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам окружающей среды Арктики и изменения климата в регионе.

В Китае изучение Арктического региона началось в середине 1980-х гг. (Комиссина, 2015, с. 62). В 1996 г. страна стала членом Международного арктического научного комитета (Ван, 2016, с. 14). В 2004 г. Китай открыл собственную арктическую научную станцию «Хуанхэ» на Шпицбергене. Научным учреждением, ответственным за организацию полярных экспедиций

¹⁰ *China's Arctic policy: White paper* (2018, January). Retrieved April 7, 2022, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

на станцию «Хуанхэ», является Институт полярных исследований в Шанхае. Кроме того, соответствующую научно-исследовательскую деятельность ведут Институт океанологии Китайской академии наук, Китайский университет океанологии, Шанхайская академия международных исследований, научно-исследовательское подразделение Государственного океанического управления КНР, Даляньский морской университет, Сямэньский университет, Университет Тунцзи и др. В 2013 г. в Шанхае открылся Китайско-скандинавский центр арктических исследований, занимающийся вопросами изменения климата, экономического развития Арктики и судоходства. В центре проводят совместные исследования китайские и североевропейские институты (Комиссина, 2015, с. 63). Ежегодно Китай тратит около 63 млн. долл. на полярные исследования, что примерно равнозначно затратам на эти цели Южной Кореи и значительно больше расходов США. Планируется увеличить количество ученых, занимающихся полярными вопросами (Śmieszek et al., 2020, p. 53). По оценкам иностранных экспертов, на данный момент КНР продвинулась в плане научно-технического освоения Арктики дальше многих арктических держав, а из неарктических стран располагает самой активной и дифференцированной научно-исследовательской программой по изучению региона (Yılmaz, 2017, p. 17).

С середины 1990-х гг. Китай организует научно-исследовательские экспедиции в Арктику. Первая из них была пешей. В 1995 г. группа китайских ученых и журналистов отправилась в поход к Северному полюсу для изучения ледяного покрова, климата и окружающей среды. Первая морская экспедиция к Северному полюсу была проведена в 1999 г. (Ван, 2016, с. 14). Последняя на сегодняшний день (двенадцатая) экспедиция проходила в июле-сентябре 2021 г. Ученым помогал автономный подводный робот «Таньсо 4500», благодаря погружениям которого были получены важные статистические данные, необходимые для непрерывного углубления исследований и понимания геологических процессов и многоцикличности обмена энергии и веществ в районе Срединно-Атлантического хребта¹¹, что в дальнейшем может лечь в основу изучения климатических изменений в регионе. Кроме того, китайские исследователи принимают участие в международных экспедициях. Например, в сентябре 2020 г. была осуществлена российско-китайская экспедиция, результатом которой стал сбор данных для изучения современных океанологических условий и получения осадочных колонок для проведения палеоокеанологических и палеоклиматических реконструкций¹².

Еще одним направлением экологической политики КНР в Арктике является участие в различных международных научных организациях и научно-экспертных дискуссиях по защите окружающей среды региона. Так, Китай является наблюдателем в Арктическом совете, состоит в Международном на-

¹¹ *Китайский подводный робот «Таньсо 4500» завершил арктическую экспедицию по исследованию морского дна* (2021, 8 октября). Взято 7 апреля 2022, с http://russian.news.cn/2021-10/08/c_1310231022.htm

¹² *Экспедиция в Арктику-2020. Исследования ТОИ ДВО РАН в Чукотском, Восточно-Сибирском морях и море Лаптевых* (2020, 10 сентября). Взято 7 апреля 2022, с <https://www.poi.dvo.ru/index.php/ru/node/1201>

учном арктическом комитете, принимает участие в мероприятиях, проводимых Тихоокеанской арктической группой и другими организациями. Китайские ученые принимают активное участие в научно-экспертных дискуссиях в рамках форумов, конференций, симпозиумов по вопросам охраны окружающей среды Арктики (Печерица, Лэй, 2019, с. 11).

Заключение

Китай в своей деятельности в Арктике руководствуется экономическими, геополитическими и экологическими интересами. При этом в официальных документах и выступлениях на международных площадках Пекин подчеркивает приоритет сферы охраны окружающей среды. В принятой в 2018 г. Белой книге по арктической политике Китая прописываются общие положения: дается краткая характеристика региона и участия КНР в различных видах деятельности в Арктике в историческом аспекте и на современном этапе, закрепляются цели, задачи и принципы арктической политики, а также основные направления деятельности, в том числе по охране окружающей среды региона. В то же время сравнительный анализ задекларированных в документе мер с фактически проводящимися мероприятиями экологического характера позволяет говорить о том, что в настоящее время экологическая политика Китая в Арктике сводится преимущественно к научно-исследовательской деятельности. Однако несмотря на декларативный характер Белой книги, само ее принятие свидетельствует об активизации арктического вектора внешней политики КНР, а то, что Поднебесная именует себя «приарктическим государством» (near-Arctic State), говорит о долгосрочных планах в отношении Арктического региона.

Список литературы

1. Ван, Цзюньтао (2016). *Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике* [Автореферат дис. ... канд. полит. наук, Санкт-Петербургский государственный университет]. Электронный научный архив СПбГУ. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/788/aftoreferat/DxPZNzt9BG.pdf>
2. Ворончихина, Д. Н. (2020). *Политико-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации* [Дис. ... канд. полит. наук, Санкт-Петербургский государственный университет]. Электронный научный архив СПбГУ. <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/419-voronchikhina-darya.html>
3. Забелла, А. А. (2019). Цели и интересы Китая в Арктике. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, (4), 166–175. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-4-166-175>
4. Колзина, А. Л., Миндубаева, А. А. (2020). «Полярный Шелковый путь» как сфера стратегического партнерства Российской Федерации и КНР. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 4(2), 186–195. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-2-186-195>

5. Комиссина, И. Н. (2015). Арктический вектор внешней политики Китая. *Проблемы национальной стратегии*, (1), 54–73.
6. Коньшев, В. Н., Кобзева, М. А. (2017). Политика Китая в Арктике: традиции и современность. *Сравнительная политика*, 8(1), 77–92. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
7. Куделькин, Н. С., Редникова, Т. В. (2018). Арктика и неарктические страны: эколого-правовые и международно-правовые аспекты на примере арктической политики Китая. *Международное право*, (3), 7–19. <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2018.3.27585>
8. Михайличенко, К. М. (2019). Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 21(2), 333–345. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345>
9. Петровский, В. Е. (2020). Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, (25), 154–167. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10009>
10. Печерица, В. Ф. (2020). Арктические стратегии Китая и России: сходства и различия. *Российско-китайские исследования*, 4(1), 44–52. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4\(1\).44-52](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4(1).44-52)
11. Печерица, В. Ф., Лэй, Шуан (2019). Основные направления китайской политики в Арктике. *Российско-китайские исследования*, 3(4), 7–16. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2019.3\(4\).7-16](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2019.3(4).7-16)
12. Пилясов, А. Н. (2018). Магнит глобализации – арктическая политика Китая. *Арктика: экология и экономика*, (3), 112–122. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2018-3-112-122>
13. Редникова, Т. В., Куделькин, Н. С., Ма, Синь (2018). Государственная политика России и Китайской Народной Республики в сфере охраны окружающей среды Арктики: перспективы международного и двустороннего сотрудничества. *Международные организации, международное право и внутригосударственное право / International Law and International Organizations*, (2), 17–31. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2018.2.25919>
14. Саблин, И. В. (2011). Теоретические аспекты экологической политики. *Молодой ученый*, (6–2), 58–64.
15. Jakobson, L., & Peng, Jingchao (2012). China's Arctic aspirations. *SIPRI Policy Paper*, (34), 1–23.
16. Kong, Soon Lim (2018). China's Arctic policy & the Polar Silk Road vision. In *Arctic Yearbook 2018*. Akureyri: Northern Research Forum. Retrieved April 7, 2022, from <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2018>
17. Śmieszek, M., Koivurova, T., & Nielsson, E. (2020). China and Arctic science. In *Chinese policy and presence in the Arctic* (pp. 42–61). Leiden: Brill Nijhoff.
18. Stronski, P., & Ng, N. (2018). *Cooperation and competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Retrieved March 1, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16975>
19. Yilmaz, S. (2017). Exploring China's Arctic strategy: Opportunities and challenges. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 3(1), 57–78. <https://doi.org/10.1142/S237774001750004X>

References

1. Jakobson, L., & Peng, Jingchao (2012). China's Arctic aspirations. *SIPRI Policy Paper*, (34), 1–23.
2. Kolzina, A.L., & Mindubaeva, A.A. (2020). “Polyarnyj Shyolkovyj put” kak sfera strategicheskogo partnerstva Rossijskoj Federacii i KNR [The “Polar Silk Road” as a sphere of strategic partnership between the Russian Federation and China]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 4(2), 186–195. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-2-186-195>
3. Komissina, I.N. (2015). Arkticheskij vektor vneshnej politiki Kitaya [The Arctic vector of China's foreign policy]. *Problemy nacional'noj strategii*, (1), 54–73.
4. Kong, Soon Lim (2018). China's Arctic policy & the Polar Silk Road vision. In *Arctic Yearbook 2018*. Akureyri: Northern Research Forum. Retrieved April 7, 2022, from <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2018>
5. Konyshchev, V.N., & Kobzeva, M.A. (2017). Politika Kitaya v Arktike: tradicii i sovremennost' [China's policy in the Arctic: Tradition and modernity]. *Sravnitel'naya politika*, 8(1), 77–92. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
6. Kudelkin, N.S., & Rednikova, T.V. (2018). Arktika i nearkticheskie strany: ekologo-pravovye i mezhdunarodno-pravovye aspekty na primere arkticheskoy politiki Kitaya [Arctic and non-Arctic countries: Environmental, legal and international legal aspects on the example of China's Arctic policy]. *Mezhdunarodnoe pravo*, (3), 7–19. <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2018.3.27585>
7. Mikhaylichenko, K.M. (2019). Proekt “Ledovyj Shelkovyj put” v ramkax iniciativy “Odin poyas i odin put” kak realizaciya interesov Rossii i Kitaya v Arkticheskom regione [The project “Ice Silk Road” within the framework of the initiative “One Belt and One Road” as the realization of the interests of Russia and China in the Arctic region]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 21(2), 333–345. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345>
8. Pecheritsa, V.F. (2020). Arkticheskie strategii Kitaya i Rossii: sxodstva i razlichiya [Arctic strategies of China and Russia: Similarities and differences]. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya*, 4(1), 44–52. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4\(1\).44-52](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4(1).44-52)
9. Pecheritsa, V.F., & Ley, Shuang (2019). Osnovnye napravleniya kitajskoj politiki v Arktike [Main directions of Chinese policy in the Arctic region]. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya*, 3(4), 7–16. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2019.3\(4\).7-16](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2019.3(4).7-16)
10. Petrovskiy, V. Ye. (2020). Strategiya Rossii i Kitaya v Arktike: sravnitel'nyj analiz [Strategy of Russia and China in the Arctic: Comparative analysis]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*, (25), 154–167. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10009>
11. Pilyasov, A.N. (2018) Magnit globalizacii – arkticheskaya politika Kitaya [The magnet of globalization – China's Arctic policy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, (3), 112–122. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2018-3-112-122>
12. Rednikova, T.V., Kudelkin, N.S., & Ma, Xin (2018). Gosudarstvennaya politika Rossii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki v sfere ohrany okruzhayushchej sredy Arktiki: perspektivy mezhdunarodnogo i dvustoronnego sotrudnichestva [State policy of Russia and the People's Republic of China in the field of environmental protection in the Arctic: Prospects for international and bilateral cooperation]. *Mezhdunarodnye*

organizacii, mezhdunarodnoe pravo i vnutrigosudarstvennoe parvo / International Law and International Organizations, (2), 17–31. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2018.2.25919>

13. Sablin, I. V. (2011). Teoreticheskie aspekty e'kologicheskoy politiki [Theoretical aspects of environmental policy]. *Molodoj uchenyj*, (6–2), 58–64.

14. Śmieszek, M., Koivurova, T., & Nielsson, E. (2020). China and Arctic science. In *Chinese policy and presence in the Arctic* (pp. 42–61). Leiden: Brill Nijhoff.

15. Stronski, P., & Ng, N. (2018). *Cooperation and competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Retrieved March 1, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16975>

16. Voronchikhina, D. N. (2020). *Politiko-pravovye aspekty obespecheniya e'kologicheskoy bezopasnosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii* [Political and legal aspects of ensuring environmental safety in the Arctic zone of the Russian Federation] [PhD thesis, Saint Petersburg State University]. Electronic scientific archive of Saint Petersburg State University. <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/419-voronchikhina-darya.html>

17. Wang, Juntao (2016). *Formy uchastiya Kitaya v mezhdunarodnoj deyatel'nosti v Arktike* [Forms of China's participation in international activities in the Arctic] [PhD thesis abstract, Saint Petersburg State University]. Electronic scientific archive of Saint Petersburg State University. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/788/aftoreferat/DxPZNzt9BG.pdf>

18. Yilmaz, S. (2017). Exploring China's Arctic strategy: Opportunities and challenges. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 3(1), 57–78. <https://doi.org/10.1142/S237774001750004X>

19. Zaballa, A. A. (2019). Celi i interesy Kitaya v Arktike [China's goals and interests in the Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, (4), 166–175. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-4-166-175>

Информация об авторе

Дарья Николаевна Веселова, кандидат политических наук, доцент юридического факультета, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия; преподаватель факультета среднего профессионального образования, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Information about the author

Darya Nikolaevna Veselova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Law Faculty, University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, Saint Petersburg, Russia; Lecturer, Faculty of Secondary Professional Education, North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЦИПАЦИИ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

Игорь Владимирович Аксёнов,

Законодательное Собрание Свердловской области,
Екатеринбург, Россия,
aks-i@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2021, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Аксёнов И.В. Референдум как институт политической партиципации: опыт Швейцарии // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 118-137. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_118

Аннотация

Актуальным трендом развития государственного и муниципального управления в зарубежных странах является увеличение политической инклюзии. Целью статьи является анализ референдума как института политической партиципации на примере Швейцарии, где в среднем каждый год проходит свыше десяти общенациональных плебисцитов – больше, чем во всех остальных странах Европы вместе взятых. Также референдумы организуются на уровне швейцарских кантонов и муниципалитетов. Исследование строится на анализе правовой и организационной базы их проведения. Теоретическую основу составляют актуальные работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих опыт Швейцарии в общеевропейском контексте. Эмпирической базой выступают правовые акты Швейцарии и данные о референдумах, предоставляемые Федеральной канцелярией. Особое внимание в статье уделяется ситуации с плебисцитами в швейцарских кантонах: сравниваются допустимые типы голосований и особенности их реализации. Анализируются отдельные резонансные голосования, например, по вопросу миграции и запрета строительства минаретов. Делается вывод о том, что референдум не является самостоятельным институтом политической партиципации, однако он способствует форми-

© Аксёнов И.В., 2022

рованию определенной электоральной культуры. Ее основными характеристиками выступают невосприимчивость к популизму, высокий интерес к политике, серьезное отношение к процессу принятия политических решений. В заключительной части статьи автор подчеркивает, что опыт Швейцарии является автохтонным, его прямое копирование не представляется возможным. В то же время общие принципы, заложенные в швейцарские референдумы, могут быть применены в других странах.

Ключевые слова:

Швейцария, политическая партиципация, референдум, обязательный референдум, факультативный референдум, народная инициатива.

UDC 342.573

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_118

REFERENDUM AS AN INSTITUTION OF POLITICAL PARTICIPATION: THE SWISS EXPERIENCE

Igor V. Aksenov,

Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia,
aks-i@yandex.ru

Article received on November 15, 2021, accepted on May 4, 2022

For citation: Aksenov, I.V. (2022). Referendum as an Institution of Political Participation: The Swiss Experience. *Discourse-P*, 19(2), 118-137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_118

Abstract

The current trend in the development of public and municipal administration in foreign countries is an increase in political inclusion. The article is aimed at analyzing the referendum as an institution of political participation on the example of Switzerland, where on average over 10 national referendums are held annually – more than in all other European countries combined. Referendums are also organized at the level of Swiss cantons and municipalities. The study is based on the analysis of the organizational and legal framework of their implementation. The theoretical basis of the research is made up of relevant works of domestic and foreign authors researching the Swiss experience in a pan-European context. The empirical basis is the legal acts of Switzerland and data on referendums provided by the Federal Chancellery. The article pays special attention to the situation with plebiscites in the Swiss cantons: the available types of voting and the peculiarities of their implementation are compared. The author analyzes some high-profile referendums, for

example, on the issue of migration and the ban on the construction of minarets. It is concluded that the referendum is not an inherently valuable institution of political participation, but it contributes to the formation of a certain electoral culture. The main features of this culture are immunity to populism, high interest in politics, and a serious attitude to the political decision-making process. In the final part of the article, it is emphasized that the Swiss experience is autochthonous, so its direct copying seems impossible. However, the general principles laid down in the Swiss referendums can be applied in other countries.

Keywords:

Switzerland, political participation, referendum, mandatory referendum, optional referendum, popular initiative.

Введение

Актуальным трендом развития государственного и муниципального управления в зарубежных странах является рост политической инклюзии. Вовлечение широких масс в процесс принятия политических решений увеличивает их легитимность, способствует стабилизации политической системы и укрепляет обратные связи. Традиционным институтом политического участия являются выборы. Однако их недостаточно для принятия решений, политические последствия которых превышают срок каденции выборных лиц. Для принятия таких решений необходимы иные институты, основанные на консенсусе волеизъявления граждан. Одним из таких институтов является референдум, к использованию которого как способа легитимации политических решений все чаще прибегает ряд европейских стран.

Проведение референдума предполагает, что граждане берут на себя ответственность за наиболее значимые политические решения, безотносительно профессиональной оценки последствий. Его результаты могут иметь как обязательный характер, так и быть общим ориентиром для правительства и парламента при корректировке национальных целей и приоритетов.

Наибольшим историческим опытом проведения референдумов обладает Швейцария. По данным Венецианской комиссии, количество проведенных там плебисцитов превышает количество референдумов во всех остальных странах мира вместе взятых¹. Эта особенность позволяет говорить об особом отношении швейцарцев к институту референдума как основе политической партиципации.

Регулярное проведение референдумов в Швейцарской Конфедерации является продолжением принципа прямой демократии, на основе которого построена вся современная политическая система страны. Более того, отмечается, что «прямая демократия в форме референдумов является определяющим элементом политической культуры» (Салова, 2014, с. 96). Первый опыт ее применения датируется концом XIII в., когда в пределах географических границ

¹ *Referendums in Europe – An analysis of the legal rules in European states: Venice commission Report* (2005, November 2). Retrieved September 15, 2021, from [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD \(2005\) 034-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD (2005) 034-e)

современной Швейцарии стали проводить специальные сходы граждан, позволявшие совместно решать наиболее значимые вопросы развития общества и политического самоопределения. Однако о референдуме в современном его понимании можно говорить только начиная с 1848 г., когда в Конституции была закреплена норма, что ее пересмотр или изменение возможны только через обязательный конституционный референдум.

В 1874 г. появляется положение о факультативном референдуме – своеобразном всенародном опросе, который можно инициировать для корректировки правительственного курса, принятия или изменения спорных законов. Изначально его инициация была исключительной прерогативой федеральных и региональных органов власти. Но уже в 1891 г. была разрешена так называемая «народная инициатива», т. е. право населения самостоятельно инициировать плебисцит по значимым вопросам внутренней политики. «Такой вид референдума, как народная инициатива, – широко практикующийся в Швейцарии, позволяет гражданам определять повестку дня, поднимая те вопросы, которые, по мнению швейцарцев, требуют всенародного волеизъявления» (Велибеков, 2017, с. 182).

В 1921 г. появилось право проводить референдумы по вопросам внешней политики – на тему вступления в международные организации или имплементации международных договоров прямого действия, т. е. таких, ратификация которых автоматически создает доступные к применению нормы права (Галас, 2014). Международные договоры, на основании которых страна берет на себя общие обязательства, а их реализация может быть определена федеральными органами власти, не могут становиться объектами плебисцитов.

Включение вопросов международных отношений в сферу народных голосований стало следствием общественной дискуссии, вызванной вступлением Швейцарии в Лигу Наций. В обществе бытовало мнение, что это нарушает суверенитет страны. Как следствие, в 1920 г. было проведено голосование, на котором 56,3% избирателей высказались за вступление. Однако само решение было под угрозой, т. к. голосование кантонов дало 11,5 голосов против 10,5. Для сравнения: в том же году прошло еще четыре голосования – о запрете создания игорных заведений, встречное предложение о регулировании деятельности игорных заведений, изменение федеральных законов о нормах рабочего времени, регулировании трудовых договоров. Результаты каждого референдума были однозначными. В частности, референдум о запрете на создание игровых зон получил 14 голосов кантонов против 8. Результаты встречной инициативы по созданию игровых зон были еще более убедительными – 21,5 голосов кантонов. Остальные референдумы не требовали кантонального голосования, их результат определило абсолютное большинство – 50% + 1 голос граждан.

Всего в истории было три референдума о членстве Швейцарии в международных организациях. В 1992 г. прошел референдум о присоединении к Европейской экономической зоне, граждане с минимальным перевесом (50,3%) высказались против вступления. В этом случае результаты были еще более неоднозначными, что породило широкую экспертную дискуссию о том, можно ли решать данные вопросы с помощью институтов прямой демократии, или это должно оставаться прерогативой представительной демократии. Отмечалось, что это пример того, как мнение большинства граждан негативно отразилось на участии страны в процессах евроинтеграции (Buchan, 2012). Еще один ре-

ферендум прошел в 2002 г., когда граждане голосовали по поводу членства государства в ООН, что также вызвало бурные дискуссии о нарушении принципа нейтралитета (Ganser & Kreis, 2007).

Швейцарская модель федерализма и референдум

Швейцария является федеративным государством, состоящим из 26 субъектов и порядка 2740 муниципальных образований. Соответственно, референдумы могут проводиться на федеральном, региональном и местном уровнях. Как правило, в стране каждый год проходит хотя бы один референдум каждого типа, обычно более четырех (Direct democracy, 2008, p. 26). «В среднем только общенациональные референдумы проводятся в Альпийской республике каждые три месяца» (Соломонова, 2020, с. 50).

В 1989 г. предложена современная правовая формула подведения итогов плебисцитов. Несмотря на официальное название «Швейцарская Конфедерация», в стране действует федеративная форма территориального устройства. Одним из элементов швейцарского федерализма стал принцип, что для положительного исхода голосования необходимо набрать не только большинство голосов населения, но и большинство голосов субъектов федерации. При этом кантоны обладают полным голосом, равным единице, полукантоны – половиной голоса. Наличие полукантонов в федеративном устройстве обусловлено разделением целых кантонов по языковому или профессиональному принципу. Так, кантон Базель разделен на два полукантона – Базель-Штадт и Базель-Ланд, а кантон Аппенцелль – на полукантоны Аппенцелль-Аусерроден и Аппенцелль-Иннерроден. Также половиной голоса обладают кантоны Нидервальден и Обервальден. Общее количество голосов составляет 23, из них 20 – у 20 кантонов, 3 – у 6 полукантонов.

Принцип двойного голосования, когда требуется не только согласие населения, но и кантонов, обусловлен швейцарской моделью федерализма (Дубровина, 2019). Первый пример, когда население и кантоны расходились в оценке предлагаемых инициатив, случился в 1994 г. Тогда население большинством в 52,8% голосов приняло предложение об упрощении получения гражданства, но кантональное голосование отклонило инициативу: 10 – «за», 13 – «против». Результат кантонального голосования определяется исходя из мнения большинства граждан: голос получает тот вариант, за который высказалось абсолютное большинство в 50% + 1 голос принявших участие в голосовании.

Голосовать на референдуме имеют право все граждане, проживающие в стране или за границей, достигшие 18 лет. Только в 1971 г. электоральные права были предоставлены женщинам, также в результате референдума. А возраст в 18 лет был определен на референдуме в 1991 г. Нормативные акты не содержат каких-либо требований касательно порога явки избирателей, результаты будут действительны в любом случае².

² *Federal Constitution of the Swiss Confederation of 18 April 1999* (status as of 7 March 2021). Title 4. Retrieved May 20, 2021, from <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en>

Результаты плебисцита всегда имеют обязательную юридическую силу и должны быть реализованы правительством. Однако существует разница между обязательными и факультативными референдумами. Обязательные проводятся в случае, когда происходит полный или частичный пересмотр Конституции; стране предлагается стать частью международной организации, правовые нормы которой будут распространены на граждан; для принятия федеральных законов по вопросам, не урегулированным органическим правом и срок действия которых составляет более одного года³. «В Швейцарии референдум – неотъемлемый элемент внесения изменений в Конституцию, но может быть проведен исключительно по инициативе народа либо в случае парламентских разногласий» (Галас, 2014, с. 55).

Также обязательный референдум может быть проведен в том случае, когда по каким-либо вопросам национальной политики возникает конфликт между федеральным правительством и кантональными властями. Обязательные референдумы могут быть инициированы федеральными органами власти, органами власти субъекта или населением. При определении результатов обязательных референдумов требуется двойное согласие – граждан и кантонов. Остальные вопросы могут рассматриваться в рамках факультативных референдумов, решение по которым принимается на основе воли большинства в 50% + 1 голос от принявших участие в голосовании избирателей безотносительно результатов по кантонам.

Для реализации права на так называемую «народную инициативу», т. е. проведения референдума по инициативе граждан, необходим сбор подписей. Для инициирования обязательного референдума нужно за срок не более 18 месяцев собрать 100 тыс. подтвержденных подписей, что составляет порядка 2% от общей численности избирателей (Близенков, 2017). Для факультативного референдума – 50 тыс. подписей. Голосование проводится не позднее 100 дней с момента подтверждения собранных подписей. Народная инициатива может быть сформулирована как предложение либо как уже подготовленный нормативный акт. В первом случае проект нормативного акта разрабатывается федеральным правительством, кантональным правительством или руководством муниципалитета. Если народная инициатива реализуется как подготовленный проект нормативного акта, федеральное правительство имеет право вынести на плебисцит его альтернативный вариант. В таком случае граждане могут не только определить актуальность предлагаемой новеллы, но и выбрать наиболее конструктивный вариант ее реализации. Отмечается, что «из стран Западной Европы на общенациональном уровне только в Швейцарии конституция содержит положения о народной инициативе» (Велибеков, 2017, с. 182).

В ходе конституционной реформы 2003 г. было существенно расширено понимание народной инициативы. В частности, была введена так называемая «общая народная инициатива». Данный механизм предполагал, что граждане могут инициировать не только изменения в основной закон страны, но также любое изменение федерального законодательства. Однако данная форма политической партиципации оказалась крайне невостребованной и уже в 2008 г. была отменена. Решение об отмене также было принято в ходе всенародного

³ Ibid. Title 4. Chapter 2. Art. 140.

голосования. Возник важный прецедент, когда принятые в ходе общего волеизъявления граждан политические инициативы были дезавуированы в такой же форме.

В свою очередь, факультативные референдумы могут проводиться по вопросам принятия нового федерального закона, изменения действующего закона или предложений, реализация которых требует изменения федерального законодательства. Такие референдумы требуют голосования простого большинства граждан, никаких дополнительных голосований, в том числе в парламентах разных уровней, проводиться не может. «Исторически факультативный референдум выполняет роль уравнивающего механизма народного вмешательства» (Самородова-Богацкая, 2014, с. 145).

Факультативные референдумы иных уровней проводятся по аналогичным правилам, однако они могут отличаться в зависимости от кантона. Каждый субъект Швейцарской Конфедерации вправе устанавливать свои правила проведения референдумов и участия в них населения. Например, могут быть различные нормы по сбору подписей. В западных франкофонных кантонах требуется поддержка порядка 15–20 % от общего числа избирателей, что существенно затрудняет реализацию народной инициативы и право на референдум. В то же время восточные и центральные германоязычные кантоны установили аналогичную федеральной норме – 5 % избирателей, поэтому там плебисциты проводятся чаще (Schiller, 2011, p. 15).

Также на региональном уровне могут проводиться иные виды референдумов, кроме обязательных и факультативных. В дополнение к двум указанным типам подавляющее число субъектов (25, исключение составляет кантон Во) проводят референдумы по вопросам местных финансов. Наиболее благоприятные условия для проведения местных референдумов сложились в кантоне Женева. Нормы регионального законодательства отличны от большинства франкоязычных кантонов и устанавливают необходимый минимум собранных подписей для проведения референдума в 2 % от общей численности избирателей. Также референдумы могут проводиться по любым вопросам местного значения, кроме предложений об отмене бюджета как такового. При этом допускаются плебисциты по поводу отдельных статей бюджета, увеличения или уменьшения ассигнований на определенные сферы, корректировка местных налогов и сборов (Агакишинева, 2018).

Региональное законодательство также определяет порядок проведения референдумов на муниципальном уровне. «Во многих муниципалитетах Швейцарии проводятся обязательные «финансовые референдумы», если сумма публичных расходов или заимствований превышает определенную (и, как правило, достаточно крупную) сумму» (Черкасов, 2018, с. 196).

В целом, анализируя опыт всех кантонов, можно выделить референдумы 8 типов⁴ (табл. 1).

⁴ В табл. 1 представлены данные по 7 типам референдумов. Кроме того, проводятся муниципальные референдумы.

Таблица 1 – Типы региональных референдумов в Швейцарии по кантонам (Direct democracy, 2008, p. 33)

Table 1 – Types of regional referendums in Switzerland, by canton (Direct democracy, 2008, p. 33)

Кантон	Конституционный референдум	Законодательный референдум		Финансовый референдум		Административный референдум	
	Обязат.	Обязат.	Факульт.	Обязат.	Факульт.	Обязат.	Факульт.
Цюрих	+	+	+		+		
Берн	+		+		+		+
Люцерн	+		+	+	+		
Ури	+	+		+	+		+
Швиц	+	+	+	+			
Обвальден	+		+		+		
Нидвальден	+		+	+	+	+	
Гларус	+	+		+		+	
Цуг	+		+		+		
Фрибур	+		+	+	+		
Золотурн	+	+	+	+	+	+	+
Базель-Штадт	+		+		+		+
Базель-Ланд	+	+	+		+		
Шаффхаузен	+	+	+	+	+	+	+
Аппенцель-Аусерроден	+	+	+	+			
Аппенцель-Иннерроден	+	+		+	+		
Санкт-Галлен	+		+	+	+		
Граубюнден	+		+	+	+		
Аргау	+	+	+		+		
Тургау	+		+	+	+		
Тичино	+		+		+		
Во	+	+	+				

	Конституционный референдум	Законодательный референдум	Финансовый референдум	Административный референдум
Вале	+	+	+	
Невшатель	+	+	+	
Женева	+	+	+	
Юра	+	+	+	

Первый вид референдумов – конституционные референдумы, которые могут проводиться во всех без исключения субъектах Швейцарии. Вопросы на референдумах такого рода могут касаться изменения основного закона кантона: каждая территориальная единица Швейцарии обладает собственной Конституцией.

Следующий вид референдумов – законодательные референдумы. Они касаются введения, отмены или корректировки региональных законов. Такие референдумы могут быть обязательными, тогда их результаты императивно реализуются кантональным правительством, или факультативными, решения которых служат ориентиром для корректировки региональной политики. В большинстве кантонов разрешен только один вид законодательных референдумов, но в некоторых (Цюрих, Швиц, Золотурн и др.) законодательство допускает проведение и тех, и других, устанавливая различия в их организации. Практика референдумов такого рода является неоднозначной. Так, в кантоне Санкт-Галлен «народ, воспользовавшись правом вето, отверг либеральный закон об отношении церкви к государству. Известны случаи, когда граждане отвергали законы, направленные на улучшение трудового законодательства» (Руденко, 2003b, с. 250).

Аналогично обязательными и факультативными могут быть финансовые референдумы, проводимые по вопросам региональных или муниципальных налогов и сборов. В подавляющем большинстве кантонов такие референдумы либо являются факультативными, либо существует возможность проведения как факультативных, так и императивных. К исключениям относятся кантоны Швиц, Гларус, Аппенцель-Аусерроден, где голосование можно проводить только с помощью императивного референдума. Ограничения возможности проведения факультативных референдумов хотя и увеличивают значимость голосования как такового, однако приводят к тому, что голосования данного вида проводятся крайне редко, т.к. трудны в организации и могут иметь крайне серьезные последствия для функционирования кантональной экономики.

Административные референдумы проводятся в том случае, когда решение референдума не содержит норм права. Плебисциты такого рода могут касаться

вопросов оперативного управления, организации хозяйственной деятельности и т. п. Там могут быть решены спорные вопросы экономического характера, организации транспорта и др. Данный тип референдума применяется сравнительно недавно, как федеральная норма он окончательно оформлен только в 1999 г. (Ауэр, 2004). В связи с этим только ограниченное число субъектов Швейцарской Конфедерации приняли данную норму на уровне регионального законодательства. В частности, их проведение в качестве обязательного референдума возможно в кантонах Нидвальден и Гларус, в качестве факультативного – в Берне и Люцерне, а в Золотурне и Шаффхаузене существует возможность проведения плебисцитов обоих видов. Таким образом, административный референдум может быть проведен чуть больше чем в четверти субъектов.

Часть региональных референдумов проходит в соответствии с принципом так называемого «конструктивного референдума». Он подразумевает, что при проведении всенародного голосования по какой-либо инициативе должна быть представлена ее альтернатива. Это может быть реализовано как с помощью механизма, когда инициированный органами власти референдум дополняется народной инициативной, так и наоборот – когда в противовес народной инициативе органы власти представляют свой проект решения (Руденко, 2003b, с. 203).

В целом кантональные референдумы касаются вопросов, связанных с территориальной организацией политической власти, в том числе в целях государственного строительства. Подобная возможность обеспечивает швейцарскому федерализму высокий уровень устойчивости и адаптивности. В случае возникновения каких-либо существенных противоречий на почве языка или религии, а также иных значимых социальных отличий, граждане имеют право изменить форму организации политической власти. Для этого может быть создан новый субъект, изменены существующие границы между кантонами или приняты иные решения, обеспечивающие изменения в административно-территориальном устройстве. Большинство таких решений основывается на сумме результатов муниципальных референдумов.

Примером таких решений служат: создание кантона Тичино из Лугано и Беллинцона (Нестерова, Чудинова, 2016), в ходе которого граждане сформировали из разрозненных территорий новый кантон, основанный на общности языка (Нестерова, Чудинова, 2017); выделение кантона Юра из состава Берна, что стало следствием нарастания социально-экономических различий (Журавлева, 2017). В случае когда создание независимого кантона или корректировка границ не представляются возможными, могут приниматься иные решения. Примером является придание ретороманскому языку государственного статуса (как на национальном, так и на региональном и местном уровнях) ввиду территориальной разобщенности его носителей (Kuźelewska, 2016). Вопрос языковой политики кантона и каждого муниципалитета разрешается исключительно путем референдума. Динамичное изменение принципов территориальной организации органов власти является особенностью швейцарской модели федерализма и залогом ее высокой устойчивости и адаптивности.

Возможность проведения референдумов на всех уровнях управления создает условия для эффективной децентрализации швейцарского государства, что приводит к высокому качеству государственного управления. «Тот факт, что на муниципальном уровне решается достаточно много задач, объясняет, почему

Швейцария является довольно хорошо управляемой страной» (Молокаева, 2020, с. 69).

Обратной стороной широкого круга возможностей для проведения референдума является проблема регионализации. С одной стороны, она проявляется в латентной проблеме сепаратизма, медиация которой происходит за счет высокого уровня жизни и нормативных ограничений прав регионов со стороны федеральных властей. «Входящие в состав федерации кантоны не обладают суверенитетом, не обладают верховенством на своей территории, лишены права сепарации и не имеют независимости в международных отношениях», а основные законы каждого кантона одобряются федерацией (Муртазалиев, Гаджиев, 2020). С другой стороны, существует проблема использования права региональной репрезентации в целях манипуляции – проведение референдума как способа выбить финансирование для региона или муниципалитета (Бедерсон, Шевцова, 2021).

При этом нельзя однозначно сказать, что наличие широкого круга возможностей для политической партиципации автоматически приводит к востребованности ее институтов. Наблюдается рост политического абсентеизма, связанный с уровнем, на котором проводится плебисцит. Так, на федеральном уровне явка наиболее высокая, на региональном уровне снижается и достигает минимальных значений на муниципальных референдумах. Для преодоления этого явления делаются попытки внедрения и популяризации практик дистанционного голосования. В частности, повсеместно внедрено голосование по почте. Активно обсуждается введение электронного голосования, но реализация данной новеллы искусственно замедляется органами власти и не поддерживается населением, что показывают плебисциты по этому поводу. На федеральном уровне вопрос о применении электронного голосования не урегулирован и решается преимущественно на региональном уровне. Лидерами в развитии данной технологии являются Женева, Невшатель и Цюрих.

Количество возможностей для политической партиципации в Швейцарии увеличивается соразмерно уменьшению уровня административного устройства. Если на федеральном уровне любые голосования строго регламентированы, имеют ряд ограничений и проходят административные проверки, то на региональном уровне степень административного контроля резко снижается, а на коммунальном уровне вопросы для референдума практически не регламентированы, допускается проводить плебисциты даже по отзыву местных администраций.

Нормативно-организационная основа швейцарского референдума

Организация проведения референдумов, как и иных форм политической партиципации, основной из которых являются выборы, основывается на системе, в которую входит Федеральная канцелярия и 26 кантональных избирательных органов, определяемых и организуемых субъектами самостоятельно. Нормативную основу для голосования составляют Федеральный закон о политических правах от 17 декабря 1976 г.⁵ и ряд подзаконных актов, принятых для его реализации.

⁵ *Federal act on political rights of 17 December 1976* (status as of 7 March 2021). Retrieved September 20, 2021, from https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1978/688_688_688/en

Развитие избирательной системы Швейцарии направлено на централизацию, что вызвано повышением политической роли федеральных институтов, а также необходимостью проведения единой политики в отношении составления списка избирателей и определения механизмов для реализации политических прав. С этими целями создаются централизованные регистры избирателей, активно продвигается идея внедрения электронных удостоверений личности.

В Швейцарии установлен строгий запрет на проведение референдумов в один день с выборами. Это отличает ее от большинства европейских стран, где плебисциты зачастую используются в дополнение к основным выборам для привлечения внимания, увеличения явки и расширения возможностей для политического маневра партиям. Такой подход негативно оценивается швейцарцами, предполагая, что обилие политической агитации негативно сказывается на объективности граждан при голосовании. В отличие от стран Европейского союза швейцарская «модель предполагает гораздо большую активность и самостоятельность граждан в принятии публично-властных решений» (Руденко, 2003а). В то же время способом увеличения явки является вынесение сразу нескольких вопросов на один день референдума, что затрагивает разные слои населения и привлекает внимание к плебисциту.

Так, например, на 2021 г. было назначено четыре национальных дня проведения референдумов: 7 марта, 13 июня, 26 сентября и 28 ноября. В марте на голосование было вынесено три инициативы. Первые две – запрет на ношение одежды, которая полностью закрывает лицо; и ратификация соглашения об экономическом сотрудничестве с Индонезией – были одобрены (51,2% голосов избирателей и 20 голосов субъектов; 51,6% голосов избирателей и 20 голосов субъектов, соответственно). Еще одна инициатива о введении электронного удостоверения личности была отвергнута (64,3% голосов и 26 голосов субъектов против). В июньский цикл прошло еще больше референдумов – пять. Инициативы по корректировке законодательства по профилактике COVID-19 и мерах полиции по борьбе с терроризмом были одобрены, остальные три отклонены. Сентябрьский цикл включал в себя только два вопроса, но ввиду резонансного характера одного из них (вопроса о легализации однополых браков) продемонстрировал высокий интерес со стороны избирателей.

Показатель явки на референдумы в Швейцарии не является однородным. До конца Второй мировой войны на национальном уровне средняя явка избирателей составляла около 50%. С начала 1960-х до середины 1980-х гг. показатель опустился до 40%, а на сегодняшний день находится в районе 45% (наиболее значимым фактором является тема референдума, поэтому в разные дни показатель варьируется от 35 до 70%).

Обилие разнородных голосований делает избирателей более ответственными и менее восприимчивыми к лозунгам партий. «Высокий уровень невосприимчивости швейцарских избирателей к популистским лозунгам подтверждается результатами многих народных голосований последних шести лет» (Лафитский, 2019, с. 34). Также отличительной особенностью является тот факт, что между результатами голосования в городских и сельских районах нет принципиальных отличий, как это бывает в других странах. Эта специфика также объясняется высокой электоральной культурой швейцарцев, сформированной частым участием в референдумах (Грибовский, 2020).

Непосредственная организация проведения любого референдума начинается не позднее чем за четыре месяца до дня голосования. Правительство Швейцарии – Федеральный совет – определяет, какие именно предложения будут вынесены на голосование, после чего Федеральная канцелярия передает кантональным органам список точных формулировок вопросов. Также выпускаются специальные буклеты, публикуемые на четырех официальных языках и направляемые в каждый кантон для распространения среди избирателей. В буклет включается информация обо всех инициативах и заключение правительственных органов касательно их влияния на развитие страны. «Представленность в правительстве четырех основных политических партий гарантирует, что представляемая избирателям информация будет сбалансированной» (Direct democracy, 2008, p. 31).

Федеральный совет может отклонять какие-либо заявки о проведении плебисцита, если сочтет их формулировки некорректными, оскорбительными или длинными. В то же время правительство правомочно и скорректировать формулировки, предложенные инициаторами голосования. Однако данные действия должны получить согласие со стороны кантонов, иначе проведение голосования становится невозможным.

В свою очередь, региональные правила проведения голосований могут отличаться. Так, например, четыре субъекта имеют единые списки избирателей, в то время как в 22 избирательные списки формируются на уровне муниципалитетов. Управление избирательными участками осуществляется аналогично, либо организуется на кантональном уровне, либо на муниципальном. По окончании голосования каждый кантон собирает информацию о результатах голосования с избирательных участков и передает ее Федеральной канцелярии, которая подводит итоги голосования. Отдельно приводятся данные о результатах всенародного голосования и результатах голосования кантонов. Также кантоны вправе проводить местные референдумы в один день с национальными, увеличивая таким образом количество выносимых на голосование вопросов. Однако на эти дни не могут быть назначены региональные или местные выборы.

Как уже отмечалось, для организации референдумов необходимо формировать инициативные группы и собирать установленное количество подписей. Какая-либо финансовая поддержка в этом процессе со стороны государства или кантонов не предоставляется. Единственная помощь – выделение одной полосы в официальной брошюре для избирателей. Однако низкая востребованность народной инициативы порождает активные общественные дискуссии о мерах экономической поддержки для инициативных групп (Самородова-Богацкая, 2014). Также существует инициатива проведения референдума по данному вопросу.

Крайне дискуссионным остается вопрос о количестве необходимых для инициирования референдума подписей избирателей и сроках их сбора. Федеральный совет неоднократно предлагал увеличить необходимый процент собираемых подписей, но данная инициатива не только не нашла поддержки в обществе, даже парламент отказался ее рассматривать. В то же время большую популярность набирает идея увеличения сроков, за которые необходимо собрать подписи. Введение дистанционных технологий голосования, в основном голосование по почте, негативно отразилось на возможности сбора подписей

в традиционной форме. Данная проблема могла бы быть решена введением электронного голосования при условии, что инициативным группам референдумов разрешат собирать подписи в электронной форме, но эта возможность фактически была утрачена в результате провала референдума о введении электронных удостоверений личности в 2021 г. Соответственно, на национальном и кантональном уровнях у граждан нет возможности совершать значимые действия в области политической партиципации вне традиционной формы, даже несмотря на эксперименты по электронному голосованию, активно проводимые кантонами Женева, Цюрих и Невшатель.

Общий интерес избирателей к референдумам показывает неуклонный рост. С 2000 г. в среднем Швейцария проводит 10,8 национальных референдумов в год против 10 в 1990-е гг. и 6,2 в 1980-е гг. Примерно половина референдумов проводится по вопросам изменения Конституции, большая часть оставшихся касается вопросов корректировки федерального законодательства. Около трети инициатив о проведении референдумов не доходят до голосования в связи с тем, что инициативные группы не успевают собрать необходимое количество подписей (Салова, 2014).

Большинство проводимых в Швейцарии референдумов направлены на поддержку реализации каких-либо инициатив. Также широко распространена практика, когда в ответ на инициативу о референдуме парламент принимает удовлетворительное решение, не доводя до всенародного голосования.

Доля проводимых в Швейцарии обязательных референдумов растет с каждым годом, в то время как народная инициатива становится все менее востребованной. Отмечается, что это является показателем тенденции «к расширению сферы регулирования швейцарского федерального законодательства» (Велибеков, 2017, с. 183).

Государство не проводит четкой границы между прямой и представительной демократией, рассматривая референдум не только как прямое волеизъявление граждан, но и механизм политической партиципации. «Прямая демократия... дополняет представительную... Другие формы участия населения в решении разнообразных вопросов публичной жизни (как правило, непосредственно не связанные с голосованием по актуальным вопросам местной политики) все чаще обозначаются термином «партиципационная демократия» (Черкасов, 2018, с. 195).

При этом границы политической партиципации в Швейцарии могут восприниматься как идущие вразрез с общеевропейскими ценностями. Такой случай имел место при проведении референдума о запрете строительства минаретов в 2009 г., когда при явке в 53 % проголосовали за запрет 57,5 % граждан и 85 % кантонов. Исключение составили Женева, Вальд, Невшатель и Базель-Штадт. «Парадоксальным образом некоторые европейские политологи после случая с запретом минаретов говорят даже о коллизии между швейцарским референдумом как основным инструментом прямой демократии и европейским «демократическим правовым государством», рассматривая данный кейс как решающий аргумент против введения референдумов в остальной Европе» (Близенков, 2017, с. 121). Следующей точкой нарастания противоречий стал 2014 г., когда швейцарцы с минимальным перевесом (50,3 % голосов) проголосовали за применение ограничительных мер к миграции (Грибовский,

2020). Другим примером противоречия европейским тенденциям развития является прошедший в 2016 г. референдум о базовом безусловном доходе. Его результаты противоречат не духу европейских ценностей, а общим принципам социально-экономического развития: в то время как ряд стран активно проводили эксперименты о внедрении базового безусловного дохода, преподнося это как форму естественной эволюции социальной политики государства, швейцарцы выступили против его введения 76,9% голосов (Золотов, Шилов, 2016).

Заключение

Обобщая полученные результаты, можно сделать ряд выводов.

1. Референдум является неотъемлемым институтом политической партиципации в Швейцарии. Он неотделим от модели швейцарской демократии, в которой не проводится четкого различия между ее прямой и представительной формой. Решения референдумов воспринимаются как общеобязательные, и даже в отсутствие императивной юридической силы реализуются правительствами всех уровней.

2. Референдумы используются как способ решения политических конфликтов и национально-территориального строительства. История страны богата примерами, связанными с радикальным сепаратизмом, основанным на различиях в языке, религии и культуре. Тем не менее применение плебисцитов позволило практически никогда не доводить до эскалации, обеспечивая высокую адаптивность государственного управления.

3. Частое проведение референдумов приводит к сглаживанию политических отличий и высокой электоральной культуре. В отличие от большинства государств мира в Швейцарии нет значимых электоральных отличий между территориями, обусловленными степенью урбанизации. Отличия в электоральных предпочтениях имеют социально-экономическую природу и не зависят от территории проживания. Также отличий нет ни по линиям север-юг, запад-восток, ни по языковой принадлежности кантонов. Подобная культура экстраполируется не только на голосование по референдумам, но и на партийные предпочтения. Граждане Швейцарии крайне устойчивы к популистским идеям и делают политический выбор согласно анализу реальной политики, а не лозунгам политических партий. Эта ситуация объясняется именно высокой частотой участия в референдумах и воспроизводится даже несмотря на прямой запрет проводить выборы и референдумы в один день.

4. Несмотря на высокий интерес к референдуму, наблюдается рост абсентеизма и низкой заинтересованности в референдумах, инициированных населением. Основным двигателем инициатив являются политические движения и органы власти. Высокий уровень доверия к данному институту делает его релевантным инструментом для государственного строительства и корректировки законодательства всех уровней.

5. Наблюдается тенденция к централизации, несмотря на высокий уровень децентрализации в организации референдумов. Растет политическая роль федеральных органов власти в процессах проведения референдумов на всех уровнях. Это проявляется в стремлении стандартизировать правила проведения кантональных и муниципальных референдумов, формировании

единого федерального списка избирателей, внедрении единых электронных карт идентификации личности.

6. Некоторые кантоны устанавливают завышенные требования для организации референдумов по инициативе «снизу», что приводит к снижению количества региональных референдумов. На федеральном уровне эта тенденция откликается в предложениях со стороны Федерального совета по ужесточению условий для инициации референдума. В то же время граждане обсуждают прямо противоположные меры, предлагая создать официальные механизмы экономической поддержки инициативных групп по организации референдумов и увеличить сроки, в которые необходимо собирать подписи.

7. Швейцарский опыт проведения референдумов не рассматривается как модельный в иных государствах. Высокое число референдумов воспринимается как автохтонный политический опыт и не связывается с современными моделями демократии и политического участия. Более того, резонансные решения – запрет на строительство минаретов, ограничение миграции, запрет на ношение закрытой одежды и т. д. – трактуются как отступление от европейских или общечеловеческих ценностей. При этом не подвергается сомнению тот факт, что само влияние референдумов на политическую культуру страны является положительным.

В целом опыт Швейцарии в проведении референдумов является примером сращивания прямой и представительной демократии, формируя модель политической партиципации, когда права и свободы граждан воспринимаются как естественные, а не как привилегии. Проведение референдумов не является жизненно важным для развития политической системы страны, но их влияние на политическую культуру позволяет гражданам более рационально и ответственно подходить к процессу принятия решений в иных сферах. Соответственно, референдумы не являются самоценным институтом политической партиципации, но их проведение служит критерием эффективности других институтов.

Список литературы

1. Агакишиев, Э.Г. (2018). Вопросы местного референдума: нормативные требования в России и зарубежных странах. *Административное и муниципальное право*, (8), 26–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.8.27551>
2. Ауэр, А. (2004). Референдумы в Швейцарии. *Сравнительное конституционное обозрение*, (3), 152–155.
3. Бедерсон, В.Д., Шевцова, И.К. (2021). Регионалистские движения в современной Швейцарии: примеры Тичино и Бернской юры. *Современная Европа*, (3), 50–60. <https://doi.org/10.15211/soveurope320215060>
4. Близнеков, В.Л. (2017). Запрет на строительство минаретов в Швейцарии vs свобода вероисповедания в Европе: правовые, политические и социальные аспекты. *Социология власти*, 29(4), 104–126. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-4-104-126>
5. Велибеков, М.С. (2017). Типы референдумов и особенности их конституционной институционализации в странах Западной Европы. *Образование и право*, (5), 181–183.

6. Галас, М.Л. (2014). Некоторые аспекты институционализации референдумов в новейшей истории. *Пространство и Время*, (2), 49–56.
7. Грибовский, В.С. (2020). Швейцарский референдум по вопросам иммиграции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 74–79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620207479>
8. Дубровина, О.Ю. (2019). Швейцария: распределение полномочий между Конфедерацией и кантонами в сфере международных отношений. *Современная Европа*, (1), 70–79. <https://doi.org/10.15211/soveurope120197079>
9. Журавлева, А.М. (2017). Языковые конфликты и пути их решения: опыт Швейцарии. *Исторический журнал: научные исследования*, (2), 1–13.
10. Золотов, С.А., Шилов, М.Л. (2016). Безусловный основной доход: сущность и проблемы реализации. *Вестник НГИЭИ*, (9), 7–14.
11. Лафитский, В.И. (2019). Референдумы и народные инициативы в современной социально-экономической жизни Швейцарии. *Избирательное законодательство и практика*, (2), 33–36.
12. Молокаева, О.Х. (2020). Муниципальная демократия: отечественный и зарубежный опыт. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*, (2), 66–71.
13. Муртазалиев, А.М., Гаджиев, Д.З. (2020). Централизация власти в зарубежных федеративных государствах: сравнительный анализ. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 35(1), 54–62. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2020-35-1-54-62>
14. Нестерова, Т.П., Чудинова, Е.Д. (2016). Развитие регионов Южной Швейцарии и создание кантона Тичино в 1803 году. *Научный диалог*, (10), 250–260.
15. Нестерова, Т.П., Чудинова, Е.Д. (2017). Создание Итальянской Швейцарии: Кантон Тичино в XIX веке. *Научный диалог*, (3), 189–201. <https://doi.org/0.24224/2227-1295-2017-3-189-201>
16. Руденко, В.Н. (2003а). Конституционные модели референдума в странах Европейского союза, Швейцарии и России. *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*, (1), 10–20.
17. Руденко, В.Н. (2003б). *Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН.
18. Салова, С.А. (2014). Референдум в Швейцарии. *Актуальные проблемы права, экономики и управления*, (10), 96–98.
19. Самородова-Богацкая, Л.В. (2014). Эволюция института референдума и народной инициативы в Швейцарии: историко-правовой подход (федеральный уровень). *Труды Института государства и права Российской академии наук*, (4), 135–148.
20. Соломонова, С.А. (2020). Особенности прямой демократии в Швейцарии. *Правоприменение*, 4(1), 49–55. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(1\).49-55](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(1).49-55)
21. Черкасов, А.И. (2018). Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения населения в процесс принятия решений на местном уровне. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 13(2), 190–215.

22. Buchan, D. (2012). *Outsiders on the inside: Swiss and Norwegian lessons for the UK*. London: Centre for European Reform.
23. *Direct democracy: The International IDEA handbook* (2008). Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance.
24. Ganser, D., & Kreis, G. (2007). *Swiss neutrality: Incompatible with EU membership?* In C.H. Church (Ed.), *Switzerland and the European Union. A close, contradictory and misunderstood relationship* (pp. 52–78). New York: Routledge.
25. Kuzelewska, E. (2016). Language policy in Switzerland. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 45(1), 125–140.
26. Schiller, T. (Ed.). (2011). *Local direct democracy in Europe*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-92898-2>

References

1. Agakishiev, E.G. (2018). Voprosy mestnogo referendumu: normativnye trebovaniya v Rossii i zarubezhnykh stranax [Local referendum issues: Regulatory requirements in Russia and foreign countries]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*, (8), 26–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.8.27551>
2. Auer, A. (2004). Referendумы v Shvejцarii [Referendums in Switzerland]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, (3), 152–155.
3. Bederson, V.D., & Shevtsova, I.K. (2021). Regionalistskie dvizheniya v sovremennoj Shvejцarii: primery Tichino i Bernskoj yury [Regionalist movements in contemporary Switzerland: Ticino and Bernese Jura cases]. *Sovremennaya Evropa*, (3), 50–60. <https://doi.org/10.15211/soveurope320215060>
4. Bliznekov, V.L. (2017). Zapret na stroitel'stvo minaretov v Shvejцarii vs svoboda veroispovedaniya v Evrope: pravovye, politicheskie i social'nye aspekty [The prohibition on the construction of minarets in Switzerland vs freedom of religion in Europe: Legal, political and social aspects]. *Sociologiya vlasti*, 29(4), 104–126. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-4-104-126>
5. Buchan, D. (2012). *Outsiders on the inside: Swiss and Norwegian lessons for the UK*. London: Centre for European Reform.
6. Cherkasov, A.I. (2018). Pryamaya i partisipacionnaya demokratiya kak sredstvo вовлечениya naseleniya v process prinyatiya reshenij na mestnom urovne [Direct and participatory democracy as the means of citizen's involvement into the local decision-making]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, 13(2), 190–215.
7. *Direct democracy: The International IDEA handbook* (2008). Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance.
8. Dubrovina, O. Yu. (2019). Shvejцariya: raspredelenie polnomochij mezhdru Konfederaciej i kantonami v sfere mezhdunarodnykh otnoshenij [Switzerland: The Delimitation of powers between the Confederation and the cantons in the field of international relations]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 70–79. <https://doi.org/10.15211/soveurope120197079>
9. Galas, M.L. (2014). Nekotorye aspekty institucionalizacii referendumov v novejshej istorii [Some aspects of referendum institutionalization in modern history]. *Prostranstvo i Vremya*, (2), 49–56.

10. Ganser, D., & Kreis, G. (2007). *Swiss neutrality: Incompatible with EU membership?* In C.H. Church (Ed.), *Switzerland and the European Union. A close, contradictory and misunderstood relationship* (pp. 52–78). New York: Routledge.
11. Gribovsky, V. S. (2020). Shvejcarskij referendum po voprosam immigracii [Referendum on immigration in Switzerland]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 74–79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620207479>
12. Kuzelewska, E. (2016). Language policy in Switzerland. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 45(1), 125–140.
13. Lafitskiy, V.I. (2019). Referendумы i narodnye iniciativы v sovremennoj social'no-e'konomicheskoj zhizni Shvejcarii [Referendums and popular initiatives in the modern socioeconomic life of Switzerland]. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, (2), 33–36.
14. Molokaeva, O.Kh. (2020). Municipal'naya demokratiya: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [Municipal democracy: Domestic and foreign experience]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyj zhurnal*, (2), 66–71.
15. Murtazaliev, A.M., & Gadzhiev, D.Z. (2020). Centralizaciya vlasti v zarubezhnyx federativnyx gosudarstvax: sravnitel'nyj analiz [Centralization of power in foreign federal states: A comparative study]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 35(1), 54–62. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2020-35-1-54-62>
16. Nesterova, T.P., & Chudinova, E.D. (2016). Razvitie regionov Yuzhnoj Shvejcarii i sozdanie kantona Tichino v 1803 godu [Development of South Switzerland regions and creation of canton of Ticino in 1803]. *Nauchnyj dialog*, (10), 250–260.
17. Nesterova, T.P., & Chudinova, E.D. (2017). Sozdanie Ital'yanskoj Shvejcarii: Kanton Tichino v XIX veke [Creating Italian Switzerland: Canton of Ticino in 19th century]. *Nauchnyj dialog*, (3), 189–201. <https://doi.org/0.24224/2227-1295-2017-3-189-201>
18. Rudenko, V.N. (2003a). Konstitucionnye modele referendumov v stranah Evropejskogo sojuza, Shvejcarii i Rossii [Constitutional models of the referendum in the countries of the European Union, Switzerland and Russia]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropskoe obozrenie*, (1), 10–20.
19. Rudenko, V.N. (2003b). *Prjamaja demokratiya: modeli pravlenija, konstitucionno-pravovye instituty* [Direct democracy: Models and constitutional-legal institutions]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN.
20. Salova, S.A. (2014). Referendum v Shvejcarii [Referendum in Switzerland]. *Aktual'nye problemy prava, e'konomiki i upravlenija*, (10), 96–98.
21. Samorodova-Bogutskaya, L. V. (2014). E'voljuciya instituta referendumov i narodnoj iniciativы v Shvejcarii: istoriko-pravovoj podxod (federal'nyj uroven') [The evolution of the institute of the referendum and popular initiative of federal rank in Switzerland: Historian-legal approach]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, (4), 135–148.
22. Schiller, T. (Ed.). (2011). *Local direct democracy in Europe*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-92898-2>
23. Solomonova, S. A. (2020). Osobennosti pryamoj demokratii v Shvejcarii [Features of direct democracy in Switzerland]. *Pravoprimerenie*, 4(1), 49–55. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(1\).49-55](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(1).49-55)

24. Velibekov, M.S. (2017). Tipy referendumov i osobennosti ix konstitucionnoj institucionalizacii v stranax zapadnoj Evropy [Types of referendums, and features of their constitutional institutionalization in Western Europe]. *Obrazovanie i pravo*, (5), 181–183.

25. Zhuravleva, A.M. (2017). Yazykovye konflikty i puti ix resheniya: opyt Shvejcarii [Language conflicts and ways to solve them: The Swiss experience]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*, (2), 1–13.

26. Zolotov, S.A., & Shilov, M.L. (2016). Bezuslovnyj osnovnoj dohod: sushhnost' i problemy realizacii [Basic income: Nature and problems of realization]. *Vestnik NGIE'I*, (9), 7–14.

Информация об авторе

Игорь Владимирович Аксёнов, депутат Законодательного Собрания Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aks-i@yandex.ru

Information about the author

Igor Vladimirovich Aksenov, Member of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aks-i@yandex.ru

РАЗГОВОРЫ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ НА ЦИФРОВЫХ КУХНЯХ*

Иван Владимирович Суслов,

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия,
suslov85@inbox.ru

Зарина Закиевна Кныжова,

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия,
knyzhova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Суслов И.В., Кныжова З.З. Разговоры о советском прошлом на цифровых кухнях // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 138–153. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_138

Аннотация

История – основа для конструирования национальной солидарности. В настоящее время происходит перелокализация пространства исторической памяти

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32221 «Инакомыслие и политизация творческой интеллигенции в современной России: значение и потенциал дискурсов и дискуссий в цифровом публичном пространстве».

© Суслов И.В., Кныжова З.З., 2022

в цифровую реальность, социальные сети и дигитальные архивы. Это формирует новую культуру участия аудитории и влечет за собой переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом. В статье анализируются интервью известных представителей творческой интеллигенции, посвященные советскому прошлому и размещенные на ютуб-платформе – своеобразном цифровом аналоге знаменитых «советских кухонь». Актуальность исследования обусловлена непреходящей ценностью сравнений советского прошлого и российского настоящего, а также нарастающей политизацией творческих профессий и общей цифровизацией повседневности. Традиционное восприятие «поэта в России – больше, чем поэта» наполняется новыми деталями цифровой эпохи. Эмпирическую базу исследования составил корпус интервью (n=49), вышедших на ютуб-каналах Ю. Дудя¹, К. Собчак, И. Шихман и Д. Быкова в 2018–2021 гг. Приглашенными гостями стали не только оппозиционные, но и поддерживающие власть деятели, а также некоторые аполитично настроенные представители мира российской культуры. В результате проведенного анализа авторы статьи приходят к выводу, что политические высказывания творческой и интеллектуальной элиты задают схемы восприятия политической действительности и оказывают влияние на рост критического или лоялистского отношения к власти и (дез) активизацию гражданского самосознания. Другими словами, дискурсивная деятельность агентов/актеров/лидеров духовно-культурной сферы России в контексте цифровизации публичного пространства оказывает все большее влияние на современные политические процессы.

Ключевые слова:

историческая память, цифровизация политики, лидеры общественного мнения, оппозиция, политический процесс, политика памяти, политический дискурс.

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_138

CONVERSATIONS ABOUT THE SOVIET PAST IN DIGITAL KITCHENS

Ivan V. Suslov,

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
suslov85@inbox.ru

Zarina Z. Knyzhova,

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
knyzhova@mail.ru

Article received on January 24, 2022, accepted on May 4, 2022

¹ Признан в России СМИ-иноагентом.

For citation: Suslov, I.V., Knyzhova, Z.Z. (2022). Conversations about the Soviet Past in Digital Kitchens. *Discourse-P*, 140 (2), 138–153. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_138

Abstract

History is the basis for the national solidarity construction. Currently, the space of historical memory is moving into digital reality, social networks, and electronic archives. It creates a new culture of audience participation and entails rethinking of individual and collective memory of the past. The article analyzes interviews of famous intellectuals about the Soviet past posted on the YouTube platform, a kind of digital analogue of the famous “Soviet kitchens”. The relevance of the study is explained by the enduring value of comparisons between the Soviet past and the Russian present, as well as the growing politicization of creative professions and the general digitalization of everyday life. The traditional perception that “a poet in Russia is more than a poet” is being filled with new details of the digital age. The empirical base of the study is a corpus of interviews (n=49) published on the YouTube channels of Yu. Dud², K. Sobchak, I. Shikhman, and D. Bykov in 2018–2021. The interviewees were not only opposition figures, but also those who support the government, as well as some apolitical representatives of the Russian culture. The authors of the article come to the conclusion that political statements of the creative and intellectual elite set the patterns of political reality perception and influence the growth of a critical or loyalist attitude towards the authorities and (de) activation of civic consciousness. In other words, the discursive activity of agents/actors/leaders of the spiritual and cultural sphere of Russia in the context of the digitalization of public space has an increasing influence on modern political processes.

Keywords:

historical memory, digitalization of politics, public opinion leaders, opposition, political process, politics of memory, political discourse.

История – основа для конструирования национальной солидарности. Наличие тесной связи между национальной и исторической политикой является общим местом в социально-гуманитарных науках. Данные исследования идут в логике, заданной О. Ю. Малиновой и А. И. Миллером: историческая политика позволяет конструировать национальную идентичность и выполнять миро-воззренческую функцию, определяя смысловое поле рефлексии современных процессов.

С одной стороны, в рамках социальных наук возможно изучение публичных отсылок к советскому прошлому как инструменту официального дискурса, конструирующего национальную макроидентичность (Малинова, 2016; Chaisty & Whitefield, 2016). С другой стороны, научный интерес может представлять об-

² Recognized in Russia as a foreign media agent.

суждение позитивных/негативных высказываний современной политической оппозиции/элиты о советском прошлом и их политического потенциала (Engström, 2014; Kuzio, 2018).

Нельзя также не отметить, что в дискурсе современной (в основном не-системной) оппозиции, а также критически настроенном научном сообществе зачастую звучат тезисы о сходстве принципов советской и российской внешней (и даже внутренней) политики. В поле зрения ученых попадают также исторические нарративы оппозиционных политиков (Малинова, 2019; Фомин, 2020), однако данный поворот не предполагает расширения источниковедческой базы и новаций в методологии. Историческая память представителей творческих профессий (как оппозиционных, так и лояльных власти) до сих пор остается в тени исследовательского интереса.

Особенности изучения памяти творческих профессий

Механизмы формирования и особенности памяти в конкретных социальных группах и средах занимают (в связи со сложностью их изучения) второстепенное место в общем потоке научных публикаций о политике памяти. Безусловно, движение эмансипации (в широком смысле слова) второй половины XX в. актуализировало исследование памяти дискриминируемых социальных групп (женщин, этнических и расовых меньшинств). Однако социальная память групп, не обладающих возможностями или желанием влиять на официальный исторический нарратив, общественное мнение и массовое сознание, носит изначально эксклюзивный характер. Обращение к методологическому наследию П. Нора (1999) позволяет определить ютуб-источники эмпирических данных как своеобразные «места памяти».

В данной статье предлагается обратиться к нарративам о советском прошлом, которые предложены известными представителями творческих профессий во время интервью, размещенных на популярных ютуб-каналах. Следует отметить, что главными темами являлись детали биографии, ценностный мир селебрити, однако в разговоре о прошедших событиях, при оценке настоящей действительности, а также в размышлениях о будущем совершались отсылки к жизни во времена СССР. Тем самым в научный оборот вводится новый корпус текстов, созданных не в логике политической борьбы или государственной политики, а в логике экзистенциальных размышлений о мировоззренческой позиции представителей творческой интеллигенции.

Можно предположить, что ведущие ютуб-журналисты, поднимая данные темы в своих интервью, целенаправленно пытаются «разговорить» своих собеседников (как оппозиционных, так и лояльных власти), транслируют существующий общественный тренд на актуализацию памяти о советском прошлом (или запрос на необходимость очередного осмысления советского прошлого). При этом чаще всего разговору заходят о периодах застоя и перестройки, хотя ученые в большинстве случаев обращаются к памяти о революциях (Мошкин, 2021) и войнах (Русакова, Русаков, 2017), а интерес к памяти об иных периодах истории СССР существенно ниже.

Настоящая статья, во-первых, предлагает ввести в оборот новый корпус источников, во-вторых, поместить в центр методологической оптики новую со-

циальную группу, чье воздействие на память российского общества происходит в цифровом пространстве и определяется не политическим статусом, а широкой известностью у аудитории.

Значение и механизмы воспроизводства коллективной социальной памяти рефлексированы с опорой на идеи М. Хальбвакса (2006), определяющего коллективную память как место сосредоточения ценностей и моральных ориентиров развития современного социума. Исследование социальной памяти позволяет рассуждать о ценностях, скрепляющих общество, а значит, о роли советских культурных кодов при интерпретации современных реалий.

Исследование памяти в цифровую эпоху

Известные представители сферы культуры в последние годы получили благодаря цифровым технологиям (страницам в социальных сетях) широкий доступ к пастве своих поклонников (и, как это ни парадоксально, хейтеров) в обход официальных средств массовой информации или старых медиа, что лишь добавило актуальности исследованиям памяти известных личностей культурной сферы о советском прошлом. Важными акторами трансляции памяти творческой интеллигенции в массы становятся ютуб-журналисты, которые на своих каналах/кухнях дают возможность (зачастую провокативным образом) персонам из сферы культуры сформировать свой нарратив о советском.

В настоящее время, как отмечает А. Ассман (2016), происходит перелокализация пространства памяти в цифровую реальность, социальные сети и дигитальные архивы. На наших глазах рождается и утверждается о своих правах концепт «киберпамять», который К. Штоп-Рутковска (2015) определяет как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» (с. 132–133).

Цифровая форма, в которую облачается память (в частности, на ютуб-платформах), как утверждает Г. Дженкинс (Jenkins, 2006), создает новую культуру участия аудитории. Другими словами, статус создателей исторических нарративов, а также миллионные просмотры интервью позволяют определить их как сильных инфлюенсеров, формирующих представления о прошлом у широкой аудитории их поклонников, а также подписчиков ютуб-канала, что позволяет говорить об инклюзивном характере данного процесса.

Подробный анализ альтернативных позиций воспоминаний о советском обществе предлагается в статье Л.Б. Зубановой (2020). Автор, проанализировав восприятие интернет-аудиторией фильмов Юрия Дудя³ «Колыма – родина нашего страха», Алексея Пивоварова⁴ «Ржев – русская долина смерти» и Катерины Гордеевой «Афган. Человек (не) вернулся с войны», отмечает, что медиапроекты вызвали явный интерес аудитории, что говорит об актуализации событий советской истории. Данный вывод сделан на основании высоких рейтингов (просмотров) и высокой активности интернет-пользователей по созданию

³ Признан в России СМИ-иноагентом.

⁴ Признан в России СМИ-иноагентом.

комментариев, не только на сам медиапродукт, но и на отзывы других зрителей. Качественный анализ цифровых дискуссий позволил Л.Б. Зубановой сделать вывод, что зрители, оставившие комментарии, во-первых, часто сравнивают прошлое и настоящее, во-вторых, оспаривают официальную (государственную) версию трактовки истории, предлагая альтернативные позиции воспоминания о советском прошлом.

Таким образом, в цифровом пространстве (в частности, на ютуб-каналах как новых местах памяти) происходит активное переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом.

Актуальность, источники, методы

Актуальность данного исследования обосновывается несколькими соображениями. Во-первых, позиции, суждения, взгляды творческой интеллигенции (как оппозиционной, так и лояльной власти) исторически обладали серьезным весом и были способны если не сформировать общественное мнение, то выступить фактором, воздействующим на общую социальную атмосферу. Во-вторых, ютуб-интервью (набирающие в последнее время все большую популярность) отличаются большей свободой выбора тем и персоналий в отличие от традиционных телевизионных разговоров со знаменитостями. В-третьих, все большую популярность в качестве тем для разговоров приобретает оценка исторического (в первую очередь советского) прошлого.

С 2018 по 2021 гг. на ютуб-каналах Юрия Дудя⁵, Ксении Собчак, Ирины Шихман, Дмитрия Быкова было опубликовано свыше 200 интервью с известными актерами, музыкантами, режиссерами, певцами, писателями, представителями шоу-бизнеса. В 49 случаях (т. е. примерно в 25 % интервью) собеседники иногда целенаправленно, иногда случайно выходили на обсуждение советского прошлого.

Эмпирической базой настоящего исследования стали интервью с 7 рок-музыкантами, 6 писателями, 6 исполнителями популярной музыки, 4 рэп-музыкантами, 8 актерами, 5 комик-актерами, 6 телеведущими и журналистами, 7 режиссерами. Творческих людей сложно классифицировать по их политико-идеологическим позициям, тем не менее в исследуемом пуле оказались представители всех идеологических мастей, от либералов-западников до социалистов-государственников. При этом выяснилось, что многие деятели культуры, по их словам, совершенно не интересуются политикой, другие, наоборот, ходят на митинги и даже баллотируются на выборах в Государственную Думу.

Забегая вперед, отметим, что профессиональная принадлежность и политические предпочтения слабо коррелируют с восприятием советского прошлого. Сравнительный анализ по-разному политически ориентированных типов интеллигенции в отношении к советскому прошлому провести не удалось. Однако были зафиксированы некоторые поколенческие различия и выявлены наиболее значимые позиции относительно представлений об эпохе СССР.

Определение особенностей и классификация нарративов о советском и есть основная цель настоящей статьи. Анализ текстов интервью предпола-

⁵ Признан в России СМИ-иноагентом.

гал определение того, в рамках каких дискурсивных стратегий задействуются те или иные отсылки к советскому прошлому.

В качестве методологической основы использовался дискурс-подход М. Райзигла и Р. Водак (Reisigl & Wodak, 2001) с определением дискурсивных стратегий представителями творческой интеллигенции в разговорах о советском. В ходе анализа текстов интервью обращалось внимание на референциальные стратегии именования, предикативные стратегии, связанные с характеристиками социальных субъектов деятельности, феноменов, процессов советского прошлого, а также стратегии аргументации собственной позиции.

Использование «обоснованной теории» при анализе текстов позволило выделить следующие коды, проблемы, чаще всего затрагиваемые в интервью: общее отношение к СССР, конкретные явления советской повседневности и их оценка, а также стратегии проведения параллелей между прошлым и настоящим. Кроме того, интерес представляет определение респондентами причин распада СССР, выражение отношения к деятельности Б.Н. Ельцина и последующему (или первому постсоветскому) десятилетию.

Определение устойчивых политико-культурных кодов в рассуждениях представителей творческих профессий о взаимоотношениях с властью, протестных настроениях опирается на метод когнитивного картирования (Olazabal et al., 2018), направленного на поиск в структуре мышления устойчивых конструкций анализа политических ситуаций и выбора собственных стратегий поведения. Однако в последнее время исследователи переориентируются с анализа индивидуальных когнитивных карт на создание коллективных, способных прояснить ментальный мир, логику мышления и систему принятия решения у определенных социальных групп (Wang et al., 2018).

В нарративах исследуемой группы оказалось возможным обнаружить повторяющиеся сюжеты, тезисы или, другими словами, коды. Похожие мысли, высказанные даже всего лишь в 2–3 интервью, подвергались кодированию и анализу как значимые коды, пусть и не нашедшие (из-за вышеприведенных особенностей формата ютуб-интервью) своего отражения в других беседах. Таким образом, данная статья построена в первую очередь в русле качественного анализа, позволяющего наполнить теоретическую модель взаимодействия власти и творческой интеллигенции как можно большим количеством *смыслов, нарративных схем и кодов*.

Результатом анализа является определение позиций представителей творческой интеллигенции (как оппозиционных, так и лояльных власти) по дискуссионным вопросам советского прошлого, а также выяснение причин их формирования и предложение гипотез, объясняющих отсутствие консенсуса по поводу отношения к прошлому.

Следует отметить, что свое мнение о СССР высказывали также персонажи, которые не могли похвастаться продолжительным личным опытом знакомства с советской эпохой. Так, только трое родились при жизни Сталина, четырнадцать – в период оттепели и раннего застоя, двадцать два – в 1970-е гг., девять – в 1980-е гг., двое уже в конце 1990-х гг. Таким образом, самыми активными ретрансляторами знаний о советском прошлом, авторами нарративных схем воспоминаний оказывается поколение 1970-х гг., чья ностальгия о советском детстве активно изучается в отечественной социальной науке (Абрамов, 2019).

Подчеркнем еще раз актуальность отношения к советскому прошлому следующим фактом. Из всех, кто во время интервью высказывался о прошлом, лишь двое (Яна Троянова, Дельфин) отметили свою некомпетентность, нерелевантность в понимании советского (в широком смысле), сославшись на подростковый возраст. Остальные, родившиеся в 1970-е и 1980-е гг., продемонстрировали определенное отношение к СССР, пусть даже и сформировавшееся не на основе личного опыта, а опосредованно. Семен Трескунов прямо упоминает посещение музея ГУЛАГа, а Екатерина Иванчикова – чтение Довлатова. Кроме того, лишь в немногих беседах высказывалась идея о сложности оценки советского прошлого. Так, Сергей Светлаков заявил: «Должно пройти время и смениться поколения. Нельзя сейчас трогать Ленина, не пришло просто время. Сейчас оценку давать нельзя». Дмитрий Губерниев даже отмечал наличие в обществе опасного «нерва», связанного с высоким уровнем одобрения сталинского периода в современной России, что способно стать фактором возможного возвращения к использованию некоторых тоталитарных форм и практик.

Образ СССР в интервью

Анализ воспоминаний о советском следует начать с общей оценки творческой интеллигенцией данного исторического периода. В большей части интервью (в 22 из 49) Советский Союз предстал в качестве отвратительного государства, в котором процветало лицемерие, насилие и ложь. По словам Максима Виторгана, «это была настолько уродливая система, что никто ни во что не верил. Это был бесконечный парад лицемерия». Разрушение СССР горячо приветствовалось как пример победы сил добра над злом. Основные претензии к советскому строю формулировались с помощью обращения к категориям морали и сводились к основному выводу о невозможности для нормального человека существовать, сохраняя внутреннюю свободу и не поддаваясь растлевающему воздействию коммунистической идеологии.

Положительные оценки жизни в СССР достаточно редки на общем фоне негатива. Валерий Меладзе рассуждал о превращении человека в высокообразованного творца новых технологий, шедевров искусства и знаний как о конечной цели построения коммунизма. Лолита Милявская подчеркивала роль образования в появлении в СССР широкого слоя думающих людей, поддерживающих диссидентов и способных критично оценивать реальность, в том числе советскую политическую систему. Захар Прилепин отмечал демократичность (доступность широким слоям населения) советской системы образования, которая являлась важнейшим социальным лифтом и фактором высокой вертикальной социальной мобильности.

В 6 интервью известные представители мира культуры положительно отзывались о советском кинематографе, которому даже цензура, якобы, шла на пользу, что в целом можно назвать одной из стратегий сопротивления доминирующему негативному дискурсу о СССР.

Действительно, современная цензура в анализируемых интервью не связывается напрямую с желаниями политиков ограничить свободу слова, самовыражения и критику власти. Напротив, речь обычно велась о запрете сквернословить, оскорблять чувства верующих, а также самоцензуре, корни которой,

кстати, растут из советского прошлого, но виновным признается не столько режим, сколько инерция граждан, общества и самих артистов/режиссеров, по непонятным причинам продолжающих соблюдать осторожность.

В ходе анализа текстов интервью было выяснено, какие периоды в истории СССР чаще всего вспоминали респонденты. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Оценка периодов истории XX в. знаменитостями мира творчества и шоу-бизнеса (составлено авторами)

Table 1 – Evaluation of periods in the history of the 20th century by celebrities of the world of creativity and show business (compiled by the authors)

№ п/п	Периоды в истории XX столетия	Положительная оценка	Отрицательная оценка
1	Новая экономическая политика (НЭП) (1921–1929)	2	0
2	Сталинский период (1929–1953)	1	11
3	Хрущевская оттепель (1953–1964)	1	0
4	Брежневский застой (1965–1982)	7	9
5	Горбачевская перестройка (1985–1991)	8	1
6	1990-е гг.	4	5

Наиболее популярной эпохой оказывается брежневский застой, при этом картина в разговорах со знаменитостями написана не только негативными, но и позитивными красками: в 7 интервью его вспоминают со знаком плюс, в 9 – со знаком минус. Период сталинского правления составляет серьезную конкуренцию брежневскому застою. 1930-е гг. упоминаются в 11 беседах и представлены исключительно в черном свете как время репрессий.

Представители творческой интеллигенции упоминали и время перестройки. В 8 случаях респонденты говорили о своем личном, но опосредованном (через творчество) вкладе в расшатывание основ советского строя, а также о своем участии в митингах, демонстрациях и т. д. При этом упоминалась и роль огромных масс населения в распаде СССР. Лишь в одной беседе представлена попытка нарисовать более сложную картину рождения постсоветской России, с упоминанием в том числе и экономических факторов. Клим Шипенко: «Конструкция ослабла, она сильно ослабла во многом из-за экономических факторов. Эти вещи во многом имеют мистическую подоплеку. Много совокупностей... начинает крыша подтекать, тут проводка начинает искриться, это комбинация таких вот вещей, дом рушится не в один прекрасный день, все хорошо, солнечно и вдруг он – бац, разрушился».

В 3 интервью в близких формулировках отмечалась роль в развале СССР либеральной когорты политиков, пришедших к власти. Неожиданно любопытное

наблюдение связано с оценкой последующего развития России. Позитивные краски по отношению к 1990-м гг. в анализируемых текстах встречается крайне редко. Напротив, следует отметить сочувствие к фигуре Горбачева (например, у Андрея Кончаловского и Чулпан Хаматовой), а также нечастые, но крайне нелицеприятные оценки роли Ельцина и последующего за распадом СССР масштабного социального кризиса.

Десятилетие после развала СССР оценивается в нескольких беседах крайне негативно и эмоционально. Вот, к примеру, высказывание Гарика Сукачева: «И начался геноцид русского народа, чеченская война, дикий развал страны, кошмар, олигархи, бандитизм». Также встречаются более умеренные оценки. Борис Акунин: «Я к Ельцину отношусь без принятого интеллигентского умиления. У меня к нему большие претензии. Он не сумел справиться с демократической системой управления в стране».

Про периоды НЭПа и оттепели рассуждений в целом меньше, чем относительно других этапов, что говорит о дефиците глубоких исторических знаний по данным темам. О причинах распада СССР также оказывается очень сложно рассуждать. Определенная часть знаменитостей живет в предвкушении новой оттепели и перестройки, но боится себе в этом признаться, опасаясь возможных последствий краха существующей политической системы. Каким образом актуализируются события советского прошлого в разговорах о современности, пойдет речь далее.

Нарративные схемы актуализации советского прошлого

Об актуальности оценки советского прошлого для лучшего понимания настоящего свидетельствует тот факт, что лишь в 3 из 49 бесед не было обнаружено сравнения сегодняшнего положения страны и лично респондента с жизнью в СССР. В ходе анализа были обнаружены четыре нарративные схемы проведения параллелей между сейчас и тогда: *раньше было лучше, сейчас намного лучше, проведение аналогий, констатация преемственности*.

1. Меньшая часть (восемь) известных представителей творческих профессий отмечали *положительные стороны* советского периода, связанные с расцветом кинематографа, образования и общим уровнем доброты и доброжелательности. Таким образом в нарративах проявлялась попытка переосмыслить память о советском, расцветить однообразную картину светлыми тонами. Следовательно, можно говорить о попытках коммеморации советского. «Отношусь, как и снимаю, очень тепло» (Антон Лапенко); «солнечная страна моего детства... я чувствовал себя, в общем, в безопасности» (Алексей Иванов). Правда, позитивные воспоминания дополняются всегда оговорками. Антон Лапенко: «Я понимаю, что там было очень много плохого»; Алексей Иванов: «Было плохо то, что за меня всё решили... Я связан пропиской, талонами, прикреплением и т. д.»; Екатерина Иванчикова: «Здесь нужно быть бухим или тупым, потому что когда тебе указывают, что писать, петь, как смотреть, какие у тебя мотивы, внушают тебе».

2. Из тех, кто негативно оценивал советский строй, пятеро отметили отсутствие смысла в проведении параллелей между современной Россией и Советским Союзом, объясняя, что *сейчас жизнь намного лучше*. Гарик Сукачев заявил, что сейчас «свободы хоть обожрись», в том числе благодаря развитию инфор-

мационных технологий. Ингеборга Дапкунайте не замечает ограничений в искусстве, похожих на те, что существовали в советское время. Людмила Улицкая и Александр Иванов проводили параллели со сталинским периодом, отмечая очевидные положительные сдвиги в отношениях между властью и обществом сейчас.

Следующие две стратегии проводят непосредственные параллели между СССР и Россией, и в количественном отношении представлены в интервью более-менее равнозначно.

3.1. В 10 беседах проводились аналогии с жизнью в СССР с целью лучшего объяснения (и одновременно понимания) собственной мировоззренческой позиции. Старшие поколения отмечали, что их восприятие жизни, сформированное в СССР, практически не поменялось, и они продолжают оценивать современную ситуацию через оптику, настроенную еще в далеком прошлом. Молодые поколения рассуждали о своей позиции сегодня, сравнивая себя с человеком советским, и размышляли о выборе жизненного пути, в том числе и выстраивании отношения с властью, родись они в годы советской власти.

Модель проведения аналогий между своим творческим путем и судьбами советской интеллигенции может реализоваться как в нейтральном, позитивном, так и в негативном контекстах. Наиболее популярной в интервью оказывается ассоциация себя с советской интеллигенцией. «Мандельштам не мог не написать это стихотворение [*про Сталина*], потому что оно вот отсюда вырвалось. И не мог также отказаться от этого стихотворения. Для меня это пример, который позволяет мне, несмотря на то, как многие люди говорят «я боюсь, но тем не менее я делаю» (Владимир Котляров).

3.2. В 11 беседах аналогия с СССР позволяет оценить не собственную мировоззренческую позицию, а лучше описать происходящие сейчас политические события. Михаил Идов отмечал черты возвращения в период застоя: «Застой – это когда не генерируются новые идеи и смыслы, когда пространство вокруг тебя сжимается, и возникает ощущение удушья. Не террора, а просто с каждым днем становится труднее дышать. Любой человек, который скажет, что это не современные ощущения, и жизнь в современной России не наводит их на мысли об этом периоде, наверное, чуть-чуть покривит душой». Дмитрий Губерниев переживает существование опасности возвращения в 1930-е гг.: «У нас жив этот чертов нерв. Сейчас мы, к сожалению, видим, что прошлое готовится у некоторых людей стать настоящим. Нам бы дай волю, и этот маховик может включиться. Я чувствую это с большой опаской».

Максим Виторган объясняет интерес молодежи к политике и несанкционированным митингам возрастанием уровня цинизма, похожего на советский цинизм позднего застоя. При этом следует подчеркнуть, что респонденты не пытаются найти преемственность современных событий в прошлых эпохах. Данная стратегия будет описана ниже.

4. В 13 случаях современная российская политическая ситуация объясняется через констатацию непреодоленного влияния «тоталитарного прошлого». Однако в основном критикуются не современные политики или политические институты, которые перешли из прошлого в настоящее, а сами люди, не способные избавиться от паттернов мышления и поведения, сформировавшихся в СССР.

Преимственность чаще всего воспринимается в негативных контекстах и воплощается в поведенческих паттернах, берущих начало, в том числе, в советской системе: «Раболепствуют перед вышестоящими и хамят нижестоящим» (Катерина Гордеева); «Генетическая память, от нее никуда не деться. Я слышу в себе эти призывы: сжаться, «пожалуйста, только не я. Я ничего такого не сделал. Возьмите его! Я на него наступчу» (Семен Трескунов); «Ошибка и самоцензура в идиотичном виде, которая существует на всех уровнях, начиная с вахтеров. Это сменится само собой и поколениями» (Сергей Светлаков).

Катерина Гордеева описывала негативные черты «хомо советикус» (*homo soveticus*), Андрей Кончаловский говорил о необходимости поголовной индоктринации населения либеральными идеями, направленными на борьбу с коммунистическими ценностями. Алексей Иванов указывал на отрицательные свойства менталитета правящей элиты, сформированные еще в советское время.

Наш краткий вывод по поводу содержания интервью, проведенных с группой знаменитостей на ютуб-канале, можно свести к следующей краткой констатации: доминирующий тон воспоминаний об СССР, проявившийся в этих интервью, имеет отчетливо выраженную негативную окраску. Во многих беседах содержатся параллели между обозначенными в беседах негативными образами советского прошлого и угнетающей творческий дух атмосферой, царящей в современном российском обществе. У ряда респондентов прочно утвердился в сознании искаженный, отчасти карикатурный, образ советского человека, презрительно обозначаемый ими таким понятием, как «хомо советикус». Употребление данного термина стало известным маркером, выражающим состояние собственной гордыни, а именно – чувство духовного личного превосходства над примитивными по образу своей жизни советскими мелкими человечками.

Многие, сделанные в ходе интервью, негативные высказывания о советской эпохе далеко не безобидны. Следует учитывать, что идеи, настроения и мнения, транслируемые определенной группой либеральной интеллигенции, оказывают существенное влияние на духовные позиции современной творческой молодежи, являются привлекательными для сетевых потребителей «горячего» контента. В этой связи можно утверждать, что рассматриваемая нами группа интеллигенции выступает влиятельным коммеморативным актором современной политики памяти, который способен сформировать у пользователей социальных сетей общего, трактуемого в негативном ключе, непривлекательного образа советского прошлого. Подтверждение данного вывода требует специального, отдельного исследования, что особенно актуально в свете последних процессов радикального идейно-политического размежевания внутри российской интеллигенции, связанного с ее реакцией на проведение руководством страны специальной военной операции на Украине.

Список литературы

1. Абрамов, Р. Н. (2019). Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования. *Общественные науки и современность*, (5), 108–120. <https://doi.org/10.31857/S086904990006566-4>

2. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Зубанова, Л.Б. (2020). Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве. *Дискурс-Пи*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>
4. Малинова, О.Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
5. Малинова, О.Ю. (2017). Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (4), 6–22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>
6. Малинова, О.Ю. (2019). Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(3), 91–105. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>
7. Мошкин, С.В. (2021). Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. *Дискурс-Пи*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64
8. Нора, П. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
9. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, (1), 34–39.
10. Фомин, И.В. (2020). Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального). *Политическая наука*, (4), 221–245. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>
11. Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, (2–3), 8–27.
12. Штоп-Рутковска, К. (2015). Киберпамять, или о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин. *Социологические исследования*, (4), 130–139.
13. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
14. Chaisty, P., & Whitefield, S. (2016). Putin's nationalism problem. In A. Pikulicka-Wilczewska, & R. Sakwa (Eds.), *Ukraine and Russia: People, politics, propaganda and perspectives* (pp. 157–163). Bristol: E-International Relations Publishing.
15. Engström, M. (2014). Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*, 35(3), 356–379. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
16. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.
17. Kuzio, T. (2018). Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 337–347. <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>

18. Olazabal, M., Neumann, M.B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and reproducibility in participatory systems modelling: The case of fuzzy cognitive mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. <https://doi.org/10.1002/sres.2519>

19. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and discrimination*. London & New York: Routledge.

20. Wang, M., Wu, B., Kirschner, P.A., & Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.01.024>

References

1. Abramov, R.N. (2019). Otnoshenie k pozdnemu sovetскому proshlomu kak ob»ekt sociologicheskogo issledovaniya [Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, (5), 108–120. <https://doi.org/10.31857/S086904990006566-4>

2. Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.

4. Chaisty, P., & Whitefield, S. (2016). Putin's nationalism problem. In A. Pikulicka-Wilczewska, & R. Sakwa (Eds.), *Ukraine and Russia: People, politics, propaganda and perspectives* (pp. 157–163). Bristol: E-International Relations Publishing.

5. Engström, M. (2014). Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*, 35(3), 356–379. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>

6. Fomin, I.V. (2020). Narrativy o sovetском proshlom v diskurse rossijskoj vneparlamentskoj oppozitsii (na primere tekstov Alekseya Naval'nogo) [Narratives about the Soviet past in the discourse of the Russian non-parliamentary opposition (example of Alexei Navalny's texts)]. *Politicheskaya nauka*, (4), 221–245. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

7. Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2–3), 8–27.

8. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.

9. Kuzio, T. (2018). Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 337–347. <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>

10. Malinova, O.Yu. (2016). Oficial'nyj istoricheskij narrativ kak e'lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-x k 2010-m godam [The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian State: From the 1990s to the 2010s]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

11. Malinova, O.Yu. (2017). Kommemoraciya istoricheskix sobytij kak instrument

simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: Possibilities of comparative analysis]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (4), 6–22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>

12. Malinova, O. Yu. (2019). Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformax 1990-x gg. v liberal'nom diskurse 2000-x gg. [Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyx nauk*, 20(3), 91–105. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>

13. Moshkin, S. V. (2021). Politika pamyati ob Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. [The 1917 October revolution memory politics]. *Diskurs-Pi*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

14. Nora, P. (1999). *Franciya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

15. Olazabal, M., Neumann, M. B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and reproducibility in participatory systems modelling: The case of fuzzy cognitive mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. <https://doi.org/10.1002/sres.2519>

16. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and discrimination*. London & New York: Routledge.

17. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). Politika istoricheskoy pamyati i Velikaya Otechestvennaya vojna [Politics of historical memory and the Great Patriotic War]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyx i politicheskix issledovanij*, (1), 34–39.

18. Stop-Rutkovska, K. (2015). Kiberpamyat', ili o chem my (ne) pomnim v seti. Analiz lokal'noj pamyati: Belostok i Lyublin [Cyber-memory, or: What we do (not) remember in the Net. An analysis of local memory: Bialystok and Lublin]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (4), 130–139.

19. Wang, M., Wu, B., Kirschner, P. A., & Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.01.024>

20. Zubanova, L. B. (2020). Media-reprezentacii pamyati: dominiruyushhie kody prochteniya travmatichnyx sobytij v internet-prostranstve [Media representations of memory: Dominant codes for reading traumatic events in the Internet]. *Diskurs-Pi*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>

Информация об авторах

Иван Владимирович Сулов, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>, e-mail: suslov85@inbox.ru

Зарина Закиевна Кныжова, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5941-5380>, e-mail: knyzhova@mail.ru

Information about the authors

Ivan Vladimirovich Suslov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>, e-mail: suslov85@inbox.ru

Zarina Zakievna Knyzhova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5941-5380>, e-mail: knyzhova@mail.ru

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_154

**ДИСКУРС ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ:
ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ***

Рецензия на книгу: Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 312 с.

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

© Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю., 2022

Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moisseenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2022, принята к публикации 13.06.2022

Для цитирования: Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154-171. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

Аннотация

Возросший интерес научного сообщества к поиску стратегий интерпретации прошлого, проблематике памяти и исторической политике оказал значительное влияние на формирование такого отдельного направления в рамках социально-гуманитарных наук, как «исследования памяти» (memory studies). Но, несмотря на множество работ, посвященных разнообразным аспектам памяти, в том числе анализу коммеморативных практик и выявлению основных акторов, символическая сторона политики памяти все еще остается на периферии научного дискурса. В этой связи настоящая рецензия посвящена аналитическому обзору ряда статей сборника «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе», изданного в Санкт-Петербурге в 2021 г. под редакцией В.В. Лапина и А.И. Миллера. В первую очередь внимание рецензентов привлекли работы методологической направленности, раскрывающие содержание ключевых понятий символической политики и формирующие ее понятийно-категориальный аппарат. Также в сферу критического внимания рецензентов вошло разграничение предметных областей таких феноменов, как «символическая политика» и «политика памяти». Были проанализированы структурные компоненты политики памяти в контексте их практического воплощения. Особый интерес вызвали работы, исследующие символические репрезентации, связанные с современными музейными и коммеморативными практиками историко-реконструкторского толка. Выбор статей для рецензирования обусловлен их теоретико-методологической направленностью и насыщенностью дискурсного видения предмета исследования. Авторы обзора стремились провести анализ работ посредством применения критической оптики, что свидетельствует об открытом характере исследовательского вопроса.

Ключевые слова:

политика памяти, символическая политика, официальный дискурс, нарратив, мнемонический актер, коммеморативные практики, пантеон героев.

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_154

DISCOURSE ON THE POLITICS OF MEMORY: STUDIES OF SYMBOLIC ASPECTS*

Book review: Lapin, V. V., & Miller, A. I. (Eds.). (2021). Symbolic aspects of memory politics in present-day Russia and Eastern Europe. Saint Petersburg: European University Press

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moiseenko@mail.ru

Article received on May 27, 2022, accepted on June 13, 2022

For citation: Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., Moiseenko, Ya.Yu. (2022). Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects. *Discourse-P*, 19(2), 154–171. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

* The research was funded by RFBR according to the project № 21-011-43023 “The official discourse of Russian politics of memory concerning the Soviet past: interpretation strategies, actors and commemorative practices”.

Abstract

The increased interest of the scientific community in the search for strategies for interpreting the past, the problems of memory and historical politics has had a significant impact on the formation of such a research direction within the social sciences and humanities as “memory studies”. But despite a number of works devoted to different mnemonic aspects, including the analysis of commemorative practices and the identification of the main actors, the symbolic side of the politics of memory still remains on the periphery of the scientific discourse. That is why the present article provides an analytical review of several works from the collection *Symbolic aspects of memory politics in present-day Russia and Eastern Europe*, published in Saint Petersburg in 2021, edited by V.V. Lapin and A.I. Miller. First and foremost, the reviewers’ attention was attracted by papers on methodological issues, revealing the key concepts of symbolic politics and forming its conceptual and categorical apparatus. Delimitation of such phenomena as “symbolic politics” and “politics of memory” in terms of their subject areas is within the remit of the reviewers’ critical attention as well. The structural components of the politics of memory were analyzed in the context of their practical implementation. The works exploring symbolic representations associated with modern museum commemorative practices of the historical and reconstructive sense were of particular interest. The choice of papers for reviewing was due to their theoretical and methodological orientation and discursive saturation of the research subject vision. The authors of the review sought to analyze the works through the use of critical perspective, which indicates the controversial nature of the research issue.

Keywords:

politics of memory, symbolic politics, official discourse, narrative, mnemonic actor, commemorative practices, pantheon of heroes.

Введение

Проблематика политики памяти, исторического прошлого и коммеморативных практик широко востребована и находит отражение в ряде работ отечественных ученых (Ковба, Грибовод, 2020; Миллер, Ефременко, 2018; Мошкин, 2021; Русакова, Русаков, 2019). В современной России осуществляют деятельность научные центры, занимающиеся изучением разных аспектов памяти о прошлом, например, Российское военно-историческое общество (РВИО), Российское историческое общество (РИО), Центр изучения культурной памяти и символической политики в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и др.

За последние годы в ряде постсоветских стран сформировались антагонистические тренды по отношению к российской политике памяти, согласно которым советский период трактуется как время коммунистической оккупации и колониальной политики, а судьба восточно-европейских народов – как целовеческая трагедия, как переживание состояния жертвы, испытавшей различные виды угнетения и насилия от социалистического режима. При этом данная модель политики памяти не просто монополизируется государственными мне-

моническими акторами, но представляется ими как единственно верная и безальтернативная. Любая иная трактовка исторического прошлого воспринимается как идеологическая диверсия, направленная против единства и национального сплочения социума. Отсюда берет свои начала повышенная законодательная активность государственных органов стран Восточной Европы, направленная на создание целой серии правовых актов, накладывающих запрет на попытки оспорить предлагаемые собственным государством интерпретации исторического прошлого. Результатом данной законотворческой деятельности становится воинственный дискурс политики памяти, неуязвимый для какой бы то ни было конструктивной критики. Этот дискурс одновременно выступает как фактором, упрочивающим нарратив виктимизации собственного народа, так и фактором секьюритизации (обеспечения национальной безопасности) собственного государства (Миллер, 2020, с. 13–14).

Сборник статей «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе» логически продолжает серию ранее подготовленных коллективных работ (Миллер, Ефременко, 2018, 2020), посвященных тематике политики памяти и выполненных под руководством А.И. Миллера – доктора исторических наук, профессора факультета истории ЕУСПб, научного руководителя Центра изучения культурной памяти и символической политики в ЕУСПб, ведущего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН. В сборнике представлены статьи, написанные по материалам докладов, сделанных на научной конференции «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе», которая прошла осенью 2019 г. в ЕУСПб.

Все статьи сборника можно тематически разделить на четыре основные группы. В *первую группу* входят работы преимущественно теоретико-методологического характера, они раскрывают содержание ключевых понятий, составляющих категориальный арсенал символической политики. Кроме этого, в статьях рассматриваются структурные компоненты этой политики в контексте монументальных коммеморативных практик, связанных с запечатлением в коллективной памяти наиболее значимых исторических событий и выдающихся личностей. К данной группе мы отнесли следующие статьи: «Введение» (авторы – О.Ю. Малинова, А.И. Миллер); «Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях» (автор – М.А. Липман); «Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение» (автор – К.А. Пахалюк).

Ко *второй группе* отнесены статьи, раскрывающие на конкретных примерах применение тех или иных элементов символической политики в региональных коммеморативных практиках. К таковым относятся: «Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии» (автор – Д.Н. Прасолов); «Белая армия, черный барон»: интерпретация образа П.Н. Врангеля в символической политике современной России» (автор – Д.А. Аникин); «Иркутские режимы памяти об адмирале: практики работы с «колчаковским историческим наследием» (автор – Д.В. Козлов); «Выдуманная столица: конструирование памяти о событиях 1918 г. и 1941–1943 гг. в Самаре» (автор – Я.А. Голубинов); «Канонизация адмирала Ф.Ф. Ушакова – акторы и бенефициары» (автор –

В.В. Лапин); «А.П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических интерпретаций» (автор – А.Т. Урушадзе).

В *третью группу* включены статьи, которые посвящены символическим репрезентациям, связанным с современными музейными и историко-реконструкторскими коммеморативными практиками. К ним относятся: «Экспозиция в Музее Победы как индикатор политики памяти в современной России» (автор – С.И. Белов); «Память о блокаде, символы и пространственные метафоры: архитектурный конкурс и дискуссия о создании Музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда» (автор – А.Ю. Павловская); «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики» (автор – К.М. Королев); «(Военно)-историческая реконструкция» в России как символ прошлого в политике памяти» (автор – Е.А. Колосков).

Четвертая группа включает статьи, раскрывающие зарубежные кейсы, репрезентирующие конкретные символические аспекты национальной политики памяти: «Коммеморация и конфликт: мемориальный комплекс «Вечность» и символическое измерение политики в Молдове в 2000-е гг.» (автор – А.А. Воронович); «Гражданская солидарность, протест-праздник и поминовение усопших: «Бессмертный полк» в Киеве в 2019 г.» (автор – А.А. Плеханов); «Голодомор как субъект символической политики» (автор – Г.В. Касьянов); «К вопросу о некоторых особенностях дизайна банкнот украинской гривны» (автор – Д.С. Парфирьев); «Югославизм как историко-политический метанарратив» (автор – Д.В. Ефременко).

Настоящая рецензия посвящена аналитическому обзору некоторых статей, отнесенных к первой и третьей группам, поскольку именно в них исследуются ключевые компоненты символической политики как общей теоретико-методологической рамки политики памяти, определяется общая траектория изучения мира символического, репрезентируемого в ее конкретных моделях, а также раскрываются отдельные элементы инфраструктуры памяти.

Результаты исследования

Во Введении к сборнику *О.Ю. Малинова и А.И. Миллер* стремились в очередной раз разъяснить собственное понимание методологического спора о соотношении понятий «политика памяти» и «символическая политика». Данный вопрос неоднократно поднимался в ряде других курируемых ими изданий (Малинова, 2015, 2018). В частности, схема соотношения таких категорий, как «историческая политика», «политика памяти», «политическое использование прошлого» и «символическая политика», ранее была предложена О.Ю. Малиновой (подробнее см. Малинова, 2018).

Согласно представленной схеме, самым широким понятием является «символическая политика», которая трактуется как публичная деятельность, направленная на производство разнообразных способов интерпретации социальных явлений и связанная с борьбой за доминирование той или иной интерпретации реальности (Малинова, Миллер, 2021, с. 11). Однако если пользоваться данным определением символической политики, закономерно возникает вопрос, чем же понятие «символическая политика» отличается от категории «политический

дискурс»? Ведь если руководствоваться трактовкой символической политики, данной О.Ю. Малиновой, выделенные ею характеристики символической политики вполне можно отнести к ключевым свойствам политического дискурса. Действительно, в работах Я. Торфинга – одного из разработчиков постмодернистской концепции политического дискурса – можно обнаружить целый ряд высказываний о том, что политический дискурс есть способ производства различных интерпретаций реальности, между которыми ведется борьба за доминирование (Torfing, 2005, pp. 10–17). Аналогичные характеристики политического дискурса даются в статьях российских исследователей (Русакова, 2008, с. 114; Русакова, Русаков, 2011, с. 98–99).

Весьма неясным оказывается разграничение предметных областей таких феноменов, как «политическое использование прошлого», «политика памяти» и «историческая политика». Первое из трех понятий по степени общности, согласно О.Ю. Малиновой, шире всех остальных, располагается над политикой памяти, тогда как историческая политика трактуется в качестве частного случая политики памяти. При этом политику памяти предлагается понимать в качестве «деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование подерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» (Малинова, Миллер, 2021, с. 15).

С нашей точки зрения, не принципиально разграничивать предметные сферы всех трех понятий, поскольку в историографической практике они часто употребляются в качестве синонимов (см. Ачкасов, 2012, с. 137; Нелина, 2020, с. 249). Вместе с тем мы полагаем, что *главной характеристикой политики памяти выступает ее общая нацеленность на управление со стороны государства и иных мнемонических акторов коллективной памятью народа путем производства определенных способов интерпретаций прошлого, конструирования политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов, которые посредством коммеморативных практик, социально-гуманитарных ресурсов «инфраструктуры памяти» и технологий прочно закрепляются в сознании и поведении граждан, что в итоге формирует национальную идентичность и укрепляет легитимность существующей власти.*

Опираясь на данное определение, можно утверждать, что политика памяти, понятая как система государственного управления коллективными представлениями о прошлом, включает в свою внутреннюю структуру конкретные элементы символической политики, а вовсе не наоборот. В этой связи мы считаем, что название сборника выбрано совершенно правильно, поскольку по отношению к политике памяти речь может идти только об ее символических аспектах, к которым относится тот или иной репертуар символических объектов (идеи, знаки, символы, образы, нарративы, памятники, ритуалы и др.). Данные объекты формирует и закрепляет в своих коммеморативных практиках действующая система политики памяти, обладающая институциональной инфраструктурой и набором ресурсов.

Другими словами, вопрос о соотношении предметных полей символической политики и политики памяти решается посредством выбора ракурса и фокуса исследования. В том случае, когда объектом исследовательского внимания

становятся символические аспекты политики памяти, предметное поле данной политики предстает в качестве общей рамки, включающей в себя определенные элементы символической политики в качестве содержания. Если же внимание сфокусировано на символической политике со всеми ее ресурсами, компонентами, акторами, практиками и др., то тогда политика памяти окажется частным случаем по отношению к предметному полю символической политики. В этом плане представленная во Введении схема соотношения понятий (Малинова, Миллер, 2021, с. 15), с нашей точки зрения, нуждается в дополнительном разъяснении, поскольку не отражает зафиксированный в названии сборника ракурс общего исследования.

Кроме того, стоит отметить предложенную О.Ю. Малиновой «модель анализа коммеморации» исторических событий, которая состоит из трех элементов: «стратегии основных мнемонических акторов»; «изменения социально-культурной инфраструктуры памяти о событии»; «соотношения конкурирующих исторических нарративов». Согласимся с авторами, что данная методологическая конструкция представляется многокомпонентной, однако предложенный алгоритм дает возможность вполне системно и комплексно проанализировать исследуемый коммеморативный объект (Малинова, Миллер, 2021, с. 33).

Остановимся далее на некоторых интересных, но отчасти спорных моментах, содержащихся в статье М.А. Липман «Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях». Выбранный в качестве предмета исследования национальный пантеон героев, без всякого сомнения, выступает сердцевиной национальной символической политики, а также политики памяти, поскольку на основе его репрезентаций формируется представление об определенной иерархии исторических фигур, чья значимость измеряется их вкладом в реализацию выдвигаемых государством общеполитических целей и задач (Липман, 2021, с. 39). Наиболее зримым и эффективным способом запечатления в массовом сознании политически значимых героических фигур выступает монументальная пропаганда, связанная с созданием музейных комплексов, памятников, скульптур, обелисков, барельефов и т. п.

В своей статье автор сравнивает советский период развития монументальной пропаганды с постсоветским временем, обращая при этом внимание на характер изменений, произошедших в пантеоне популярных исторических деятелей.

Говоря о советском периоде формирования пантеона национальных героев, М.А. Липман обращается к ленинскому Декрету 1918 г. «О памятниках Республики»¹, связанному, по ее словам, с практикой «иконоборчества», которая была направлена на уничтожение скульптурных изображений и разрушение памятников, не отвечающих идеологическим запросам революционного времени. Согласно указу, требовалось снести памятники российским императорам, а вместо них поставить памятники известным революционным деятелям (Липман, 2021, с. 38–40).

¹ Декрет о памятниках Республики (1918, 12 апреля). Взято 16 мая 2022, с <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm>

Большевистская борьба с памятниками имперской эпохи, считает исследователь, приобрела характер «монументальной лихорадки». Однако, по ее мнению, ленинский план создания пантеона героям мировой революции в первые годы советской власти отнюдь не служил увековечению их памяти, а лишь «в декларативной форме информировал новых советских граждан» об объектах почитания (Липман, 2021, с. 40). С данным тезисом мы в корне не можем согласиться, поскольку считаем, что существующие исторические источники достаточно четко свидетельствуют о том, что председатель Совнаркома был крайне озабочен быстрой реализацией данного плана, которому придавалось огромное воспитательное значение, а именно: виделась необходимость сформировать у граждан молодой республики понимание значимости всей предшествующей мировой борьбы с тиранами за свободу и светлое будущее. Вот почему в список выдающихся деятелей – борцов за свободу, утвержденный Совнаркомом 2 августа 1918 г., вошли такие, на первый взгляд, слабо совмещаемые фигуры, как Маркс и Спартак, Робеспьер и Степан Разин, Сен-Симон и Пушкин (Шалаева, 2014, с. 33). Предлагаемый пантеон новых героев служил чрезвычайно важной и актуальной идее – воспитанию широких народных масс в духе всемирной значимости Октябрьской революции 1917 г. В этой связи в честь празднования первой годовщины Октября осенью 1918 г. в ряде крупных городов советской России были открыты гипсовые и бетонные (в силу финансовых затруднений) памятники, символизирующие торжество идеологии нового государства. По словам скульптора С. Т. Коненкова, который в 1918 г. состоял в отделе изобразительных искусств Наркомпроса, «большинство произведений... рождалось в обстановке горения и революционных исканий. Именно тогда резец скульптора стал оружием в борьбе за советскую власть» (цит. по: Шалаева, 2014, с. 34). Таким образом, было бы ошибочно утверждать, что в первые годы советской власти новому пантеону героев придавалась только информирующая функция.

В статье также говорится, что через шесть лет после издания Декрета «О памятниках Республики» В. И. Ленин сам стал советским «героем монументального пантеона». Исследователь отмечает, что в январе 1924 г., после смерти политического вождя, советские граждане в знак поклонения стали по собственной инициативе возводить ему из подручных материалов памятники. Параллельно шел процесс формирования официального «канонического нарратива о вожде мирового пролетариата», результатом чего стало возникновение культа Ленина, именем которого назывались города, улицы, поселения, социалистические предприятия, государственные и общественные организации. В 1930-е гг. также произошла канонизация образов Сталина и его соратников, пополнивших советский пантеон героев (Липман, 2021, с. 41–42).

С рядом тезисов, выдвинутых в статье, мы можем согласиться. Например, с положением о том, что сегодня официальная «монументальная политика отличается эклектичностью», что современный монументальный ландшафт страны «лишен идеологического единства и нередко оказывается полем противоречий», что центральным компонентом властного дискурса, формирующим некое идеологическое единство политики памяти, выступает «нарратив о Великой Отечественной войне, практически редуцированный до Победы» (Липман, 2021, с. 55–57). Однако стоит отметить, что при оценке и анализе официальной политики памяти нужно учитывать целый ряд факторов, в том числе комплекс культур

и субкультур памяти, который представляет собой мнемоническое пространство современной России. Неудивительно, что поиск определенного консенсуса сопряжен с некоторой уклончивостью, порой даже граничащей с расплывчатостью, официального дискурса, выраженного в пространстве символической политики.

Статья К.А. Пахалюка посвящена исследованию политических аспектов современных практик коммеморации 100-летия Первой мировой войны в России. Автор отмечает, что данное историческое событие до 2013 г. «находилось на обочине национальной памяти», однако приближение юбилея способствовало процессу институционализации, формированию инфраструктуры памяти о войне (Пахалюк, 2021, с. 97). В качестве объектов изучения автором были взяты: 1) официальный дискурс о Первой мировой войне, представленный публичными выступлениями В.В. Путина; 2) деятельность субъектов коммеморации (институтов и мнемонических акторов), а именно: РВИО, РИО вместе с аффилированным с ним фондом «История Отечества», общественных организаций, «реконструкторов» и др., направленная на увековечение памяти о данном историческом событии посредством закрепления в массовом сознании ярких примеров единения государства и народа.

При изучении высказываний В.В. Путина относительно 100-летия Первой мировой войны автор задался целью не только раскрыть общий смысл, которым Президент предложил наполнить юбилей, но и выделить те «микроработы», за счет которых осуществляется эссенциализация прошлого» (Пахалюк, 2021, с. 85). При этом, ссылаясь на методологию критического дискурс-анализа, исследователь поставил задачу показать, каким образом президентский дискурс, рассматриваемый «на коммуникативном, семиотическом и когнитивном уровнях», оказывается способным создавать эффект своей убедительности (с. 85).

В начале своего исследования автор, говоря о коммуникативном измерении исторической риторики Президента, посвященной тематике Первой мировой войны, выделяет такую ее черту, как доминирование коммуникации монологического типа, которая оказывается привязанной к конкретным контекстуальным планам, например, к встрече В.В. Путина с руководством и студентами Балтийского федерального университета им. И. Канта в апреле 2013 г., с творческим коллективом фильма «Батальонъ» и др. (Пахалюк, 2021, с. 85–86).

Переходя к рассмотрению выступлений главы государства с позиций семиотического и когнитивного подходов, автор неожиданно обращается к теории речевых актов Дж. Остина, т. е., по сути, к лингвистическому анализу дискурса. При этом приводится таблица, где публичные высказывания Президента делятся на два основных типа – перформативные и констатирующие. Из этого следует, что в указанных выступлениях констатирующие высказывания явно преобладают, что превращает их «в мини-рассказ о самом событии» – Первой мировой войне.

К.А. Пахалюк приводит в качестве примера абзац из речи В.В. Путина у памятника на Поклонной горе, в котором обозначенная значимость данных исторических событий выстроена «через констатирующее утверждение». Подчеркнем, что автор акцентирует внимание на «констативном сдвиге», который можно рассматривать в качестве «одной из ключевых особенностей публичного обращения к истории в целом», а также выделяет еще одну стратегию – «очевидность факта», характерную для публичного дискурса. При

этом автор отмечает такую особенность дискурса Президента, как возложение ответственности за развал государства в 1917 г. на политическую практику большевиков, которые «украли» у страны победу в Первой мировой войне и нанесли удар «ножом в спину» русской армии. Увязав историю Первой мировой войны с «предательством» большевиков и событиями Великой Отечественной войны, глава государства, согласно К. А. Пахалюку, формулирует официальную версию политического смысла юбилейной даты, который заключается в том, чтобы на примерах героического прошлого убедительно продемонстрировать единство народа и государства, что должно стать «укором любым «партийным» революционерам», а также способствовать возданию справедливости «не только павшим героям, но и героям преданным» (Пахалюк, 2021, с. 86–89).

В целом поставленная самим автором методологическая задача – проанализировать риторику Президента по поводу 100-летнего юбилея Первой мировой войны с позиции критического дискурс-анализа, включающего исследование коммуникативного, семиотического и когнитивного уровней дискурса, – оказалась невыполненной или выполненной частично. Так, анализ ценностного ряда, содержащегося в изучаемых публичных выступлениях, не был полностью проведен и требует дополнительного раскрытия. Когнитивный уровень официального дискурса о событиях Первой мировой войны также недостаточно проанализирован в работе.

В сюжетах, посвященных деятельности РВИО и РИО, исследователь описывает их организационную и символично-порождающую деятельность, направленную на институционализацию памяти о Первой мировой войне (подготовка музейной экспозиции в Ратной палате, открытие памятников героям в разных российских регионах, проведение юбилейных мероприятий и др.). Как отмечает К. А. Пахалюк, данная деятельность направлена на закрепление в массовом сознании россиян представлений о героическом военном прошлом своего государства и народа.

Кроме того, в работе выделяются два направления коммеморации событий Первой мировой войны: «формирование инфраструктуры памяти» и разработка практик, направленных на вовлечение в празднование юбилея (Пахалюк, 2021, с. 97). Несмотря на официально заданную общую смысловую рамку проводимых мероприятий, каждый мнемонический актор, по мнению К. А. Пахалюка, транслировал «собственный способ интерпретации» войны. Однако автор призывает не сопоставлять эти оценки, а указывает, что позиции и заявления разных мнемонических акторов «были встроены как раз в героико-патриотический контекст и ситуативно играли на его усиление» (Пахалюк, 2021, с. 94–95).

Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что рассматриваемый юбилей был использован также рядом мнемонических акторов, выступающих за реабилитацию Белого движения в массовом сознании. Кроме того, одной из особенностей коммеморации данной войны становится преобладание «местной специфики» и локальных черт: юбилейные мероприятия проводились преимущественно на территориях, где исторически разворачивались военные события (например, Калининградская область) (Пахалюк, 2021, с. 99–101).

К. А. Пахалюк делает вывод, что, с политической точки зрения, проведенная серия юбилейных акций, призванных придать юбилею требуемую смысловую рамку, в целом оказалась успешной. В короткий срок удалось соз-

дать базовую «инфраструктуру памяти» о Первой мировой войне, в публичном пространстве закрепился и стал доминировать героический взгляд на данные события. В то же время автор весьма критически отзываясь о смысловом содержании образа данной войны, который конструировался в ходе мероприятий. Этот образ, по его мнению, способствовал формированию одномерного восприятия исторического прошлого, поскольку был лишен внутреннего конфликтного напряжения, а также не был направлен на «осмысление войны в целом».

Стоит также отметить, что автор недостаточно раскрыл в своей работе такой аспект политики памяти, как «историческая травма», т.к. военные события отличаются как героическими подвигами, так и трагическими событиями. Основное внимание уделялось исключительно достойным примерам, в то время как все другие оказывались на периферии общественных рецептов прошлого (Пахалюк, 2021, с. 106).

Завершая аналитический обзор сборника по символическим аспектам политики памяти, остановимся на статье *К. М. Королева* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики». Исследовательский интерес к данной работе продиктован тем, что автор, с одной стороны, рассматривает широко известную концепцию о музеях как полноценных мнемонических акторах, с другой – обращается именно к общественным, низовым музейным проектам и практикам, которые аккумулируют и предлагают обществу «народную», предметно-тематическую или локальную интерпретацию событий прошлого (Королев, 2021, с. 199–204), трансформируя символическое пространство культуры памяти.

Проблематика расширения музейной институции, как отмечает исследователь, ставит перед социумом закономерный вопрос о содержании и границах такого понятия, как «музей», а также классификации по тематическому признаку (направлений внутри него). Согласимся, что в последнее время музеи можно рассматривать в качестве «проводников и даже порой «конструкторов» памяти» (Королев, 2021, с. 201–204). Однако, как замечает автор, транслируемая официальными музейными структурами историческая политика не всегда коррелирует с низовыми общественными музейными практиками, т.к. некоторые музеи нового типа обращаются к эпизодам истории страны, которые могут «по разным причинам находиться в «слепой зоне» общественного внимания». Следовательно, с помощью активной общественной работы негосударственные музеи «видоизменяют, частично уточняют и частично опровергают господствующий историко-политический нарратив». В качестве примера *К. М. Королев* приводит «появление негосударственного музея Дороги жизни в деревне Кобона», который способствовал утверждению правобережья Ладоги в качестве «места памяти» в региональной символической политике (с. 205–206).

Автор акцентирует внимание на советском наследии как отдельной области памяти, которая сохраняется и воспроизводится в рамках общественных музейных инициатив. Появление тематических музеев, выставок и экспозиций (например, частного Музея детства в Вологде, Музея социалистического быта в Казани и др.), с одной стороны, может рассматриваться как важный институт коммеморации страниц истории СССР, определенных повседневных советских практик и (или) предметов (например, игрушек); с другой – как

«материальное» проявление ностальгии по советскому прошлому, утраченной молодости (Королев, 2021, с. 207–208).

Стоит отметить, что исследователь проводит параллель между историческими реконструкциями и музеями живой истории, которые применяют практику «воссоздания» прошлого, в основном используя реплики исторических артефактов той или иной эпохи, давая посетителям возможность прочувствовать и «примерить» воссозданный исторический период или событие (Королев, 2021, с. 208–210). Несмотря на попытку автора концептуально описать и определить такой феномен, как виртуальный музей, в работе подробно не раскрываются особенности и возможности данных цифровых мнемонических акторов как субъектов символической и исторической политики. Кроме того, поскольку статья входит в сборник, посвященный символическим аспектам политики памяти, на наш взгляд, автор недостаточно подробно раскрыл содержательно-символическую структуру и роль общественных музейных инициатив в формировании социально-культурной архитектуры памяти, символического капитала страны или региона. Основной акцент в работе сделан на рассмотрении форм и тематической направленности музейных институций нового типа. Стоит отметить, что автор подробно не проанализировал специфику общественных музейных инициатив, характерных для Северо-Западного федерального округа. Однако проведенное им исследование общественных локальных музейных инициатив в рамках исторической политики, на наш взгляд, представляется целостным, отмеченные же нами замечания могут скорее углубить данную проблематику.

Заключение

В рассматриваемом сборнике статей описываются и раскрываются разнообразные формы символических репрезентаций политики памяти, которые характеризуют особенности ее мнемонических акторов и коммеморативных практик, встречаемых как в России, так и в ряде постсоциалистических государств Восточной Европы. В отличие от коллективных исследований политики памяти 2018 и 2020 гг., выполненных под руководством А. И. Миллера, акцент в данной работе сделан главным образом на проблемах использования символической политики в качестве системы инструментов актуализации и реализации коллективной памяти о прошлом. Обращение к коммеморативным практикам и исторической памяти через оптику символической политики востребовано как отдельными институтами, так и обществом в целом.

Стоит подчеркнуть, что данный сборник был создан в результате работы коллектива авторов, при этом предварительно апробирован в формате научной конференции, что дополнительно подтверждает актуальность исследуемой тематики и научную ценность работы. Неотъемлемым плюсом стало сочетание общетеоретических статей с тематическими работами, содержащими отдельные кейсы или посвященными региональным коммеморативным практикам. В качестве перспективного направления для продолжения исследований в выбранном авторами ключе видится выход на проблематику постпамяти и постправды, поскольку указанные феномены трансформируют социально-культурную архитектуру памяти и национальную политику памяти в целом, особенно на постсоветском пространстве.

Данная книга будет интересна широкому кругу читателей, как профессиональным историкам, культурологам и политологам, так и тем, кто интересуется историей и политикой памяти в России и Восточной Европе. Хочется надеяться на продолжение плодотворных исследований коллективом авторов и реализацию интересных научных мероприятий, посвященных символической политике и политике памяти в России. Сделанный в процессе рецензирования ряд замечаний вовсе не свидетельствует о нашей полной правоте. Он говорит лишь об открытом характере решаемых авторами проблем.

Список литературы

1. Ачкасов, В. А. (2012). Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти». В О.Ю. Малинова (Ред.), *Символическая политика* (с. 126–148). М.: ИНИОН РАН.
2. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2020). Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. *Дискурс-Пи*, 17(2), 59–77. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>
3. Королев, К. М. (2021). «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики». В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 199–212). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
4. Липман, М. А. (2021). Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях. В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 38–64). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
5. Малинова, О. Ю. (2015). *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
6. Малинова, О. Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (с. 27–53). М. – СПб.: Нестор-История.
7. Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021). Введение. Символическая политика и политика памяти. В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 7–37). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
8. Миллер, А. И. (2020). Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы* (с. 8–24). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
9. Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (Ред.). (2018). *Методологические*

вопросы изучения политики памяти. М. – СПб.: Нестор-История.

10. Миллер, А.И., Ефременко, Д.В. (Ред.). (2020). *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

11. Мошкин, С.В. (2021). Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. *Дискурс-Пи*, 18(3). 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

12. Нелина, Л.П. (2020). Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*, 6(3), 244–253. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253>

13. Пахалюк, К.А. (2021). Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение. В В.В. Лапин, А.И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 81–107). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

14. Русакова, О.Ф. (2008). Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 61(6), 114–121.

15. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2011). *PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

16. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Дискурс-Пи*, (2), 10–27. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

17. Шалаева, Н.В. (2014). План советской монументальной пропаганды: пробелы реализации. 1918–1921. *Вестник Челябинского государственного университета. История*, (8), 30–35.

18. Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth, & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance* (pp. 1–32). London: Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

References

1. Achkasov, V.A. (2012). Rol' politicheskix i intellektual'nyx e'lit postkommunisticheskix gosudarstv v proizvodstve "politiki pamyati" [The role of political and intellectual elites of post-communist states in the production of "politics of memory"]. In O.Yu. Malinova (Ed.), *Simvolicheskaya politika* (pp. 126–148). Moscow: INION RAN.

2. Korolev, S.M. (2021). "Vozvrashhenie istorii": obshhestvennye muzejnye iniciativy skvoz' prizmu istoricheskoy politiki» ["Return of history": Public museum initiatives through the prism of historical politics]. In V.V. Lapin, & A.I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 199–212). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

3. Kovba, D.M., & Gribovod, E.G. (2020). Osobennosti formirovaniya

i realizaciji politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetskom prostranstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 59–77. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>

4. Lipman, M. A. (2021). Panteon nacional'nyh geroev kak jelement simvolicheskoy politiki. Monumental'nye praktiki postsovetskoj Rossii i obshhestvennye predstavleniya o vydajushhihsja istoricheskikh lichnostjah [Pantheon of national heroes as an element of symbolic politics. Monumental practices of post-Soviet Russia and public perceptions of prominent historical figures]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 38–64). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

5. Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Relevant past. Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).

6. Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of memory as a field of symbolic politics]. In A. I. Miller, & D. V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* (pp. 27–53). Moscow- Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

7. Malinova, O. Yu., & Miller, A. I. (2021). Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic politics and the politics of memory]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 7–37). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

8. Miller, A. I. (2020). Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i v eyo izuchenii? [Introduction. Sweeping changes. What is new in the politics of memory and its study?] In A. I. Miller, & D. V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* (pp. 8–24). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

9. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2018). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

10. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2020). *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in present-day Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Moshkin, S. V. (2021). Politika pamyati ob Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. [The 1917 October revolution memory politics]. *Diskurs-Pi*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

12. Nelina, L. P. (2020). Podxody k opredeleniyu konceptov memory studies v rossijskoj istoriografii [Approaches to defining the concepts of memory studies in Russian historiography]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 6(3), 244–253. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253>

13. Pakhalyuk, K. A. (2021). Kommemoracija 100-letija Pervoj mirovoj vojny v

Rossii: politicheskoe izmerenie [Commemoration of the 100th anniversary of World War I in Russia: Political dimension]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 81–107). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

14. Rusakova, O. F. (2008). Politicheskaya diskursologiya: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya [Political discoursology: Relevance of research and theoretical and methodological foundations]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 61(6), 114–121.

15. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2011). *PR-Diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz* [PR-discourse: Theoretical and methodological analysis]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

16. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpravdy [Post-truth discourse as a media technology of post-memory politics]. *Diskurs-Pi*, (2), 10–27.

17. Shalaeva, N. V. (2014). Plan sovetskoj monumental'noj propagandy: probely realizacii. 1918–1921 [Soviet plan of monumental propaganda: Problems of implementation. 1918–1921]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, (8), 30–35.

18. Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth, & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance* (pp. 1–32). London: Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya associaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.)</i> . Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov